

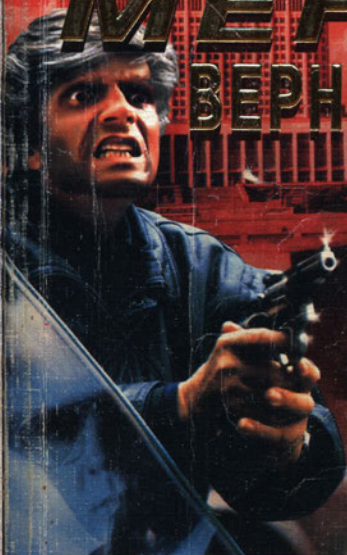

pocket
BOOK

Николай
ЛЕОНОВ

МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

Николай ЛЕОНОВ
МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ОБ АВТОРЕ

Николай Леонов родился в 1933 году в Москве. Имеет высшее юридическое образование, десять лет работал в милиции.

Автор множества книг и киносценариев, среди которых: "Трактир на Пятницкой", "Вариант "Омега", "Агония", цикл повестей о сыщике Гурове.

"МЕНТ ВЕРНУЛСЯ"

Полковник Лев Гуров, проработав некоторое время в частной фирме, возвращается в МУР. Но теперь ему приходится заниматься не поисками уголовников, а по заданию руководства вычислять киллера, которому сделан заказ на политическое убийство.

Москва, «ЭКСМО», 1996

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ

**МЕНТ
ВЕРНУЛСЯ**

МОСКВА

ББК 84Р7
Л47

Серийная разработка художника
С. В. Курбатова

Серия основана в 1994 году

Леонов Н. И.
Л 47 **Мент вернулся: Роман. — М.: ЭКСМО, 1995. — 448 с. (Серия «Русский бестселлер»).**

ISBN 5-85585-383-7

Л **4702010201—218**
ЛР 061309—95

ББК 84Р7

ISBN 5-85585-383-7

© Леонов Н. И., 1995 г.
© Оформление.
ЗАО издательство
«ЭКСМО», 1995 г.

«Акела промахнулся!
Акела промахнулся!» —
кричал шакал.

«Мы с тобой одной кро-
ви — ты и я».

Р. Киплинг

Генерал Петр Николаевич Орлов и полковник Лев Иванович Гуров вернулись в генеральский кабинет из управления кадров, где полковника восстановили в должности старшего оперативного уполномоченного по особо важным делам Главного управления уголовного розыска МВД России. Три месяца назад Гуров уволился из милиции по собственному желанию, став руководителем службы безопасности в коммерческой структуре. Уход из органов сорокадвухлетнего полковника, опера-важняка, без скандала, просто так — явление довольно редкое, а его возвращение через три месяца на прежнюю должность — случай вообще беспрецедентный.

Верочка, девушка хорошенькая, пытавшаяся держаться строго и независимо, встретила мужчин в крохотной приемной, которая являлась ее, секретаря, владением, собралась было произнести заготовленные слова, всхлинула и, чуть ли не рыдая, забормотала:

— Значит, правда? Вернулись! Лев Иванович, дорогой!

— Вероника! — Орлов пытался смотреть грозно. — С фронта вернулся? Из тыла врага выбрался? Прогулялся кот по помойкам и на хаузе! — Он распахнул тяжелую дверь своего кабинета, глянул на Гурова. — А ты женись разом на всех девках моей конторы, и покончим с вопросом раз и навсегда!

— Верунчик, ты чего? — Гуров обнял девушку за плечи. — Петр мужик свой, умный к тому же, а иные люди неизвестно что подумать могут.

— Никто про вас ничего не подумает! — Верочка вырвалась, прошла к своему столу. — Кофе сейчас будет!

Гуров молча кивнул, прошел в кабинет Орлова, занял свое привычное место у окна.

Они работали вместе около двадцати лет, были близкими друзьями и знали друг друга настолько хорошо, насколько одному человеку дано понять человека другого.

Орлову было без нескольких минут шестьдесят, невысокий, склонный к полноте, но крепкий. Непропорционально большая голова с шишковатым лбом, бровки белесые, глазки небольшие, упрятанные, нос бульбочкой, который Орлов непрестанно трет, словно желает придать ему другую форму. В общем, внешностью он не удался. В штатском костюме, который носил ежедневно, — генеральский мундир надевался в случаях

неординарных, — Орлов походил на мастерового невысокой квалификации.

Гуров был внешностью в точности наоборот. Высокий, статный, от чего казался еще выше, всегда элегантно одетый, коротко стриженный с безукоризненным пробором, виски начали седеть, в широко распахнутых глазах, то голубых, то серых, постоянная насмешка, адресованная в первую очередь самому себе. Гуров отлично знал, что красив и элегантен. Относился к своей внешности философски, порой говорил: мол, черт с ним, с этим Гуровым, у него масса и других недостатков. И был абсолютно прав — недостатки наличествовали в избытке. Так, в Гурове всего было через край, не помещался он в отпущенной Богом оболочке, поэтому люди, окружавшие полковника, либо его обожали, либо ненавидели, равнодушных рядом никогда не было.

Такие разные, они встретились в МУРе, когда одному было за двадцать, другому под сорок. Невзлюбили друг друга, но известно: вода камень точит. А как однажды сказал Орлов: «Сыщик — не профессия, а диагноз», и, «чтоб не пропасть поодиночке», они стали друзьями.

Орлов расстегнул мундир, ослабил галстук, вздохнул, кашлянул и сказал:

— Между прочим, моя контора не проходной двор, господин полковник. Слезь с подоконника и не смотри в окно.

Гуров согласно кивнул, достал сигареты.

— Слышал, твоего зама прокуратура в камеру пригласила...

— Кажется, еще вчера ты был худенький, голубоглазый, наивный, — перебил Орлов и взглянул на часы.

Верочка принесла поднос с кофе. Генерал увидел, что чашки три, спросил:

— Станислав? — Он делал ударение на втором слоге, что придавало имени иностранный оттенок. — Зови.

Девушка дернула плечиком, насмешливо хмыкнула, расставляя чашки: ведь их было три, все ясно без слов.

— Разрешите? Здравия желаю! Явился, прибыл, готов служить! — выпалил чуть ли не в одно слово Станислав Крячко, переступая порог.

— Входи, присаживайся, рад видеть, — в тон пришедшему ответил генерал.

Гуров лишь кивнул, так как с полковником Крячко он сегодня уже виделся. Три месяца назад вместе уволились, теперь вместе вернулись. В их связке Гуров был ведущим. Крячко признавал старшинство друга легко, без комплексов, часто с радостью. Много лет назад Гуров работал в МУРе в группе Орлова, вскоре сам возглавил группу, и в нее из района пришел Крячко. Станислав был немного моложе Гурова, но тоже полковник и опер-важняк. Он не обладал стратегическим мышлением, как Орлов, не мог сравниться с Гуровым как психолог и тактик, но в сыщицком чутье друзьям не уступал.

Полковник Крячко в этом году собирался отметить сорокалетие. Он чуть ли не двадцать из своих сорока проработал в розыске. Начинал помопера, бегал по вокзалам, задерживал карманников, барыг, которые в те годы не назывались коммерсантами. В прошлом году он стал начальником отдела МУРа, но пришел новый начальник — взаимоотношения не заладились. В это время Гуров заявил о своем уходе из милиции. Они ушли вместе, теперь вместе вернулись. Недавно убили депутата Думы, власти с удивлением узнали, что в столице стреляют, причем преступники разбираются не только с коммерсантами и с банкирами, друг с другом, но могут пальнуть и в члена парламента, что настораживало. Тут же предложили уволить министра внутренних дел, но Думе кто-то шепнул, что у министра и пистолета нет и защиты от него ждать нечего.

А возможно, все это вымыслы, и пистолет у министра имеется.

Факт остается фактом: возвращение в альма-матер двух не самых плохих, а, по слухам, так просто отличных сыщиков было своевременным. В кадрах друзей даже не ругали, лишь слегка пожурили, как добрый педагог журит любимого отличника за шалости и прогул урока.

Генерал Орлов сам оформил документы на пенсию: устал, да и начальству изрядно надоед, чуть было приказ не подписали, в последний момент опомнились, сказали:

мол, обожди чуток. Он был человек обстоятельный и неторопливый. Гуров, хотя в штате не числился, крутую историю с напарником раскручивал. Затем, как говорилось, депутата не вовремя убили, генерала придержали, а через несколько дней об его уходе на коллегии уже никто не говорил, а может, приказ потеряли — всякое случается.

Обо всем этом и многом другом думали друзья, попивая кофеек в скромном кабинете начальника уголовного розыска России.

— Нашастались по крышам... — сказал Орлов лишь для того, чтобы прервать гнетущую паузу. — У меня приятель на Канарские острова летал, рассказывал: райская жизнь, однако вернулся.

Гуров промолчал. Крячко глянул на него, вздохнул:

— У него, видно, деньги кончились. Лев Иванович, я по твоей вине шубу супруге справиться не успел.

— Ты «мерседес», хоть и подержанный, Борису не вернул и, судя по твоей физиономии, возвращать не собираешься. — Гуров отлепился от подоконника, подошел к столу, погасил в пепельнице сигарету. — Петр Николаевич, у тебя хороший компьютерщик имеется?

— Ну? — Орлов взглянул настороженно. — Я вас, мальчики, еще по месту не определил. А каждый солдат должен быть к своему котелку приписан.

Зазвонил один из телефонов, уже тренькал другой. Орлов взглянул недовольно, снял обе трубки, в одну сказал, чтобы подождали, по второй, представившись, начал переговоры, покосился на друзей, сказал:

— Они оба у меня, господин генерал-лейтенант... И плохо, что вам докладывают. Доносчики должны стучать только мне... Я тоже стучу... Хорошо, — Орлов кивнул, положил трубку, ответил по другой: — Слушаю вас.

— Как ни мучилась, а родила, — философски изрек Крячко. — Чуешь, нас еще в стойло не определили, а уже сбрую справили.

— Как твоя половина настроена? — спросил Гуров.

— Плохо. Она нормальная женщина, любит жить хорошо и не любит плохо.

Орлов брякнул трубкой по аппарату, поднялся, начал поправлять галстук.

— Идемте, я вас новому замминистра представлю. — Он ткнул Крячко пальцем в грудь. — Ты молчи как рыба. А ты, Лева... — Орлов осмотрел Гурова. — А, какая разница, не сегодня, так завтра, от тебя не убережешься.

Глава первая

Кабинет заместителя министра был велик, уютен и деловит одновременно. Серебристый палас и два окна с белоснежными шторами делали кабинет свежим, праздничным, а темная мебель — только необходи-

мая, ничего лишнего — придавала вид деловой, не располагающий расслаживаться и болтать о постороннем.

Когда оперативники вошли, сидевший за громадным письменным столом молодой человек приветственно махнул рукой, что-то быстро дописал, поднялся, вышел из-за стола. Замминистра был в скромном сером костюме, белой рубашке, строгом галстуке, поднявшись, роста оказался среднего, фигурой строен, в движениях легок. Выглядел он лет на тридцать пять, позже Гуров узнал, что они с замминистра одногодки — обоим по сорок два.

— Давайте знакомиться. — Хозяин улыбнулся Орлову, руку протянул Гурову. — Бардин Николай Ильич.

— Полковник Гуров.

— Лев Иванович, слышал о вас много разного и противоречивого. — Рукопожатие Бардина оказалось коротким, жестким.

«Делает маникюр, занимается спортом, — отметил непроизвольно Гуров. — Наверняка играет в теннис, слегка таскает железо, не курит, почти не пьет».

Бардин познакомился с Крячко, сказал несколько слов, показывая, что знает полковника, и пригласил всех к столу для совещаний, который был расположен слева от входа, вдоль стены с окнами.

Гуров отметил поразительную чистоту, свежий воздух. Обычно в подобных кабинетах из-за бесконечных совещаний дышалось

тяжело, даже если хозяин курить не разрешал.

На полированном столе для совещаний стояли бутылки с водой и соками, хрустальные пепельницы, которыми явно никто не пользовался. Бардин жестом пригласил гостей присаживаться, сам занял место во главе стола, открыл минеральную воду, наполнил стакан, кивнул: мол, угощайтесь.

— Значит, так выглядят лучшие сыщики России. — Он улыбнулся, пытаясь начать непринужденный разговор. — Люди как люди. Лев Иванович франтоват, Станислав похож на участкового в штатском. Меня предупреждали, что внешность ваша — сплошной обман. Как видите, я навел о вас справки, подготовился к встрече.

Бардин говорил общие, необязательные слова, что было странно. Обычно чиновники такого ранга постоянно торопятся, опаздывают и времени на болтовню с подчиненными не тратят. Гуров разглядывал нового зама без особого любопытства. Много их приходило и уходило, они проводили политику министров и сами по себе ничего в верхах не решали. Внешне Бардин был не плох и не хорош, все в нем, можно сказать, усредненное: возраст, рост, фигура, одежда, волосы русые, глаза карие. Если о человеке с такой внешностью начнешь расспрашивать свидетеля, получишь нулевую информацию. Он курирует уголовный розыск. Что такое «курирует», никто никогда не знал и

не знает. Деньги и штаты определяет министр, непосредственно работой руководит начальник главка, а курирующий зам активно суетится и подгоняет.

— Лев Иванович, вы размышляете, на кой новый заместитель вам, розысникам-практикам, нужен? — спросил Бардин. — Кстати, вы ведь курите, так и курите, пожалуйста.

Орлов испугался, что Лева сейчас расскажет, о чем он размышляет, и взаимоотношения, не успев начаться, будут испорчены вконец.

— Извините, Николай Ильич, ваш вопрос некорректен, — ответил Гуров.

Орлов насупился, Крячко отвел взгляд, старался не ухмыляться, но Бардин продолжить Гурову не дал, заразительно рассмеялся.

— Ну, извини! Кажется, так говорят у вас в группе? — Он развел руками. — Меня утром ужасно вами пугали: мол, совершенно не управляем, дерзок, способен нахамить и прочая, и прочая, я не мог удержаться и не проверить. Считайте, Лев Иванович, что я ничего не спрашивал. Интересно, зачем я вас пригласил? Вы — асы своего дела, я — новичок на стадионе. Говорят, что со стороны виднее. Убежден, со стороны виднее лишь избитые истины, на которые вы уже перестали обращать внимание. Однако перечислим, чтобы иметь печку, от которой и танцевать. Бытовала пословица: МУР есть МУР. Не только управление на Петровке, а профессиональные сыщики, опытные и непод-

купные, с которыми лучше не связываться: рано или поздно сядешь в тюрьму. Сегодня это пустые слова, «преданье старины глубокой». Так? Лучшие люди из розыска ушли? — Бардин загнул палец. — Верно, да не совсем. Ваше присутствие тому доказательство. Профессиональных, честных людей мало. Как результат — рост преступности в целом, особо опасных преступлений — в особенности, и рост коррупции, и еще большая потеря авторитета уголовного розыска. Порочный круг.

Орлов тяжело вздохнул. Взгляд Крячко стал еще наивнее, хотя и казалось, что дальше некуда. Гуров лишь привычно пожал плечами.

— Нам вопросов денег, квартир, технического оснащения не решить, тут и министр бессилен, а я способен лишь урвать для розыска кусок побольше от пирога, точнее — пирожка, выделенного на милицию в целом. Так что нам делать, господа сыщики?

Господа молчали, полагая, что чиновник поговорит, устанет и отпустит их с миром.

— Напрасно молчите, я вас не отпущу, пока вы мне не скажете, что вы можете предпринять в данных конкретных обстоятельствах. Не правительство, не Дума, а вы лично.

— Я подал перечень мероприятий...

— Извините, Петр Николаевич, — перебил Орлова чиновник. — Я ваш фолиант читал, вы дали указание перепечатать бумажки, сочиненные несколько лет назад,

которые были перепечатаны с более ранних бумажек. Аналогичные папки лежат на столах и лестничных площадках, вплоть до чердаков, где обитает президент. Меня интересует, что можете сделать вы, а не что вы просите сделать государственный аппарат.

— Государственное устройство ломали общаком, авторитет милиции изничтожают десятки журналистов, радио и телевидение, а восстанавливать его предложено трем старым ментам. — Крячко хмыкнул, моргнул белесыми ресницами. — Нам легче взамен колеса что-нибудь придумать.

— Заткнись, Станислав, — буркнул Орлов и взглянул на Гурова, который сидел напротив. — Лева, у тебя есть чего?

— Есть, но не скажу, — ответил Гуров, давно мявший незажженную сигарету, сломал, бросил в пепельницу.

— А чего ты, словно красна девица? — не унимался Крячко. — Идея продуктивная, могу поделиться.

— Станислав! — Орлов чуть было не ударил кулаком по столу.

Бардин хотя и был готов к резкостям, даже провокациям, но на простодушный взгляд Крячко попался, согласно кивнул.

— Изложите, Станислав, не стесняйтесь.

— Я в партии длиннющий срок отмотал, у меня ее заветы в крови шастают...

Гуров отвернулся, достал новую сигарету. Орлов помял лицо короткопалой ладо-

нюю, взглянул на замминистра упреждающе, укоризненно покачал головой.

— Да что вы меня оберегаете, Петр Николаевич? Я что, матерных слов не слышал? — улыбнулся Бардин.

— Обижаете, Николай Ильич. Я и другие слова знаю, может, в меньшем количестве, но знаю. — Станислава Крячко понесло, что случалось редко, но проходило всегда бурно. — Главное в моей жизни есть долг перед Родиной и народом, долг огромный, который до гробовой доски отдать невозможно. Это, так сказать, вообще. — Он раскинул руки. — А конкретно, мент Крячко обязан людей защищать. Но у меня нет специалистов, техники... Все перечислять? Не стоит, долго слишком. Нету денег, и никто мне их не даст. Однако имеется простенький способ денежки получить. Вернуть профессионалов, которые разбежались, вооружить их как подобает, не хуже, чем у буржуинов...

Гуров знал, что сейчас Крячко выдаст, прикрыл глаза и вздохнул. Бардин не знал, смотрел на опера-важняка с интересом и не потому, что ожидал услышать ценный совет, а просто был заинтересован в непротокольном разговоре. Чиновнику нужны были эти сыщики, и он понимал, что человек он для них чужой, как подступиться к ним — неизвестно. Один разговорился, и слава Богу, надо проявлять интерес, какую бы ахинею тот ни нес. Возможно, парень сейчас над

МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

начальником подшутит, даже высмеет, не беда, посмеемся вместе.

— Ну-ну, Станислав, чую, быть тебе министром. — Бардин умышленно употребил лексику Крячко. — Выкладывай свое секретное оружие.

— Оружие можно обычное. Перестрелять пяток парламентариев, парочку министров, троечку из окружения президента, и враз все получим. Не Гиммлер я, даже не вождь всех народов — они «ради блага народа» миллионы человек уложили, а я дюжиной обойдусь. Можно подборочку сделать, чтобы без детишек были, тогда без сирот обойдемся.

Бардин побледнел, достал носовой платок, промокнул лоб.

— Господин заместитель министра, чего это вы? Так ведь известно: лес рубят — щепки летят! — Круглое добродушное лицо Крячко стало злым, вытянулось. — Более ста сотрафакторов положили — не пикнул никто, а одного депутата Думы стрельнули, так чуть не всенародный траур.

— Понял, понял, — быстро сказал Бардин и выставил ладонь, словно опасался, что оперы начнут отстрел начальства прямо сейчас. — Даже отбросив нравственность и известный миру опыт, что на крови храм истины построить невозможно, ваш план, господин полковник, не годится.

Запал у Крячко кончился, да и испугался он задним числом, и не чинов каких, а дру-

зей своих — Орлова и Гурова, уже корил себя за словоблудие. Махнул рукой и как можно беспечнее сказал:

— Ну, не годится, так не годится, я чего-нибудь другое сочиню.

Бардин уже взял себя в руки, но опасный разговор не прервал.

— Твоя ошибка, Станислав, в том, что ты совершенно неверно представляешь себе результаты акции, направление взрывной волны. Последствия будут таковы. — Он начал загибать пальцы. — К власти придет фюрер, который проведет чистку и начнет с тебя и меня. Затем он установит диктатуру, закроет все, что закрывается, и только потом уже из новых людей создаст полицейский аппарат, раздавит преступность и людей остальных.

— Николай Ильич, — вмешался Орлов. Голос у генерала звучал ровно, негромко, но Гуров и Крячко поняли, в каком их старшой бешенстве. — У вас есть к нашей службе предложения, мы вас слушаем внимательно.

— Хорошо, генерал. Давайте спустимся на грешную землю, будем говорить по существу. — Бардин не знал Орлова так хорошо, как его друзья и подчиненные, но понял, что ветеран недоволен, и тоже заговорил размеренно и сухо:

— Опустим вопрос о том, что я в вашем деле профан, но за вашу работу министр и администрация президента спрашивали именно с меня. Что, эти убийцы, как их... — Он

замялся, и Гуров почувствовал, что чиновник замялся умышленно. — Киллеры? Да, именно киллеры, они действительно неуловимы?

Крячко уже наговорился сверх меры, поклялся молчать. Гуров взглянул на Орлова: мол, ты старший, так и ныряй, тут неглубоко.

— Николай Ильич, киллеры бывают разные. Вас интересует какое-то конкретное дело? — Орлов покосился на Гурова, хотел переадресовать вопрос к нему, но промолчал.

— Меня интересует высшая категория киллеров, если можно убийце присваивать категорию. И не частный случай, а теоретически. Возможен ли розыск убийцы, прошедшего специальную подготовку, человека хладнокровного, опытного, естественно, крайне осторожного?

— Теоретически все возможно, а на практике... Статистика вам известна, — ответил Орлов. — Каждое заказное убийство — не теория, а конкретное дело, за которым жизнь конкретного человека. В раскрытии подобных дел нам похвастать нечем. Нас это не оправдывает, но немногим лучше результаты и у ФБР, и у спецслужб других стран.

— Но полковник Гуров недавно в Москве задержал наемного убийцу. Три месяца назад совместно с коллегой из Германии он также выловил убийцу, совершившего преступление в Гамбурге.

— Гуров удачлив, слов нет, но один раз ему помогли исходные данные, которых обычно не бывает, а последний случай вообще особый, так как убийца охотился непосредственно за Гуровым, а он был предупрежден. И операцию по выявлению и задержанию проводил не Гуров самолично, а оперативная группа.

Крячко чуть было не фыркнул, приложил к губам платок, насупился, но не произнес ни слова.

— Мне известно, что Лев Иванович скромностью не страдает, однако перевоспитывать его, видимо, поздно. — Бардин улыбнулся, развел руками. — С этими наемниками надо бороться. Что ни фраза, так получается пошлость, — он вышел из-за стола, — но ничего нового я вам сообщить не могу и научить вас, мастеров своего дела, тоже не в силах. Наемники — страшная беда, но не меньшая беда — уверенность людей в нашем бессилии и, как следствие, уверенность в безнаказанности убийц. Я не знаю, как, но необходимо эти мнения, суждения, называйте как угодно, поломать. Необходимо создать прецедент — разыскать и задержать киллера, дать делу широкую огласку. Не хвастаться, не делать из одного задержания триумф, но внятно, на всю Россию объявить, что угрозыск тоже не лыком шит и работает!

Бардин расхаживал по кабинету, жестикулировал, вообще не походил на замминистра, был человеком не очень уверенным, ■

главное — не поучал, не требовал, скорее просил помощи.

— Знаю, знаю, о чем вы, сыщики, думаете. Пришел парень со стороны, в сыском деле не сечет, а отличиться хочет. Да, хочу ситуацию переломить! И отличиться хочу! Что плохого? У меня есть некоторая власть, небольшая, но все-таки власть. Петр Николаевич, я могу вам помочь?

— Существует управление по борьбе с организованной преступностью...

— Извините! — перебил Бардин. — Известно, наемными убийцами занимается и контрразведка. — Он перестал бегать по кабинету, сел за стол. — Но существует еще такое понятие, как талант. Я не хочу хвастаться, но вы думаете, что управление кадров вот так, с превеликой радостью приняло заблудших сынов? Я вас не попрекаю, как раз отлично понимаю и понимал больше, когда вы уходили, чем когда вернулись. Вернулись, и слава Богу! Но я к этому тоже руку приложил. Благодарности от вас не жду, делал для людей и для себя, а для вас самих в последнюю очередь. Я выяснил: вас считают лучшими. Даже люди, которые лично Гурова Льва Ивановича терпеть не могут, признают, что он дело знает.

Гуров за все время не проронил ни слова. Новый зам сыщику нравился, рассуждал Бардин здраво, держался без выпендривания, но и не опускался до панибратства, только все это к делу отношения не имело. Гуров уста-

ло ждал, когда начальство кончит переливать из пустого в порожнее, поставит конкретную задачу и отпустит.

— Моя мысль понятна? Я прошу вас сделать все возможное и задержать наемного убийцу. Лучше, если он в прошлом был сотрудником правоохранительных органов, и просто великолепно, коли он окажется не наш, милицкий, а из контрразведки или разведки. — Бардин поднялся, давая понять, что разговор окончен.

«Простенько и со вкусом» — чуть было не сказал Крячко, но лишь тяжело вздохнул, встал, взглянул на Орлова и Гурова.

— Извините, Николай Ильич, но весь оперсостав главка и без специальных указаний пытается...

— А я хочу, Петр Николаевич, чтобы не весь оперсостав пытался, — перебил Орлова заместитель министра, — а присутствующие здесь оперы-важняки занимались только данным вопросом. Когда все отвечают — значит, никто не отвечает. Подумайте, скажите, какая вам нужна помощь, и приступайте. С легендой о неуловимости киллеров-профессионалов необходимо покончить.

Бардин смотрел на Гурова, словно обращался только к нему. Гуров пожал плечами и ответил:

— Нам с полковником Крячко нужен персональный компьютер, человек, умеющий на нем работать, и чтобы никто, кроме генерала Орлова, не приставал к нам с во-

просами. — Он кивнул и после паузы добавил: — Включая и вас, господин генерал-лейтенант.

— Хорошо. Сколько вам требуется времени?

— Возможно, месяц. Возможно, всю оставшуюся жизнь, пока не убьют...

— Разрешите? — Орлов взялся за ручку двери.

— Да-да, конечно. — Бардин подошел к дверям. — Лев Иванович, задержитесь на минуточку.

Когда Орлов и Крячко вышли, Бардин спросил:

— А вы не хотели бы отдохнуть недельки две в санатории?

— Спасибо, нет. — Гуров погладил ладонью лицо, словно проверяя, что в нем такого, что навело чиновника на подобные мысли.

— Ну-ну. — Бардин подошел к столу, взял визитную карточку, написал на ней домашний номер, протянул Гурову. — Мою жену зовут Алла, можно без отчества. Если вы, Лев Иванович, сумеете заглянуть к нам на чашку чая, мы будем искренне рады. Мы вас приглашаем и ждем в любой день...

— Благодарю. — Гуров взял визитку, кивнул, хотел добавить, что это вряд ли, но искренность и теплота, звучавшие в голосе хозяина кабинета, удержали сыщика от резкости, и он молча вышел.

Не придет, даже звонить не станет, подумал Бардин, усаживаясь за стол. Я для него

лишь выскочка, чиновник, который по чужим костям хочет вскарабкаться повыше. И он недалек от истины, только непонятно, почему лезть наверх считается у таких, как Гуров, зазорным, даже неприличным?

— Когда хамит Лева, — Орлов указал на вошедшего в кабинет Гурова, — я особо и внимания не обращаю. Он порой не со зла, а по недомыслию. Он всех по себе меряет и силу рассчитать не может. Но ты, Станислав, который чуткий и хитрый, почто над человеком издевался? Не ментовский, не наш, глупый вопрос задал, и ты в ответ?.. стыдно, парень, и меня, старого, дураком выставил. Получилось, что мой человек дерзок, нахален, меры не знает, следовательно, глуп. А когда подчиненный неумышленно — значит, и начальник с того же огорода. стыдоба!

— Ну, Петр Николаевич, ну, грешен, покаюсь уже, больше не буду. Вот Лев Иванович за меня ручается. — Крячко протянул руки к Гурову.

— Не паясничай, Станислав, — миролюбиво сказал Орлов и глянул на Гурова вопросительно.

— Они приглашали меня домой на чашку чая. Сказали, что будут рады, — ответил Гуров.

— Если интересует мое мнение, надо приглашение принять, — сказал Орлов. — Судя

по всему, он парень приличный, ему неуютно в нашей конторе. Ты, конечно, не пойдешь, а зря. Хороших людей, даже если они начальники и стремятся сделать карьеру, надо поддерживать. Он доктор наук, юрист, читал лекции по уголовному праву, работал в Мосгорсуде, потом в администрации президента, видно, головастый парень...

— Головастый на сковородку не попадет, — вставил Крячко. — Первое громкое убийство, и его вышвырнут. Министра не посмеют, начальника главка, — он поклонился Орлову, — трогать нельзя, работать кто-то должен...

— Не дури, — прервал Орлов. — Думаешь, он не понимал, когда согласился? Он все прекрасно просчитал, потому позвал нас, открыл карты. — Генерал взглянул на часы. — Все, господа хорошие, давайте работать. Признаться, чертовски рад, что мы опять вместе. Компьютер и спеца по нему получите завтра.

Кабинет Гурова, Крячко и компьютерщика был стандартным чиновничьим кабинетом со всем необходимым и без каких-либо излишеств. Три письменных стола, мягкие кресла, сейф неустановленного года рождения, шкаф для верхней одежды, три телефонных аппарата, стулья для гостей, одно окно, на подоконнике чахлый цветок.

■ Лопухого и веснушчатого парня, кото-

рый на следующий день принес компьютер, звали Артем Ермаков. Лет двадцати с крохотным хвостиком, он был тих, неразговорчив, фантастически упрям и настойчив в достижении цели, в чем очень быстро убедились старые сыщики.

Гуров уже больше года размышлял над тем, как можно современную технику использовать в розыске, но дальше картотеки, которая уже давно имела, фантазия не шла. Гуров понимал, что возможности компьютера огромны, но как их использовать в деле? Впервые мысль о возможности при помощи компьютера напасть на след наемного убийцы появилась у сыщика, когда он прочитал статью в газете, в которой журналист достаточно аргументированно доказывал, что киллер высшего класса не имеет непосредственных контактов ни с заказчиком, ни с жертвой, поэтому и неуловим. Журналист излагал избитые истины, и Гурова это раздражало. Он решал задачу, связанную с использованием компьютера в розыске, не один день. Однажды призвал на помощь Крячко, поделился сомнениями и сказал:

— Станислав, давай помозгуем вместе, поговорим вслух, станем ловить друг друга на противоречиях, чтобы не получилось невольной подтасовки, шельмовства.

Оперативники долго обсуждали различные варианты и в конце концов пришли к выводу, что в принципе вопрос решить возможно, но для этого необходима помощь

государственного аппарата, санкция министра и чтобы о путях розыска знали лишь Орлов да компьютерщик, без которого не обойтись.

С того разговора минуло около полугода, теперь сыщики получили все необходимые ингредиенты, остался пустяк — воплотить теорию в жизнь.

Артем Ермаков играл со своим компьютером и был в полном восторге, так как еще вчера не мечтал получить столь современную машину, и не обращал внимания на Крячко, который смотрел на мальчишку без симпатии, и на Гурова, усевшегося за свой стол и рисующего на листочке треугольнички, означавшие, что полковник растерян, сердит и вообще не в своей тарелке.

— Что нам стоит дом построить — нарисуем, будем жить, — изрек Крячко и постучал пальцем по лбу. — Мне, извини, простительно. Я только сыщик-скорохват, но вы-то, Лев Иванович, интеллектуюал.

— Не говори незнакомых слов, — перебил Гуров. — Будь естественнее, ругайся матом.

Скверное настроение опытных сыщиков объяснялось просто. Они выяснили, что в своих расчетах учли многое, практически все возможное, кроме наличия в команде Артема Ермакова и его дальнейшей судьбы. Два опытейших профессионала, просчитывая предстоящую операцию, начисто забыли, что начинают драку с противником, о

котором лишь известно — он многолик, всемогущ и не соблюдает никаких правил. И неожиданно поняли, что, имея на руках беззащитного ребенка, начинают драку, которая в случае их сыщицкого умения плюс везения перейдет в кровавую войну на уничтожение. А без Артема сыщики лишаются главных козырей и весь замысел гроша ломаного не стоит.

— И как мы про тебя забыли? — Крячко смотрел на Артема удивленно. — Затмение на нас нашло?

— В каком смысле — забыли? — Артем отключил компьютер.

— В прямом, черт тебя подери! — Крячко взглянул на Гурова: мол, продолжать разговор или прекратить за ненадобностью, но никакого сигнала не получил. Гуров сидел с безучастным видом, словно происходящее его не касалось.

Крячко понял, что брошен, любое его решение в дальнейшем будет подвергнуто критике, и решил ударить друга побольнее.

— Понимаешь, парень, у нас с Львом Ивановичем был ученик — в отличие от тебя очень приличный оперативник, так восемь месяцев назад его убили. Он по нашему заданию убийцу устанавливал и установил, так его стрельбой на улице отвлекли, подошли сзади и выстрелили под лопатку. Ты не смотри, что у Льва Ивановича лицо портретное, он человек нормальный: смерть ближнего переживает. Я это к тому, что, ежели

тебя убьют, мы вроде бы в похоронную команду превратимся.

Гуров смял лист, на котором чертил треугольнички, бросил в корзину и закурил, но не повернулся, на товарищей не взглянул. Артем знал, что Гуров — старший, только он решает, будут использовать в работе лейтенанта Артема Ермакова или отправят назад в аналитический отдел, молча смотрел на знаменитого сыщика, понимал — следует заверить полковника в своей преданности и бесстрашии, но слов не находил.

— Станислав, не грузи на парня лишнего, у него скоро своего с избытком накопится, — сказал Гуров. — А выпад в мой адрес я оценил, спасибо. Артем, сам знаешь, вид у тебя не геройский, но ты себя считаешь человеком смелым?

— Смелым? — Артем растерялся, достал носовой платок и протер экран компьютера. — Не знаю. В школе меня несколько раз били, но я не отступал. Лев Иванович, я же не оперативник, а математик и программист, в острых ситуациях не бывал.

— Ответ подходящий. — Крячко довольно кивнул.

— Если ты начнешь с нами работать, то окажешься в крайне острой ситуации. — Гуров погасил сигарету, ослабил узел галстука, посмотрел Артему в глаза. — Не люблю громких слов, но вынужден сказать: возможно, ты будешь рисковать жизнью. Подумай

до завтра, реши. Твой отказ мы расценим как шаг мужественный. Договорились?

— Так точно, господин полковник, однако...

— Стоп! — прервал лейтенанта Крячко. — Тебе сказали: завтра. Постой на краю, погляди, куда прыгаешь. Мы ждем тебя здесь в девять утра.

Глава вторая

На следующее утро ровно в девять Гуров сел за свой стол, жестом пригласил Артема сесть напротив, за стол Крячко, который занял место лейтенанта. Оглядел компьютер, осторожно тронул клавиатуру, провел пальцем по темному экрану, решил, что лучше ничего не трогать, и убрал руки в карманы.

— Лев Иванович, я долго думал и решил, что для меня большая честь работать с такими асами розыска, и если я смогу в силу моих скромных возможностей... — Артем запнулся, увидел насмешливый взгляд полковника, махнул рукой и упавшим голосом закончил: — Я согласен.

— Врать грешно, Артем, а врать начальству еще и опасно. Недолго ты думал, ты вчера решил. Ситуацию ты оцениваешь неверно, предстоящей опасности не понимаешь, в принципе ты нормальный пацан, по своему умственному развитию соответствуешь возрасту. Я навел о тебе справки, убе-

дился, что генерал Орлов — умница, ко мне относится хорошо и специалист ты, Артем Ермаков, отличный.

— Спасибо. — Артем сглотнул слюну, попытался передвинуться, выскользнуть из-под тяжелого и одновременно насмешливого взгляда Гурова. Естественно, ничего не получилось — сидели они друг против друга, разделяли их два сдвинутых лоб в лоб письменных стола.

— Что означает слово «хакер»? — спросил Гуров. — Мне сказали, что ты отличный хакер.

Артем бросил взгляд на свой компьютер.

— Если упрощенно — то человек, влюбленный в компьютер, пытающийся извлечь из него максимальную пользу.

— Пусть будет «хакер», — согласился Гуров. — Ты там в своем окружении высунулся, гением прослыл, в результате сюда и попал, в общем сам виноват, высовываться опасно.

Крячко не сдержался, хмыкнул и сказал:

— А как мне жить? Между двух гениев жестковато будет.

Гуров махнул на друга рукой.

— Ты не пропадешь, Станислав, за тебя я спокоен, — и без всякого перехода продолжал: — Значит, ты думал, размышлял и решил? Теперь выслушай меня, может, перерешишь. Министерство наше, хотя и секретное, но по сути обыкновенная контора со своими сплетниками, бездельниками и прочими

атрибутами бюрократического организма. Через несколько дней весь наш главк будет знать, что два полковника-розыскника закрылись с компьютерщиком и занимаются неизвестно чем. Гурова здесь знают, о старом муровском сыщике Крячко навести справки нетрудно. Давай отбросим мысли о том, что в таком огромном доме обязательно должны жить люди коррумпированные, не будем думать о преступниках. Представим себе, как поведут себя обыкновенные люди, когда узнают, что два розыскника, которые терпеть не могут заниматься бумажной работой, неожиданно засели в кабинете и вооружились компьютером? А мы устроимся здесь надолго и будем сидеть с утра до позднего вечера.

— Пока нас не разгонят, — вставил Крячко. — Высокое начальство нахально врет, когда уверяет в своем терпении. Через несколько дней тебя, господин полковник, вызовут на ковер и спросят: где мышь? Министры полагают, что раз они выпустили кота и приказали изловить мышь, то последняя должна быть изловлена немедленно.

— Не слушай, Артем, господин полковник сам не верит в то, что говорит. — Гуров улыбнулся миролюбиво. — Уж месяц нас никто не беспокоит, затем еще месяц удержит оборону генерал Орлов, а за это время мы что-нибудь раскопаем.

— А что мы копать будем? — не выдержал Артем.

— Доберемся и до этого. — Гуров смотрел на парня внимательно, оценивающе, хотя прекрасно понимал, что выбора нет, придется работать с лейтенантом Ермаковым, так как выбирать можно в профессии, которой владеешь. — Я из категории людей, которые очень долго запрягают. О самой работе чуть позже. Мне надо, чтобы ты понял, как себя вести с окружающими, пока мы не получим первых результатов.

Если бы полковник Крячко не знал абсолютно точно, что Гуров в конечном результате не уверен, то, глядя на его спокойное лицо, слушая этот размеренный, слегка насмешливый голос, подумал бы: с таким начальником непременно добьешься результатов.

Гуров инструктировал компьютерщика, а Крячко думал о том, какие дороги выбирает человек. Вот почему Лев Иванович Гуров — не генерал и не начальник главка, а лишь полковник и опер? На данный вопрос Крячко мог ответить с уверенностью: Гуров самолюбив, порой самовлюблен, но совершенно лишен тщеславия. Дорожит мнением лишь очень ограниченного круга людей, которые ценят человека не за звание и должность, а за профессионализм. За рюмкой Гуров порой болтает: мол, не способен подняться, так как не сможет наверху угождать и приспосабливаться, но это байки для недоразвитых. Ему и не пришлось бы на верхнем этаже льстить и врать, такие, как Гуров,

езде нужны, терпели бы грешника с его прямотой и другими прибабахами. Он не желает подниматься, так как потеряет свободу, перестанет быть незаменимым. Любого генерала, любого министра можно заменить, никто и не заметит. А старшего опера-важняка Гурова заменить нельзя, как невозможно заменить певца экстра-класса или первую скрипку в оркестре. Можно одного выгнать и взять другого, только все будут знать, что это не замена, а подмена, фальсификация. Таким образом, Крячко прекрасно понимал, что Гуров не хочет идти на повышение не из-за боязни с работой не справиться и уж совсем не от скромности, которой не страдал совершенно, а потому что уникальный специалист, будь то водопроводчик или зубной врач, не подчиняется никому. Он свободен. Такого положения в конторе, когда никто — ни министр, ни президент не могли ему приказывать и, коли желали пользоваться его услугами, так могли лишь сделать предложение, а то и попросить, — может достичь лишь специалист экстра-класса.

Разговор между Гуровым и Ермаковым продолжался второй час. Парнишка загрустил, по его лицу было видно, что он начал сомневаться в гениальности своего начальника, даже в наличии у него здравого смысла. Крячко парнишке сочувствовал, но помочь не мог. Однажды полковник, тогда еще капитан, присутствовал при допросе Гуровым свидетеля, который имел несчастье оказать-

ся на месте преступления и одновременно с выстрелом сесть в троллейбус. Парень был честен, не видел ничего, стреляли на другой стороне, обзор был закрыт троллейбусом, а парень жил в подъезде дома, расположенного в пяти метрах от остановки. Он рассказывал об этом Гурову три часа, два раза просил пить, один раз ходил в туалет. Крячко слушал, слушал, несколько раз сгорал от стыда за честь мундира, написал Гурову три нехорошие записки, плюнул и из кабинета ушел. А поздно вечером узнал, что Гуров «вытащил» из свидетеля словесный портрет сообщника убийцы, который стоял на остановке и сел в троллейбус раньше парня.

В тот день Крячко дал себе зарок: никогда, ни при каких обстоятельствах не встречать в разговор Левы, какую бы ахинею тот ни нес. Один Бог знает, сколько раз Крячко благодарил себя за этот зарок.

Артем Ермаков выпил воды, извинился и пошел в туалет.

Гуров поправил безукоризненной чистоты манжеты, провел пальцем по верхней губе и сказал:

— Думаю усы отрастить, как считаешь?

— Девки от тебя и без усов сохнут. Полагаю — лишнее.

— Будет за чем ухаживать. Кот профессора от меня сбежал. Иногда приходит, но привыкнуть не может, может, чувствует, что это я его хозяина в узилище упек. Кота нет, так хоть усы будут.

— Ты хоть и гениальный сыщик, а дурак.
— Так я и не скрываю этого.

— Простите, господа, — сказал вернувшийся Ермаков. — Я, честно сказать, Лев Иванович, не вижу смысла в нашей беседе. Но вы — старший, ваша воля.

— То, что ты не видишь смысла, это полбеды, я не вижу смысла — уже беда. — Гуров подмигнул Ермакову и неожиданно спросил: — Лопоухости своей стесняешься?

Даже Крячко обомлел.

— А чего такого? Нормальный вопрос. — Гуров пожал плечами. — Человек с комплексами уязвим, мы должны знать.

— У меня с девушками все в порядке, господин полковник.

— Прекрасно! — Гуров потер ладони, повел мощными плечами. — Влюбчив?

— Есть немного, в определенный тип.

— Хорошо, позже уточним. Давай переходить к главному. Как ты, конечно, заметил, я человек самоуверенный. — Гуров вышел из-за стола.

— Это самое мягкое определение, — вставил Крячко и быстро добавил: — Но и на солнце есть пятна.

— Основной мой недостаток — когда я берусь за дело, то почти всегда дохожу до цели. Сегодня наша цель — найти киллера, не наемного убийцу, а настоящего, профессионального, на сто процентов законспирированного киллера. Почти наверняка это будет бывший сотрудник, знающий все и вся. Гос-

пода министры полагают, что, когда мы его выявим, то сможем арестовать. Это есть глупость номер один. Мы не найдем против него улик. Я ставлю себя на его место и понимаю, что никаких улик не оставлял бы и Крячко не оставлял бы, а киллер не дурае нас. Вывод второй — установив лицо, его можно заставить взять в руки «горячее» оружие, спровоцировать перестрелку и убить. После чего собрать журналистов, показать «горячее» оружие, доказать самооборону и получить значок «Ворошиловский стрелок». Я этого делать не буду, мне это неинтересно. Я хочу выйти через киллера на пахана, кем бы этот пахан ни оказался. А теперь прикинь, парень, чем такое дело для тебя может обернуться? У тебя есть последний шанс отказаться. — Гуров присел на край стола.

Ермаков молчал. Гуров хлопнул его по плечу.

— Хорошо молчишь, парень, — и поправил ему галстук. — Нам нужен киллер и необходим один жирненький, добренький слуга народа, который дал команду нанять этого киллера. И если мы, друзья, покажем его всему свету, он заговорит, а заговорит он обязательно, потому как силенок не хватит подняться на эшафот одному.

Гуров метался по тесному кабинету и расплескивал ненависть.

— А что я? Почему я? — повторял Ермаков.

— Заткнись! Ты знаешь, почему я вернулся в эту контору? Потому как всю жизнь говорил: пусть лучшие ушли, худшие продались, но на моем участке фронта они не пройдут! Я ушел, получил все, но я бросил свой окоп. Мне стало стыдно бриться, я смотрел в глаза дезертира! Нет, они еще не убили меня! Этому сытому генеральчику нужен киллер? Он его получит, но с таким довеском, что... — Гуров взял в руки стул.

— Лева, неловко классиков мурьжить, но зачем же мебель ломать? — Крячко вынул из стола бутылку коньяка, стакан, ловко выдернул пробку зубами, налил до краев.

— Завязал, — сказал Гуров и выпил одним махом. — Никогда, Артем, не пей на работе, — назидательно произнес сыщик, закурил и продолжал: — Только фраера срываются из-за пустяков. Моя бабская истерика началась после твоих слов: «А что я? Почему я?». Поясняю. Нами заинтересуются сразу, считай, уже заинтересовались. Но это будет такое вялое любопытство, не более. Однако когда мы наступим на хвост, а мы наступим на него обязательно, в гадюшнике переполошатся. От кого они попытаются получить информацию?

Гуров погасил сигарету, взглянул на Ермакова.

— Видимо, от меня, — ответил лейтенант.

— Видимо, — усмехнулся Гуров. — И чем жестче мы наступим, тем бесчеловечнее

они будут действовать. Когда похлебка закипит, я постараюсь тебя от котла отсечь, чтобы они к тебе интерес потеряли, но человек лишь предполагает. Позже мы с тобой прокачаем ситуацию на случай твоего захвата. А сегодня давай думать, как жить сегодня. Разговоры в коридорах, буфете, обычная прочая министерская болтовня. Чем мы занимаемся? Ты не знаешь. Коли очень допекут, ты полагаешь, что мы, — Гуров указал на Крячко, — пытаемся найти нечто общее в убийствах за последний год. Как ты к нам относишься?

— Как любил повторять мой учитель и друг: следует говорить правду, правду, одну лишь правду, — сказал Крячко.

— Твой учитель и друг — просто гений. Значит, ты, Артем, характеризую нас, говоришь только правду. Но учти, что, если ты на каждом углу начнешь рассказывать: мол, два грубых самонадеянных полковника тебя за человека не считают, а Гуров ко всему прочему считает себя гением и хлещет во время работы коньяк стаканами, тебе не поверят. Ты должен дать понять, что тебе начальники не нравятся, но говорить об этом ты не желаешь, и лишь однажды вывалишь ведро с мусором на наши головы. Сорвешься, так сказать. Лучше, если ты откроешься женщине, скажешь о нас кратко, но смачно. Максимум через час все любопытные будут о твоём срыве знать... На сегодня все, начинаем работать.

— Лев Иванович, но я искренне отношусь к вам обоим с большим уважением, — пробормотал Ермаков.

— Уважаешь, и прекрасно, но ведь есть и кое-что еще? — Гуров усмехнулся. — Рассказать?

Артем Ермаков смутился и покраснел. Гуров расхохотался.

— Ну совсем как я двадцать лет назад! Красней, парень, смущайся и красней, только не ври!

Он снял телефонную трубку, набрал короткий номер.

— Здравствуйте, беспокоит Гуров. Мне что-нибудь есть? Хорошо, тащите.

Вскоре в кабинет вошли двое в штатском, пиджаки на них обтягивали мускулистые торсы, под левым плечом бугрились пистолеты. Пришедшим было лет под тридцать или чуть больше. Они выложили на стол два металлических чемодана, отстегнули наручники, которыми были прикованы к драгоценной ноше, открыли цифровые замки и перевели дух.

— Теперь это хозяйство за вами, Лев Иванович, — облегченно сказал один.

— Обязательно. — Гуров хлопнул ладонью по лежащим в чемоданах папкам, поднял облачко пыли. — Роман, мы вроде раньше здоровались.

— Здравия желаю, господин полковник! Так ведь раньше-то мы операми по подвалам и крышам за жульем гоняли. Вы хоть и

были меня поглавнее, однако риск всех уравновесит. А теперь, Лев Иванович, вы — господин полковник, главный проверяющий нашего ментовского труда. А от бывшего опера ничего не спрячешь, вы тут быстро накопаете дерьма, с лихвой на генерала хватит.

— Рома, как помню, ты злым не был. Случилось чего?

— Так ведь по «мокрым» заказным, — Роман кивнул на чемоданы, — раскрываемость, считай, нулевая. Я бы сам тут накопал — на Клондайк хватило бы, а не на два золотых погона. А у вас глаз зорче...

— Бог тебе судья, полковник. — Гуров стал сух и официален.

— Распишитесь.

Гуров, не глядя, расписался в журнале.

— Вы свободны. Возвращайтесь в девятнадцать, мы решим, что вам вернуть, что оставить.

— Приказано одному оставаться с вами, — вмешался второй опер.

— Я сказал: свободны.

— Мой генерал приказал, а я офицер.

— Передай своему генералу, что его просил позвонить генерал Орлов либо заместитель министра Бардин. Артем, закрой за господами офицерами.

Гости ушли, мощные засовы задвинулись, из чемоданов на столы начали извлекать святая святых уголовного розыска — уголовно-розыскные дела. Они отличаются от

следственных дел, как земля с ее недрами и низинами, грязью и скалами от неба, порой облачного, но в принципе чистого.

Большая часть документов была под грифом «Совершенно секретно». Тут и агентурные сообщения, написанные практически на неизвестном человечеству языке, и просто пьяная болтовня, подслушанная опером, и запись телефонных разговоров, и сводки наружного наблюдения — в общем, вся информация, которую удалось собрать ментам на всех чистых и нечистых, попавших в круг знакомых убитого, порой и совсем незнакомых людей, но, с точки зрения инициатора розыска, представляющих оперативный интерес. Никто, кроме инициатора розыска и его начальника, данное дело никогда не видит. В первую очередь прокуратура, которая от подобного беззакония попадала бы в обморок. Прокуратура уважает закон, постоянно его нарушает, но официально, подводя под каждое безобразие хитроумное объяснение. Когда вы читаете в газете: «...дело ведет старший следователь по особо важным делам прокуратуры», то знайте, что дело у этого чиновника действительно имеется и он его ведет в зависимости от того, что менты накопают и принесут. А коли нет задержанного либо подозреваемого, так ничего этот важняк не ведет, папка со следственным делом лежит в сейфе. Хотя работа следователя прокуратуры тоже не сахар. Только, кто его не пробовал, пусть судить не берется.

Вообще-то общеизвестно: хорошо там, где нас нет.

Разложили папки, выяснили, что принесли им четыре дела по заказным убийствам.

— Четыре. А нам надо сколько просмотреть? — спросил Гуров.

— Сорок три, мой господин! — Крячко щелкнул каблуками.

— Все просмотрим. Полагаю, за это время еще прибавится.

— Сегодня пятое июля, понедельник, еще несколько дней, и на Москву опустится жара. Дума уходит в отпуск, богатые люди улетают, убийцы уходят в оплаченный отпуск.

— Твоими устами да мед бы пить. Ладно, два дела тебе, два мне, будут сомнения, поменяемся. Сейчас важно выяснить, был ли мальчик, то есть киллер. А то у нас как... Сказал Васька Петьке: «Грохни ты этого выпендрилу». Петька бутылку принял, киллер взял и грохнул. Русский человек для друга всегда готов пустячную услугу оказать. Артем, ты свободен до завтра, сегодня у тебя работы не будет.

— А если меня спросят, почему я ушел в начале рабочего дня?

— Отвечай, что тебе это тоже интересно, и пусть спросят у полковника Гурова. — Он выставил парня за дверь, задвинул засовы.

■ Сыщики не читали все многочисленные бумаги, подшитые суровой ниткой в пухлых

папках. Менты подолгу изучали лишь описание места происшествия, заключения баллистической экспертизы об использовании оружия, читали и перечитывали допросы людей, хорошо знающих распорядок дня убитых, и характеристики последних.

Около семнадцати часов работа была закончена. Крячко положил перед Гуровым увесистый том.

— Взгляни на осмотр места преступления.

Во всех четырех убийствах сыщики не почувствовали почерка профессионала. В двух случаях жертвы были расстреляны из автоматов, в одном человека убили в момент, когда он выходил из квартиры, убийца выстрелил и спокойно вышел из подъезда. В момент стрельбы и ухода могло произойти множество случайностей, нелепых совпадений, которые профессионал никак допустить не мог. Убийство, заинтересовавшее Крячко, тоже ставил не профессионал. Банкира застрелили, когда он, выйдя из машины, направлялся к подъезду. Перед банкиром в подъезд вошел охранник, водитель остался за рулем, выстрела не слышал, лишь увидел, как хозяин упал. Стреляли из окна полуподвала, винтовку оставили. С точки зрения оперативников, работа была грязная, дилетантская. Из окна был крайне узкий обзор: что происходит в пяти метрах справа и слева — не видно. А там может находиться, случайно или не случайно, милицейская ■

машина, выход из подвала в соседний двор также не контролируется, следуя дворами, можно встретить кого угодно. Убийство заказное, но исполнитель дерьмовый. Такой человек Гурова не интересовал. Он прочитал описание места преступления дважды, перечитал и приметы преступника, которого, конечно, во дворах видели, взглянул на Крячко и пожал плечами.

— Стареешь, маэстро, — самодовольно сказал Крячко. — Последний лист в протоколе того... Бумага не та, ручка другая, да и писал хотя и тот же человек, только ему за столом было удобнее, и почерк изменился.

— Молодец, Станислав. — Произнося имя друга, Гуров делал ударение на втором слоге, и Крячко как бы превращался в иностранца.

— Может, за этим ничего и нет, однако. — Станислав, пародируя Гурова, пожал плечами. — Страницы могли испачкать, бутерброды положить, стакан поставить.

— Могли, — согласился Гуров. — Только выдернули две страницы, а вставили одну, нумерацию в открытую поменяли, что, как нам известно, случается. Обождем, спросим. Пока кофе свари, отодвинь засовы.

Крячко кофе варить не стал, заказал Верочке по телефону.

Секретарша, расставляя чашки и тарелку с бутербродами, неодобрительно заявила:

— Петр Николаевич велели не беспокоить, иначе я бы давно принесла.

— Верунчик, ты наша надежда и оплот. — Крячко не мог проглотить кусок, хлебнул кофе и обжегся.

В это время в дверь постучали, Гуров впустил оперативников, которые утром принесли дела, Верочка ушла, засовы задвинули.

— Присаживайтесь, господа, в ногах правды нет.

Роман, который был явно за старшего, усмехнулся:

— Лев Иванович, легко ты в господина превратился. Хотя, по правде сказать, всегда был не ментовских кровей.

— Не обижай моего шефа, Роман, — откликнулся Крячко. — Они и на пол сплунуть могут не хуже вашего, и слова разные знают отлично, а уж подраться, так вам обоим сто очков форы. Они все умеют, только не любят.

— Да все я про Гурова знаю, — миролюбиво ответил Роман. — Много по делам нацепляли? Справку пришлешь генералу или нам в руки доверите?

— Во-первых, Рома, все о Гурове ни я, ни даже он сам не знает. Дело ваше в нормальном милицейском порядке, никакой справки составлять не будем, мы люди занятые.

Гуров пил кофе, курил, словно разговор шел о постороннем.

— Так мы можем забирать секретную макулатуру домой?

— Обязательно, — копируя своего друга, ответил Крячко. — Кажись, у Льва Ивановича один вопрос пустячный.

— Да? — Роман насторожился. Ему была прекрасно знакома манера матерых оперов задавать ерундовые вопросы перед отправкой в камеру.

— Данное дело кто ведет? — Гуров отодвинул папку.

Роман все понял, обреченно кивнул.

— Мое дело.

Гуров открыл папку в месте, где она была заложена шариковой ручкой.

— Где десятая и одиннадцатая страницы?

Оперативник не испугался, длинно сплюнул, разразился витиеватой матерщиной, несколько успокоившись, заговорил:

— Упреждал я этого козла в золотых погонах, что дела не на инспекторскую проверку несем и нечего опытным сыскарям лапшу навешивать. А он: мол, выполняй, что приказываю.

— Так я же не сужу тебя, Рома, — миролюбиво сказал Гуров, — лишь спрашиваю, где страницы, а коли уничтожили, что в них было?

— Вы сначала докажите, какие страницы были и пропали, — впервые заговорил второй оперативник. — Докажите, потом вопросы задавайте...

— А тогда какие вопросы? — удивился Крячко. — Я не расслышал при знакомстве, вы кем, собственно, будете?

— Я старший офицер милиции...

— Обыкновенный придурок. — Роман вздохнул. — Генеральский прихвостень из канцелярии.

— Что придурок — видно. — Крячко кивнул. — Ваше удостоверение, пожалуйста.

— Да подавись. — Опер швырнул на стол удостоверение.

— Лишнее, что ли? — Крячко взял удостоверение и прочитал: — Подполковник милиции Кокин Семен Семенович, состоял на службе...

— Как это — состоял? — Кокин привстал, но Роман дернул его за штаны, усадил на место.

— Лев Иванович, извини дурака, весь спрос с меня.

— Кокин, либо ты будешь молчать, либо я тебя выставлю за дверь мотаться по коридорам, так как ксиву я тебе не верну, — сказал Крячко, убирая удостоверение Кокина в стол. — Понял?

— Розыскник, мать твою, на ровном месте раскололся! Не бойсь, я генералу доложу, он тебя за мотню к потолку подвесит.

— Мы зря теряем время, — взглянув на часы, сказал спокойно Гуров. — Давай, Рома, повествуй. Ты же не заставишь меня знакомиться со следственным делом в прокуратуре? Выдернуть листочки из него вам не удалось, не так ли?

Роман взглянул на Кокина, вздохнул.

— Ну, как есть...

— Не отвлекайся, больному не поможешь. — Гуров закурил, угостил сигаретой Романа, подвинул пепельницу.

— Спасибо. — Роман жадно затанулся, открыл папку с делом, разложил фотографии и начал пояснять: — Значит, вот подъезд. Из этого окна его застрелили, туда он упал замертво. А вот здесь, в стене дома, рядом с входной дверью, на высоте сто семьдесят один сантиметр я нашел пистолетную пулю девятого калибра. Откуда взялась пуля и когда, может, прошлым годом — неизвестно.

— Что говорят баллистики, вид оружия, свежесть? Они многое могут — наука. Расстояние, с которого был произведен выстрел?

— Начальство решило, что нам одной пули, которую выпустили из винтовки, вполне достаточно. А эта, неизвестно откуда прилетевшая, вроде бы лишняя. Она и в опись не попала, значит, и экспертизу не прошла.

— Цела? — Гуров заметил, как Кокин взглянул на сигареты и облизнул губы, но закурить не предложил.

Роман достал из кармана маленький мешочек, вытряхнул из него кусочек свинца.

— Полагаю, что стреляли из «ПМ».

— Ширина улицы? — Гуров взял пулю.

— От подъезда до дома напротив сорок один метр.

— Какого роста убитый?

— Сто восемьдесят. Если стреляли в него, то в голову, одновременно. Пуля из подвала

попала точно в сердце, расстояние шесть метров, а вторая пуля опоздала.

— А что прокуратура? — спросил Гуров.

— Лев Иванович, — Роман развел руками, — и в прокуратуре работают люди, никто лишнего на свою шею не ищет.

— Это точно, даже обязательно. — Гуров допил холодный кофе. — А кто в домах напротив живет? Гостевал кто, какие чердаки?

— Я просил участкового походить, проверить. Он не проверил, и я сам не пошел. Я один виноват.

— Я распоряжусь, тебе на пару дней МУР несколько человек выделит. Дело это пока оставляю, генералу твоему позвонят, он будет тихий. Ну а в дальнейшем он тебя, конечно, сожрет, тебе из твоего управления надо уходить. Спасибо. Возможно, ты нам очень помог.

Когда оперативники упаковали три дела в металлические чемоданы, оставив одно на столе Гурова, и ушли, Крячко спросил:

— И какие мысли? Ну, первое дело ясно — попытаться установить, откуда стреляли? Второе — как человек в это место пришел, как ушел? Кто его видел, если видел? И почему стрелка было два, причем один очень простой, а второй шибко хитрый?

— Ответы на первые вопросы будешь искать с операми района и МУРа. На последний вопрос существует лишь один ответ, если в принципе наша версия верна и было два исполнителя. — Гуров замолчал, заку-

рил сигарету. — Ты, Станислав, не ругайся. Возможно, я несу бред.

Крячко согласно кивнул, устроился поудобнее. У него не было вариантов, ему интересно было взглянуть, что сыщик может высосать из пальца.

— Заказчик дал задание настоящему киллеру. Не знает его ни лично, ни опосредованно. Связь односторонняя, то есть киллер может связаться с заказчиком, вернее, с его посредником, а обратной связи нет. Истинный хозяин, то есть человек, кровно заинтересованный в смерти, скорой смерти Олега Даниловича Белоуса, торопится. Возможно, его подгоняют обстоятельства. Он торопит своего подчиненного. И что человек делает, когда ему сказали: «месяц», а связи нет? Признаться хозяину? Разумно, но разумные решения принимают в последнюю очередь. И посредник решает нанять второго убийцу. Найти настоящего киллера трудно, поэтому он нанимает обычного бандита, что поплоче, подешевле, зато побыстрее... Белоуса убивает второй наемник. После смерти банкира ему звонят, интересуются, когда можно будет получить деньги. Думаю, заказчик пытается изобразить возмущение. Происходит следующий короткий разговор: «Разве вам не звонили?» «Звонили, но, видите ли, обстоятельства...». Но договорить посреднику, думаю, не дали, объяснили, что он не картошку покупает и вообще непонятно, о чем разговор, и, коли он возобно-

вится, то оратору придется иметь дело с человеком, который звонил. Так, полагаю, все и было, — сказал Гуров, хотел закурить, но вместо этого взял пепельницу, встряхнул.

— А дальше? — спросил Крячко и, не зная он наверняка, что перед ним ас розыскного дела, подумал бы, что слушает рассказчика, который принял граммов несколько и развлекает публику.

— Новоявленным бизнесменам, как детям, спички давать нельзя. Босс еще и рубля не заплатил, а уже хочет музыку заказывать, торопит. Я уверен, что и срок договорный не истек, а посредник наложил в штаны и нанял парня попроще и подешевле, который и обосновался с винтовкой у подвала. Киллер, отслеживающий жертву, новобранца засек, решил, что у богатых свои приколы, звонить и требовать, чтобы дурня с ружьем убрали, не стал, а пошел за ним — след в след. Киллер не сомневался, свое он в любом случае получит, ведь даже дурак знает, что сегодняшним днем жизнь не кончается. Место убийства определил человек с винтовкой, оно киллера по какой-то причине не устраивало, но иметь «слепого» напарника киллер согласился: в случае неудачи менты берут человека с ружьем и успокаиваются. Стреляли одновременно, киллер целил в голову, убийца в грудь. — Гуров произвольно почесал место, куда два года назад засадил пулю покойный Эфенди. — С шести метров стрелять в грудь — это очень непрофессиональ-

но. Думаю, стрелка давно нет в живых. Боевичок — средняк, расходная карта. Но он был намного ближе, его пуля оказалась быстрее. Если изначально мы не обмишурились, то расклад мне видится именно такой.

— Как ты свои байки придумываешь, для меня загадка по сей день, — сказал Крячко.

— Не прибедряйся и не держи меня за дурака. Ты сам знаешь, что я изложил историю, похожую на правду, хотя, может, та пуля из иной истории. Завтра с утра подскочишь на Петровку, сдашь пулю на экспертизу.

— Она без паспорта, не возьмут.

— Ты бывший начальник отдела, сейчас выполняешь задание начальника главка. Пулю выковырял из собственного уха, тебе необходимо знать все о ее происхождении, в принципе все, что баллистика может из нее выжать.

— И мы начинаем работать по данному делу?

— Не торопись. Главное — ознакомиться с остальными «мокрыми висяками», которые причисляют к заказным, постараться установить, действовал ли где киллер-одиночка. Потом мы начнем дела изучать и загружать компьютер.

— Позже мы будем отбиваться от генералов...

— Не беги впереди паровоза, Станислав. Поживем — увидим, — ответил Гуров.

Глава третья

На следующий день Гуров просматривал новые розыскные дела, которые принесли два молодых незнакомых оперативника. Артем Ермаков что-то бормотал компьютеру, разговаривал, как с живым человеком. Около четырнадцати позвонила секретарь Орлова, передала, что генерал просил зайти. Гуров обрадовался — от долгого сидения его начинало клонить в сон, однообразная работа наводила тоску.

— Запрись и никого не пускай, хоть министра, хоть президента. Ты даже на стук не отвечай. — Гуров убрал документы в сейф, оставив Артему одну папку, с которой он работал.

— Пуля, которую вы со Станиславом нашли, интересна, но сильное сомнение вызывает, — отвечая на приветствие Гурова, пробормотал Орлов. Вытащив из-за стола свое короткое, крепко сбитое тело и размятая затекшие ноги, пробежался по кабинету. — Бери кофе, кури, усаживайся на свой насест, черт с тобой!

Гуров взял чашку кофе, примостился на подоконнике. Орлов прошелся по кабинету, помассировал короткими пальцами шишковатый лоб и бесформенный нос, вновь опустился в кресло.

— Ты сам-то полагаешь, это нормально, ■

что стоило Гуров бумагами пошелестеть, как обнаруживается криминал?

На риторические вопросы Гуров никогда не отвечал, понимая, что слушает увертюру, вызвали его по другому вопросу, о котором Петру говорить не хочется и он, так сказать, разминается.

— Куда Гуров не ткнется, обязательно скандал. Полагаешь, прокуратура от твоей находки в восторге? Я знаю, что откопал сокрытие не ты, а Станислав. Знаю, что прокуратура о пуле в стене изначально знала, но люди договорились молчать, а Гуров пришел и нагадил.

— Фи, мой генерал! — Гуров передернул плечом. — Не распаляй себя, Петр, валяй по существу, чего тебе от меня надо?

— Тебя Бардин в гости звал? Звал. А ты, хам, даже не позвонил. Бардин — парень совсем неплохой. Заместители министров не привыкли, чтобы их приглашения игнорировали. Это элементарно, в конце концов. Он супружнице сообщил, та подруге расстrepалась, а тебя нет. Нехорошо... Может, они пирог испекли.

— Петр, конкретного разговора не было...

— Приглашение старшего равносильно приказу и всегда конкретно, — перебил Орлов.

— Честно сказать, забыл. Теперь определенно не пойду, не уговаривай.

— А зачем мне тебя уговаривать? Я тебя

попрошу, и ты побежишь. Сегодня вечером. С цветами.

— Нечестно, Петр...

— Лева, прошу. Мне это нужно.

Бардины жили в переулке за Таганской площадью. Гуров по бульварам выехал на набережную, миновал Кремль, гостиницу «Россия» и, хотя особо не приглядывался, почувствовал, что его «ведут». Он ехал чуть медленнее общего потока машин. Серая «волга»-такси засветилась невольно: могла проехать на мигнувший желтый, но остановилась рядом. Гуров приспустил боковое стекло и спросил у мужчины, сидевшего рядом с водителем:

— Земляк, время не подскажешь?

— Без пятнадцати восемь, — недовольно ответил «пассажир».

— Спасибо. У тебя ко мне есть вопросы?

Зажегся зеленый, «волга» сорвалась с места и умчалась, а Гуров, посмеиваясь, неторопливо прокатился мимо высотки на Котельнической, занял левый ряд, стал ждать, когда зажжется стрелка.

— И чего я людям кровь порчу? — пробормотал Гуров, сворачивая в переулок. — Им показали, как они делают свою работу. Только вот кому я мог понадобиться?

Дом, в котором жил Бардин, был один из трех домов, построенных недавно в тихом переулке, кирпичной кладки, с полукруг-

лыми лоджиями и остальными признаками того, что строительство велось с большой любовью и уважением к будущим жильцам.

У подъезда выстроились машины, в основном иномарки. Инспектор ГАИ прогуливался, лениво поглядывая вокруг, словно девушку ждал, потому как поста здесь не полагалось и инспектор был знаком уважения ментов к святому месту. А скорее и уважение отсутствовало, а был мент на разводе, и пост этот вручался провинившемуся в виде наказания со словами: мол, лучше без денег смену отгулять, чем потом, когда, не дай Бог, что-нибудь случится, отчитываться и без бани потеть.

Гуров выставил свою вишневую «семерку» в начальствующий ряд, кивнул инспектору, взял из салона свернутую в трубочку газету, в которой покоилась роскошная чайная роза, и вошел в просторный подъезд. Гуров знал код, но вахтер тем не менее вышел из стеклянного укрытия. Смотрел вежливо, но настойчиво.

— К Бардиным, — сказал Гуров.

— Пожалуйста.

Вахтер ушел за перегородку и снял телефонную трубку. Гуров оглядел просторный холл, диванчик, столик журнальный. Не высшая категория, но солидно, кивнул одобritельно, словно решил купить, освобождая розу и пряча газету в карман, вошел в лифт.

На лестничной площадке перед открытыми в квартиру дверями его поджидали

две молодые женщины. Они стояли обнявшись, с одинаковыми улыбками и ямочками на щеках и вообще столь похожие, как только бывают сестры-близняшки.

— Здравствуйте, Лев Иванович, очень рады вас видеть, — произнесли они хором.

Гуров смутился, так как роза у него была всего одна.

— Прелесть! — Одна из сестер взяла у Гурова розу, озорно глянула на сестру. — Будешь хорошо себя вести, дам понюхать.

Они взяли Гурова под руки и повели в квартиру.

— Меня зовут Алла, я жена Бардина, а это моя сестричка Ирина. Я завидую ей — она разведена, но не завидую вам, хотя при вашем опыте и хватке...

— Не говори о старшей сестре гадости, — сказала Ирина, закрывая двойные двери. — Вы понимаете, полковник, что я приглашена исключительно для того, чтобы вас развлекать и оберегать.

— Что будем делать? — Хозяйка оглядела Гурова, как осматривают старый холодильник или телевизор, который выбросить жалко, а поставить некуда.

— Предлагаю временно поставить в угол, — улыбнулся Гуров.

Прихожая или гостиная, не поймешь, была обставлена шикарно: вдоль стен книжные полки, кожаная мебель, огромный телевизор — все новое и вызывающе современное.

— Николай Ильич еще не вернулся? — тихо спросил Гуров, хотя из-за дверей напротив доносились громкие голоса.

— Если бы! — Хозяйка свернула направо. — Веди гостя на кухню! Будем думать.

Кухня сверкала хромом, современной аппаратурой, белым столом и полукруглым диваном.

— Сажай за стол и наливай, — командовала хозяйка.

Гуров безропотно повиновался.

— Лев Иванович, вот какая история с географией получилась, — рассказывала хозяйка, помогая сестре накрывать на стол. — Заявился к нам дружок Бардина, они раньше служили вместе. Доронин Иона Пантелеевич. — Она бросила на Гурова быстрый взгляд, и сыщик понял — предполагается, что он должен знать «дружка», но он не знал, потому ответил просто дружеской улыбкой.

— Случается. У друзей дела, так я только рад: не каждый день простому менту удается бывать в подобных апартаментах в обществе очаровательных женщин.

— Он опасен, — сухо сказала сестре Ирина. — Водка, коньяк, виски?

— Это известно, его и Бардин побаивается.

— Мне плевать на твоего Бардина. Ему побаиваться должность обязывает, а я говорю о нас с тобой.

— У меня есть справка, — быстро сказал Гуров. — Я не ем маленьких девочек, даже

самонадеянных. — Он взял из рук Ирины бокал виски со льдом, поклонился, увидел, как она опустила ресницы, мазнула языком по полным губам, и понял, что эту женщину он может забирать хоть сию минуту. И не потому, что женщина распущенна или мужчина неотразим, а вот так, без объяснений и понимания, встретились взглядом и предохранители враз и все до последнего перегорели.

И хозяйка случившееся поняла, хотя взглядом ни с кем не встречалась, просто электрический заряд ударил такой мощности, что в стерильной кухне запахло паленым.

— М-да... — Алла покачала головой. — Только этого все же не хватало.

— Так уж лучше я, чем ты, — произнесла Ирина, глянув на Гурова невинным взглядом.

— За знакомство, Лев Иванович! — Хозяйка чокнулась с Гуровым, сделала глоток.

Гуров кивнул каждой из сестер персонально, лишь пригубил и сказал:

— Дружок, как я понимаю, из высокопоставленных и не совсем трезв.

— Волшебник, — прошептала Ирина.

— Только сыщик, — поправил Гуров. — Они во хмелю гневны, не любят милицию, и девушки опасаются, что об их гостя будут выгнать нож. Милые девочки, если собрать в одно место всю обувь, которую об меня вытерли, то в Лужниках можно открывать ярмарку. Одной парой больше — даже не смешно.

В глубине квартиры хлопнула дверь, раз-
дались шаги, и в кухню вошел хозяин.

— Лев Иванович, привет! Спасибо, что
заглянул. Как тебе мои девочки?

— Высший класс. — Гуров хотел встать,
но сестры схватили его за руки.

— Дорогой, у тебя своя компания, у нас
своя. Мы твоего Иону православного вот
так наслушались! — Хозяйка провела рукой
по горлу. — Нам ваши дела неинтересны.

— Алена, ты собственница и эгоистка, —
рассмеялся Бардин. — Ты же знаешь, что
Иона в Думе курирует милицию, ему инте-
ресно увидеть живого милиционера.

— Никогда не знал, что в Думе нас тоже
курируют. — Гуров отставил стакан с виски. —
А до милиции господин курировал сельское
хозяйство?

Бардин сдержал довольную улыбку, про-
молчал, а жена взяла Гурова под руку.

— Пойдемте. У меня просьба: если Иона
вам очень не понравится и вы решите его
ударить, бейте так, чтобы он не мучился. Он
парень вздорный, но неплохой.

Иона Пантелеевич Доронин оказался су-
хощавым, костистым мужчиной, лет сорока,
с лысиной, которую он пытался прикрыть
длинными редкими прядями, перекинуты-
ми от одного уха к другому. Сейчас, когда
он поднялся, жидкие волосы свесились на
одну сторону, обнажив лысину, отчего вид у
депутата получился комический.

Гуров пожал Ионову ладонь, сел на пред-

ложенный стул и расстроился. Он собирался выпить в обществе красивых женщин, поговорить ни о чем с Бардиным, забросив несколько проверенных крючков, уехать часиков в десять с сестрой хозяйки и провести ночь, как решат женщина и Бог.

Теперь все рушилось. Гуров никогда не пил, если за столом оказывался агрессивно пьяный. Милицейский опыт доказывал, что подобная ситуация непредсказуема, может кончиться катастрофой. А трезвым он не умел ухаживать за женщинами, становился молчаливым и злым, а, теряя легкость и остроумие, переставал нравиться, в общем — замкнутый круг.

— И что же милиция думает по поводу преступности? — как можно мягче спросил депутат. — Как воспринят указ президента, который предоставил вам все права?

— Оставь, Иона, человек в гости пришел, — вмешался Бардин. — Вы почему не пьете, Лев Иванович? Мне докладывали, что отнюдь не чураетесь.

— Я за рулем, Николай Ильич.

— Обижаете, я вам дам сопровождающего.

Доронин выпил стопку водки, хрустнул огурцом и неожиданно схватил Гурова за рукав.

— Выпей, мент, не выдрючивайся!

Бардин хотел вмешаться, но Гуров взглядом остановил хозяина.

— Иона Пантелеевич, я не пью за рулем, ■

с пьяными и когда просто не хочу пить. Надеюсь, что этого достаточно.

— Лев Иванович, мне пора. Проводите? — Ирина встала из-за стола.

— Ирка, стерва, ты в соседнем подъезде живешь. — Депутат снова дернул Гурова за рукав. — Не ходи, мент, пожалеешь.

Гуров взял пальцы Доронина в горсть, подвернул на перелом, депутат взвизгнул и шарахнулся в сторону.

— Извините, не хотел. — В голосе Гурова зазвучали скрежещущие нотки, которые приобретает розыскник за многие годы работы. Они часто убеждают людей быстрее, чем милицейское удостоверение и даже оружие.

— Алла... Николай Ильич... — Гуров поднялся, развел руками и поклонился.

— Извини, Лев Иванович, — сказал Бардин, провожая свояченицу и Гурова до лифта. — Он парень хороший, только пить ему нельзя.

Квартира Ирины была не такой шикарной, но подавляющее большинство москвичей о такой и мечтать не могли. Женщина молча достала из холодильника бутылки, Гуров так же молча налил, и они выпили. Гуров налил себе сразу вторую порцию, быстро выпил, бутылки убрал в холодильник, закурил, после небольшой паузы спросил:

— Сколько тебе лет?

— И сто, и пятнадцать, зависит от настроения. В паспорте записано, что тридцать восемь.

— Давно развелась?

— Черт его знает! — Женщина потеряла висок. — Сейчас соображу... Четыре... нет, шесть лет назад.

— Где работаешь?

— У отца в фонде. Ты знаешь, как моя фамилия?

— Знаю, что не Горбачева, и слава Богу.

— Но мой отец...

— Извини, мне неинтересно.

— А что тебе интересно? Тебе кто-нибудь, кроме тебя самого, интересен?

— Возможно. — Гуров поцеловал женщину в висок. — Извини, но я не виноват.

— А кто виноват?

— Стоит подумать. — Гуров шагнул к дверям, поправил галстук, одернул пиджак. — Вопрос интересный, главное — оригинальный. Я на днях позвоню.

— И не вздумай, я не желаю тебя видеть.

— Лгать нехорошо. — Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Человека, который стрелял из пистолета с чердака дома, расположенного через улицу от подъезда, где застрелили банкира, звали Борис Сергеевич Галей. В юности он пытался выяснить, откуда у него такая несуразная фамилия, но мать не знала, отец же

жил так, что не то что фамилию, имя собственное забыл, а вскорости от белой горячки и помер. Борису было тогда шестнадцать, его меньшому брату Сашке — семь, мать Евдокия, женщина по паспорту молодая, а по виду и здоровью вином окончательно пришибленная, после кончины супруга и основного собутыльника продержалась всего ничего — через год схоронили. Братья остались одни в двухкомнатной по тем временам отличной квартире, которую у них наверняка бы отобрали, а самих запрятали в детдом, если бы не один момент, о котором чуть позже. Пацаны, прячась от семейных скандалов и драк, целые дни проводили на «Динамо» — в те шестидесятые знаменитом стадионе. Разница в десять лет не мешала ребятам быть всегда вместе, наверное, их объединяла цель — заработать на еду и нежелание идти домой. Подмести, полить, подкрасить — да мало ли дел на таком огромном стадионе. Сашке было пять, а Борису четырнадцать, когда вся стадионная обслуга знала ловких, услужливых мальчишек отлично. Урны покрасить, лавки переставить, из взрослых кто с похмелья ног не волочет, а кто уже опохмелился и ему ноги переставлять неохота, и тогда раздавался вопль: «Пацаны! Галеи, черти, где вас носит?» И братья, как чертенята, сразу же вырастали из-под земли. Они выслушивали задание, кивали и стояли истуканами, пока взрослые не называли цену. Бутылка молока, батон хлеба,

рубль, талончик в столовую — братья брали все и работу выполняли. Но вскоре все знали: если заплатишь мало, то больше не придут. Пацаны никогда не торговались, не брали цену вперед, они были молчаливы и сосредоточены в драке за эту жизнь. Они давно поняли: на отца с матерью рассчитывать нечего, есть они двое, Борька и Сашка, и никто им не поможет. Они твердо знали: нельзя пить и красть, потому как пропадешь. Вином у них пропахли стены дома, а от воровства их отучили мелкие жулики с наколками и финками, которые сновали на стадионе и словно челноки кружились между тюрьмой и волей. Ворье братьев уважало за молчаливость, дикую злобу и стойкость в драке, не трогало, не соблазняло, между собой называло «мужичками». Борис попробовал себя в спорте, ловко дрался на ринге, таскал мячи за футболистами и сам один сезон отбегал в команде мальчиков. Но у него был острый и цепкий ум, он быстро понял, с какого момента в спорте приходят деньги и сколько пота и крови надо пролить, чтобы выловить свой шанс. И еще он увидел, что к тридцати «звезды» уже никому не нужны. Цепким мужицким умом он просчитал, сколько лет надо умирать и «пахать», в случае удачи сколько лет можно будет по-людски пожить, потом сызнава лизать барские задницы за подачки с чужого стола.

Когда отец с матерью выпили последние стаканы и сгорели в крематории, Борису

исполнилось шестнадцать, а брательнику шесть. Они были вполне самостоятельные, зарабатывающие себе на жизнь люди. Младший шастал по магазинам и готовил еду, старший добывал деньги, не гнушаясь никакой работой. Сосед по площадке, одноногий фронтовик, знавший пацанов с рождения, усыновил их. Вопрос о детдоме отпал. Они сами сделали ремонт, отциклевали пол, побелили, проветрили, и квартирка засверкала. Так и жили брательники, пока старшему не пришел срок идти в армию. Тут помогло родное «Динамо». Бориса пристроили в часть, стоявшую у «Сокола», где служили спортсмены — мастера невеликого ранга. Борис быстро выучился на шофера, а всегда трезвый и аккуратный шофер ценится в России со времен, когда еще не существовало автомобиля. В части быстро проведали, что у водителя Галей имеется младшенький, и ежедневно в кабину ставили судки, из которых можно было накормить не только Сашку, но и одноногого ветерана-опекуна.

За три года службы Борис обучился на водителя первого класса, получил аттестат об окончании десятилетки, прилично стрелял, знал азы рукопашного боя, плюс рекомендация родного «Динамо» — и школа КГБ пополнилась новым курсантом. Еще через три года сухощавый, лобастый, сдержанный и молчаливый Борис Сергеевич Галей стал лейтенантом госбезопасности. Надел серый костюм, серый плащ и серую шляпу

и начал нести службу во втором Главном управлении КГБ. Борис очень нравился кадровикам и начальству, он полностью соответствовал всем требованиям, которые предъявляла система к необходимым ей винтикам. По анкете все было чисто — где следовало, писалось «да» или «нет» в зависимости от вопроса. Не пьет, порочащих связей не поддерживает, дисциплинирован, исполнительен, безынициативен, нечестолюбив, сомнительных разговоров не ведет. А то, что у Бориса Сергеевича Галея нет ни души, ни сердца, так это никого не интересовало, да и графы соответствующей ни в одной анкете или характеристике не сыщешь.

Когда братьям исполнилось одному двадцать восемь, а другому восемнадцать, между ними состоялся первый и единственный в их жизни разговор по душам.

— Ты уже взрослый мужик, брат. Мы свое оттерпели, пора определяться, — сказал Борис, разливая чай.

— Я с рождения взрослый, а решать тебе.

Несмотря на разницу в возрасте, они были очень похожи, младший догнал ростом, крепкие сухощавые парни, лобастые, немногословные, скупые в движениях, с простоватыми русскими лицами, сероглазые. Хотя братья ни разу не брали в руки оружия, в округе их побаивались, а залетные уголовники часто принимали за своих. Наверное, последнее объяснялось тем, что братья хотя не только не сидели и ни разу не привлека-

лись, но жили по законам «зоны»: никому не верь, никого не бойся, никогда не проси.

— Воровать мы не будем — верная тюрьма, я знаю, — сказал Борис. — На службе меня далеко не пустят — чужой. Думал через комсомол либо партию толкнуться — та же банда, целовать и лизать надо, а у меня язык шершавый.

— Ты говорить не умеешь, — вставил младший. — Я тоже думал: для нас в этой жизни одна дорога оставлена — в холуи.

— Не пойдем. — Борис допил чай, братя убрали со стола, помыли и вытерли посуду, вновь уселись за покрытый чистой клеенкой стол.

— Только самая верхушка жирует, и там половинка перевербована и ссучена, любого стука бояться, а еще выше я не заглядывал, да нам и не к чему. Если мы в этой халупе тянуть от зарплаты до зарплаты не согласны, надо рискнуть. Только вдвоем и только один раз.

— А промажем, так вышка, — не спросил, сказал утвердительно Сашка. — Я согласен, потому как это тоже не жизнь.

— Я в этом деле понимаю, мы парни подходящие, на учете не состоим, агентуры под нами нет, где взять, я найду, остается решить, как деньги реализовать, чтобы не засветиться. Но сначала надо с твоей армией решить, твой год призывают, а ждать тебя силы нет.

— Я «белый билет» получил.

— Молоток! Как удалось закосить?

— Сами дали, чего-то нашли... Этот, с молоточком, что психов определяет. В позвонке чего-то нащупал, по кабинетам водил, другим лечилам показывал.

— Чего молчал? — Борис забеспокоился. — Операцию предлагал?

— А чего болтать? Он много чего предлагал, о наших матери с отцом расспрашивал, вроде наследственное у меня.

— С головой?

— Черт его поймет, говорили: нога может начать сохнуть. Правая нога у меня как отмороженная.

— Чего молчал? — возмутился Борис.

— У тебя забот мало? — Сашка поморщился. — Может, обойдется.

Не обошлось. Нога у Александра все усыхла, слушалась хуже, потом вообще отказала, пришлось встать на костыли. Врачи говорили разное: одни настаивали на ампутации, другие утверждали, что ногу можно спасти, надо лишь настроиться на долгое лечение.

Братья терпели с рождения, копили злость на мир, который с детства бил их без передыху. Конечно, с чем сравнивать: было много людей, живущих и похуже братьев.

Борис получил майора и приличный оклад, Сашка стал инвалидом первой группы — на жизнь хватало. Только жизнь такая братьев совершенно не устраивала. Ни врачи, ни

экстрасенсы, даже колдуны помочь младшему не могли — нога мертво гноилась.

Но бесплатная советская медицина ничего, кроме как отрезать кусок отмершего тела, предложить не могла. Система отстреляла, пересажала, изничтожила талантливых, да и просто профессиональных людей во всех областях, и медицина не составляла исключения.

Горбачев начал перестраивать, пытался из танков наделать сеялок и швейных машинок, но заряжающих и наводчиков сохранить. Что у нас получилось — известно.

Когда в Москве начали постреливать, затем стрелять азартно, майор Галей, изъяв у преступников несколько пистолетов, не сдал их любимой власти, а сохранил для себя — так, на всякий случай. Начались бесконечные перетасовки спецслужб, их соединяли, разъединяли, переименовывали, сокращали, и очень быстро майор Борис Галей, человек замкнутый, без блатных связей и покровителей, оказался крайним. Ему предложили сдать дела, кадровик даже тяжело вздохнул:

— Ты, Борис, самым надежным у меня был. А что я могу? Приказано сократить энное количество единиц. У одного дядя имеется, у другого сосед, третий жене генерала потрафил. А ты единица, никем не защищенная. Иди в коммерческие структуры, такие там нужны, деньги платят приличные, не то что у нас.

■ Бориса взяли в одну из фирм охотно. Ок-

лад положили приличный, и стал он охранять шустрых пацанов, разъезжающих на шикарных иномарках. В доме Галеев появился достаток, жизнь текла тихо, однообразно. Борис уходил на работу, Сашка хозяйничал по дому, готовил еду, прибирал.

Он от рождения говоруном не был и теперь молча боролся за жизнь, если его существование можно было назвать жизнью. Он ни разу не пожаловался на боли, на озноб, который охватывал его вечерами, когда температура поднималась.

Борис тоже молчал, решая, где, как и когда можно взять солидный куш с минимальным риском. После того, как брат обезножел, отставной майор не имел права промахнуться — без него Сашка пропадет. И младший это понимал, не только не торопил, но и ничего не спрашивал.

Если раньше Борис планировал взять инкассатора и сложность заключалась лишь в том, как обойтись без наводчика, то теперь, когда он остался один, касса или инкассатор практически отпадали. В девяностых годах начались заказные убийства. Борис понял, что это дело для него подходящее, следовало найти солидного заказчика. Так где его взять?

Пацаны, которые работали вместе с Борисом, промышляли мелким рэкетом, много болтали о миллионах, но Борис видел, что все это несолидно. И хотя районные менты все на корню были куплены коммерсанта-

ми, бывший комитетчик отлично понимал, что круговая порука гроша ломаного не стоит. О каждом деле знали несколько человек, а если человек солидный захочет шпану со шпалерами повязать, так и веревка не понадобится. Одному сунут крючок, потащат в околоток, и за решеткой окажутся все, крепко держась друг за дружку.

И Борис дождался. Январским слякотным днем он, выйдя из метро «Динамо», направлялся домой, рядом остановился забрызганный грязью, но все равно шикарный «БМВ», стекло бесшумно опустилось, и чей-то насмешливый голос произнес:

— Никак Борис Галей? Садись, приятель, здесь не дует.

Борис молча сел в машину, стряхнул с ботинок коричневую кашу, только после этого занес ноги, прихлопнул за собой дверцу, взглянул на водителя.

Им оказался Яков Исилин. Они вместе учились в школе КГБ. Вскоре Яшку взяли за валюту, статья в те времена была суровая. Исилин загремел на долгие годы, пропал, с тех пор они и не виделись, но узнали друг друга сразу.

Исилин сидел, откинувшись, в шикарном, мягко урчащем лимузине, разглядывал бывшего однокашника насмешливо, но с явным интересом.

— Судя по бедности убранства и курточке из Турции, все властям служишь? — Исилин достал пачку «Мальборо». Борис сига-

рету взял, хотя курил крайне редко. — Майор, подполковник?

— Был майором. — Борис зевнул.

— Погнали? — Яков хохотнул. — Тебя-то за что? Ведь праведнее тебя я человека не встречал. Хотя, признаюсь, Борис, я в твою правдивость никогда не верил. Ты хищник, волк, только затаился. Как у тебя терпения хватало, не пойму. А чем же ты оскоромился, коли погнали?

Борис понял, что с таким болтуном никакого дела иметь нельзя, потянулся к дверному замку, чтобы выйти, но Исилин схватил его за рукав.

— Стой, Борис! Ты по моим улыбочкам и болтовне не суди, я теперь человек серьезный. Два года «зоны» — не кот чихнул, выучился. А что пустое болтаю, так у каждого своя масочка. Ты, скромняк и молчун, так и не пьешь до сего дня? Вижу. Но человека тебе зарезать, что два пальца обоссать. Так? Было так и осталось... У меня к тебе дело имеется.

Борис взглянул на Якова с сомнением, сказал:

— Покажи права и техпаспорт.

— Ты теперь в ГАИ?

— Покажи.

— Пожалуйста. — Исилин протянул документы.

Борис изучил их внимательно, вернул и сказал:

— Подвези к дому, я Сашке скажу, что задерживаюсь, потом поговорим.

— Так пойдем к тебе.

— Объезжай стадион, там налево. — После небольшой паузы Борис добавил: — Ко мне нельзя. Сашок приболел.

— Как тебя помню, ты все возишься со своим младшеньким. Он ведь теперь лоб здоровый.

— Заткнись, делай что велят.

Борис заскочил домой, убедился, что все в порядке, сказал, мол, скоро вернусь.

— Братан, — Сашка зыркнул светлыми глазами, — не торопись. Ничего не обещаю.

— Не волнуйся и ешь без меня.

Кафе было маленькое, чистенькое и, судя по охраннику, дорогое. Исилина знали, усадили удобно, на Бориса глянули с удивлением — его внешний вид не соответствовал. Накрыли быстро и ловко, налили и с поклоном удалились.

— Умеючи и в России обслужат, платить надо, — самодовольно произнес Исилин.

Судя по всему, у него деньги имелись серьезные. Борис и документы проверил для того только, чтобы убедиться, что машина личная, а не какого-нибудь СП или одолженная у приятеля.

— Вижу, ты здесь личность известная, —

равнодушно сказал Борис, отодвигая рюмку с водкой и наливая себе сок.

— Меня в Москве знают. — Яков самодовольно улыбнулся.

— И какой же у тебя ко мне разговор, коли ты его начинаешь, засвечивая нашу встречу перед холуями, из которых каждый второй стучит?

— Брось, здесь все схвачено, только глухонемые работают.

— Каждая рыба глухонемая, пока в пруду плещется, а попадет на сковородку, заговорит человеческим голосом: «Чего тебе надобно, старче?»

— Гляди, ты и Пушкина читал!

— Короче, чего надо?

— А ты где сейчас?

— Не в конторе, вольный стрелок.

— Мне и нужен вольный и меткий.

— Я сам рогатку в руки не беру, но, если зверь крупный, оплата нормальная, охотника найду.

Борис, привыкший с детства ценить каждый кусок, ел салат неторопливо и аккуратно, вытирая тарелку хлебом и запивая водой. Исилин ковырял вилкой нехотя. Выпил две рюмки водки, внимательно разглядывая бывшего однокашника.

— Вроде ты и в «зоне» не был, а манеры у тебя зековские, — с усмешкой произнес он. — Значит, если цена подойдет, стрелок будет?

Борис не ответил, глянул недобро, прикурил, пыхнул сигаретой неумело.

— Мне домой надо, дела, разойдемся тихо, ты ничего не говорил, я ничего не слышал.

— Как? — Яков Исилин улыбаться перестал. Лицо у него дернулось, веселость и дурашливость исчезли. — Ты чего, засбоил или испугался?

— Дураков не люблю и сам придурком никогда не был. Значит, едешь ты на иномарочке, глядь — старый кореш идет, ты и подумал, а чего бы его на интересное дело не нанять, вроде как дров поколоть? У тебя, Яшка, отродясь была одна извилина, и та в «зоне» мхом заросла. — Борис пододвинул тарелку с первым, осторожно, боясь обжечься, попробовал, кивнул: — Добрая еда. Как называется?

— Ну, хорошо, хорошо, я о тебе справки наводил, искал, уж больно ты мне в свое время понравился. — Исилин говорил тихо, серьезно. — Знаю, брат твой тяжело болен, его надо за границей лечить, дело очень дорогое. Учитывая твой характер и положение любимого брата, я решил тебя отыскать и рискнуть с предложением.

— Значит, ты решил на брательнике меня за горло взять?

— Выражения у тебя!.. — Исилин недовольно поморщился. — На тебе я остановился по трем причинам. Согласился, нет — ты мужик кремень, значит, риска никакого. Тебе необходима валюта, нам необходима услуга. Меня не интересует, кто исполни-

тель. Я говорю с тобой и с тобой расплачиваюсь.

— А мой Сашка у вас вроде заложника?

— Я этого не говорил. — Исилин налил себе рюмку и выпил.

— Твой человек гуляет один или в сопровождении?

— Двое друзей с ним не расстаются.

— Я передам твою просьбу. Дружок наверняка захочет на клиента взглянуть, тогда определит срок и сумму.

Исилин вытащил из кармана блокнот, ручку, написал занимаемую должность, место работы, домашний адрес, даже номер и марку автомобиля.

Борис Галей прочитал написанное, пододвинул пепельницу и начал неторопливо отрывать от листка тоненькие полоски, укладывая их кучкой.

— Уточню, но, похоже, потребуется сто штук зеленых и месяц сроку. Говорю ориентировочно, так как последнее слово не за мной.

— Ты что, Борис? — искренне возмутился Исилин.

— Так это я сказал. — Борис поджег бумажную пирамидку. — Может оказаться и дороже. А нет денег, не ходи в салон, пусть жена стрижет за бесплатно.

— Переговорю, но круто ты завернул.

— А ты ссорься с дворником, ему за бутылку башку оторвут.

Исилин расхохотался, шлепнул себя по ляжкам.

— Как свяжемся?

— А мы больше не свидимся. Ты по старому адресу?

— Так ты помнишь?

— Через недельку получишь телеграмму. Если заказ подтверждаешь, в одиннадцать вечера открой форточку на кухне — значит, часы пошли. Если отказываешься, не открывай.

— Аванс?

— Не берем.

— Как расчет?

— Тебе скажут.

— Не боишься?

— Я? — Борис взглянул удивленно. — А мне-то чего бояться? Смешной ты парень, видно, у хозяина тебя ничему не научили.

Яков Исилин, как и большинство людей, был о себе мнения высокого, но, разговаривая с Галеем, ощущал неуверенность, даже страх. Хотя ну ничегошеньки угрожающего во внешности, словах или тоне Бориса не было. Простоватый русский парень: и слова обыденные, и голос тихий. «Может, плохо разведаль я и не живет Борис бирюком с братом-калейкой, а состоит в неизвестной мощной организации, потому и уверен, и от аванса отказался?» — подумал Исилин и спросил:

— А изменится что, как связаться? Можно ли тебе звонить?

— Думай сейчас. Как форточку откro-

ешь — поезд ушел. Я из Москвы уеду, вернусь лишь к сроку, за деньгами.

— Тогда, считай, не говорили, я втемную не играю. — Исилин расплатился, и они пошли к «БМВ».

— До «Динамо» подбрось, я пешочком дойду, а за обед спасибо.

Исилин блефовал — от услуг Галея отказываться не собирался, потому, остановившись у стадиона, сказал:

— Но ты телеграмму на всякий случай отбей, может, хозяин и подпишется.

Борис достал из кармана куртки какой-то прибор, обвел фигуру Исилина, словно очерчивая контуры, кивнул и вышел из машины.

«Это он под конец разговора проверил, не записываю ли я нашу беседу, нет ли при мне электроники», — догадался Исилин и знобливо передернул плечами, потому что положить в карман магнитофон идея была, потом он о ней забыл, и совсем не от страха попасться, а от рассеянности. А сейчас на него словно ветром подуло. Так случается с человеком, когда он только собрался шагнуть с тротуара на мостовую, а всего в нескольких сантиметрах от него просвистел автомобиль. Человек представил, что его каким-то чудом не размазало по асфальту, и... Страх у людей проявляется по-разному. Исилин начал икать. Произошло это на старый Новый год, в ночь на четырнадцатое января.

Глава четвертая

В четверг группа была в полном составе. Гуров и Крячко читали розыскные дела, Артем колдовал с компьютером.

Был июль, но жара не наваливалась, чему особенно радовался Гуров, который ее терпеть не мог. В этом году лето задерживалось.

Вчерашние труды Крячко, оперативников МУРа и района не принесли существенных результатов. Убийство совершили четвертого февраля. Тогда ближайшие дома да расположенные по другую сторону улицы обследовали довольно тщательно и получили приметы молодого мужчины, который, видимо, стрелял из подвала. Теперь искали следы другого человека, но нашли лишь чердак, с которого наиболее удобно было произвести выстрел из пистолета.

Но тут не повезло: с месяц назад на чердак занесли кровельное железо. Если в феврале кто и бывал на чердаке, следы его уничтожены. Нашлась одна старушка, живущая на четвертом этаже, непосредственно под интересующим оперативников чердаком, которая утверждала, что зимой на чердаке кто-то ночевал. В каком точно месяце над головой начали осторожно расхаживать, старая женщина не помнила, утверждала, что снег тогда еще был.

Баллистики исследовали пулю, установили, что выпущена она была из пистолета

«вальтер» с глушителем и скорее всего в феврале, но точнее установить — не представлялось возможным.

Крячко читал розыскное дело по убийству залетного из Чечни «авторитета». Человека расстреляли из автомата. Конечно, убийство заказное и для Гурова неинтересное, так как действовал явно не профессионал, а бандит из конкурирующей группировки. Кстати, подобных дел было большинство.

Гуров внимательно изучал собранные материалы по убийству банкира в феврале, отдавая должное Роману Веселеру — инициатору розыска. Дело велось профессионально, тщательно и скрупулезно, дополнительные оперативные мероприятия составлялись с умом и фантазией и явно не для проформы. Малозначительных, посторонних бумаг для «веса и солидности» в дело не подшивали.

Роман предпринял серьезную попытку выявить фирмы, банки, лиц, заинтересованных в смерти банкира Белоуса, обратился к профессиональным финансистам, которые ознакомились с делами банка, представили розыску список крупнейших партнеров, клиентов, высказали свои более чем туманные соображения. И тут Гуров понял, что неуемная фантазия завела его в дебри финансовых интересов и интриг, в которых сыщик абсолютно не разбирался, а следовательно, весь его опыт розыска и психолога был попросту неприменим.

Крячко отложил одну папку, раскрыл другую, поднял глаза на Гурова и сказал:

— Упорство и упрямство — качества разные.

— Ошибаешься, они очень близки, различны лишь результаты. Если человек день и ночь через семь потов копал и после только ему известного количества бессонных ночей выкопал результат, то человека величают упорным фанатиком и умницей. Если через тот же пот и мучения человек устроился в койку для дистрофиков и душевнобольных, человека обзывают упрямым ослом. Сначала мы этот путь пройдем, потом выясним, кто мы есть на самом деле.

— А нас независимо от результата обзовут психами, — почему-то весело сообщил Крячко. — Требуется нарукавнички заказать, пиджаков не напасешься.

Гуров пожал плечами, взял папку, в которой были подшиты заключения экспертов, подошел к столу Ермакова, тупо взглянул на экран компьютера.

— Заряди эту информацию, Артем. Только не как она здесь собрана в виде винегрета, а придумай классификацию: банки отдельно, СП отдельно, фамилии в особый раздел. В общем, сообрази, на то ты и специалист.

— Не учите меня, господин полковник, — сухо ответил программист.

Гуров глянул на усмехнувшегося Крячко, вернулся за свой стол и открыл очередную папку. Не мог сосредоточиться на ма-

териале, мысли разбегались, возвращались в основном к событиям и разговорам прошедших дней, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к делу.

Началось с вызова сыщиков к Бардину. Задание замминистра Гурова не насторожило, он не осуждал людей, стремившихся выдвинуться: здоровое тщеславие — не порок, а стимул к действию. Хочется человеку оказаться на виду, из глубины и из неизвестных замов стать личностью — пусть. Ничего зазорного, и общему делу польза: хоть на грамм, а авторитет милиции станет весомее. Но почему Бардин понадобился арест именно профессионального киллера, а не просто наемного убийцы? Для гражданина все наемные убийцы одинаково опасны, и это естественно. И сам Бардин профессионального киллера от дешевого, наемного не отличит. Кто-то генералу подсказал. Ясно, что не Петр. Тогда кто и с какой целью? Задание не касается конкретного дела — значит, месть как мотив отпадает. Но за этим заданием что-то стоит, наверняка нечто серьезное, раз без звука вернули в строй двух полковников, которые своим уходом из органов оскорбили честь мундира.

Гуров позвонил Орлову, попросил принять и через час вошел в кабинет начальника и друга.

— Что у тебя? — Орлов перестал писать, взглянул недовольно. — Как прошел вчерашний вечер?

— Хочу знать твое мнение и о вчерашнем вечере тоже, — сухо, в тон начальнику ответил Гуров, привычно присаживаясь на подоконник.

— Сядь немедленно в кресло. Мне надоело сворачивать голову набок и смотреть против света. И с каких это пор тебя интересует чье-либо мнение, кроме твоего собственного?

Гуров послушно пересел, но не в низкое кресло для гостей, а занял приставной стул у книжной полки.

— Меня всегда интересует ваше просвещенное мнение, особо когда я не имею своего.

— Вторая половина соответствует действительности. Продолжай.

Гуров рассказал о своих сомнениях и неудачном визите к Бардиным, не утаил и рюмку, выпитую у свояченицы высокого генерала, и намечающийся роман.

— К чему бы все это, Петр? — спросил он наконец и замолчал.

— М-да... — Орлов почесал в затылке. — Какие-то нескладушки... У супруги имеется сестра, ее пригласили, естественно, для атмосферы, так сказать. А учитывая, как женщины обожают устраивать чужие судьбы, так и говорить не о чем. Но при чем тут пьяный депутат? Доронин, говоришь? Кажется, я однажды о нем очень лестные отзывы слышал. И он оказывается в квартире, хотя ты за час предупредил, что придешь? Дру-

зья молодости... Сегодня Бардин несколько зависит от Ионы Пантелеевича, однако... в этих кругах не принято являться без предупреждения, да еще нетрезвым.

— Пьяным, — уточнил Гуров.

— Ну, лишнюю рюмку депутат мог и за столом принять. — Орлов состроил недовольную гримасу. — Конечно, мог заскочить вроде бы на секунду и застрять, ведь не вытолкаешь! Но ведь мы с тобой не любим случайные совпадения?

— Я так сразу на другую сторону перехожу. Забыл сказать: по дороге к Бардиным я засек за собой наглое неквалифицированное наблюдение. Сегодня проверил: машина списана в таксопарке, принадлежит бывшему таксисту, который сегодня занимается частным извозом.

— В тебя не стреляли?

— Петр, ты в порядке? — Гуров покрутил пальцем у виска.

— Так это ты забыл сказать о наблюдении.

— Я не придавал значения. Работали грубо, на одной машине, полагаю — элементарная ошибка.

— Ты покажись врачу, дружок. Сестра-красавица, пьяный депутат и открывтая слезка — это даже не кино, а цирк. За кого они тебя принимают? Придется тебе в данной истории разбираться.

— Простите, господин генерал, но, как

вам известно, я имею несколько иное задание.

— Ты меня на «понял-не-понял» не бери, сопляк! Сказано, будешь заниматься — значит, будешь. — Орлов помедлил. — В свободное от работы время, — и после паузы добавил: — С сегодняшнего вечера. Как сестренку кличут? Ирина? Прекрасное имя, сам говоришь, что очаровательная, отец — бывший секретарь ЦК — сегодня не функционирует. Действуй. Дари цветы, целуй руки, укладывай в койку! Я не знаю, как это делается, а ты знаешь!

— Петр, ты толкаешь меня...

— Заткнись! — перебил Орлов. Видно было: шуточки кончились, генерал встревожен. — Легенда простая: возникла неловкая ситуация, а полковнику Гурову врагов хватает, он хочет с новым заместителем министра если не дружить, то жить мирно.

— Лгать нехорошо. — Гуров вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Непьющий и дисциплинированный Борис Галей в фирме, где он работал охранником, был на хорошем счету. И когда вечером после встречи с Яковом Исилиным отставной майор позвонил начальству и попросил несколько дней отпуска за свой счет и старенький «жигуленок», объяснив, что больного брата требуется свозить к врачам, то получил и машину, и отпуск мгновенно.

Он знал, где живет Яков, подъехал к его дому спозаранку, позвонил из телефона-автомата. Услышав знакомый голос, повесил трубку и, загнав машину в соседний двор, стал ждать.

В свое время Галей работал в группе наружного наблюдения и вести слежку умел. Но одно дело — группа, когда за рулем профессиональный водитель и на связи еще несколько машин, с которыми можно поменяться местами, и иная история, когда ты один. Галей не знал, с какой целью решил понаблюдать за Исилиным, действовал интуитивно. Если Яков решит проверяться, то слежку придется сразу бросить, иначе засветишься, да и не усидеть на «жигулях» за «БМВ».

Иномарка подошла к подъезду Исилина около девяти. Тот мгновенно спустился и, как большой начальник, сел не рядом с водителем, а расположился на заднем сиденье. Галей на своих «жигулях» пристроился следом, пропустив вперед «ниву», выкатился с улицы Строителей на проспект Вернадского, понял, что занимается делом пустым — сейчас у светофора «БМВ» прибавит и уйдет, но случилось иначе: иномарка замигала, показывая, что припарковывается, не доезжая до метро. Улицу очистили, сгребли снег и наледь к тротуару. Галей нашел «дверку», которую оставила стоявшая недавно машина, въехал в ее колею, выскочил из «жигу-

лей», смешался с потоком тружеников, торопившихся к метро.

Яков вышел из машины неторопливо, осторожно перешагивая через сугроб, шел не оглядываясь. «БМВ» остался ждать. «У него что — встреча у метро?» — гадал Галей, следуя за бывшим однокашником. Народ шел густо, торопливо, вести слежку было легко. Но Исилин к метро не подошел, остановился у будок с телефонами. Из трех автоматов работал, видимо, один, так как две кабины пустовали, а у ближайшей, где женщина в платке и с сумкой оттопыривала задом дверцу и, судя по напряженному лицу, что-то кричала в трубку, толклись парень с девушкой. Автоматы стояли вплотную к стене дома, у занесенного снегом газона, и люди обходили будки с двух сторон, создавая для Галея просто идеальную ситуацию. Он достал из кармана портативный магнитофон с присосками, закамуфлированный под комочек грязи, помогая какой-то девице на каблуках устоять на скользком асфальте, прошел рядом с таксофоном и приклепнул аппаратик на нижний край бокового стекла.

Дождавшись своей очереди, Яков зашел в будку, набрал номер, говорил менее минуты, после чего заторопился назад, к машине.

Борис поблагодарил судьбу за удачу. Решил не искушать ее дальше, забрал магнитофон и поехал домой. Он много хитрой техники натаскал за годы службы в КГБ, оружия у него было, как уже говорилось, три ствола,

а сейчас вот и японский магнитофончик пригодился. В спецслужбе трудились патриоты, но отечественную технику не уважали, предпочитая импортную.

— Здравствуй. Переговоры прошли нормально, в принципе подрядчик за работу берется.

— А не в принципе? — прозвучал нетерпеливый молодой голос. — Переходи к своим «но», я же слышу, что они у тебя в наличии.

— Цену ладит, хочет сто двадцать штук.

— Мудак. Ты мелкий кусочник, никто и никогда не просит сто двадцать. Не на барахолке.

Галей выключил магнитофон и рассмеялся. Молодой хозяин Якова был далеко не глуп. Борис Галей был очень доволен, и не столько самим разговором, сколько тем, что удалось так быстро установить номер телефона главного заказчика. Галей не сомневался, что номер настоящий, а не посредника-телеграфиста, иначе Исилин позвонил бы из дома, а не прыгал бы по гололеду в поисках исправного автомата.

— Чего гогочешь? — спросил недовольно Сашка.

— Купим тебе машину с ручным управлением, бабку найдем, чтобы твои тряпки стирала.

— Попрекаешь? — Брат еще больше набычился. За последний год он похудел, голубоватая жилка билась на виске под серой пергаментной кожей.

— Дурак, — без обиды ответил Борис. — Я ради кого навоз таскаю, грядки окучиваю? Ладно, братан, не заводись, тебе волноваться вредно. Давай дослушаем, чем толковище закончилось. — Борис нажал кнопку воспроизведения.

— Что еще? — спросил хозяин.

— Подрядчик просит месяц на строительство.

— Месяц? Это и хорошо, и плохо. Хорошо, что человек, видно, солидный, плохо, что месяц придется ждать. Какая предоплата?

— Никакой. Расчет по окончании работы.

— Удивляюсь, Яша, откуда у тебя столь солидные знакомые. Заболтались. Отбой. Послезавтра встретимся, обговорим детали.

Гуров шел длинными коридорами министерства и встретился с малознакомым полковником в форме, кивнул, хотел пройти мимо.

— Привет сыщикам! — Полковник остановился. Гурову пришлось задержаться. — С возвращением, Лев Иванович. — Полковник говорил так, словно они были чуть ли не друзьями. Гуров не знал имени-отчества полковника, но, судя по тому, что тот

был в форме, и по развязности, человек служил в управлении кадров.

— Спасибо. — Гуров сухо кивнул, собрался пройти, но полковник преградил дорогу.

— Как тебе известно, я у Серебрякова, меня на ваше управление переводят.

Генерал Серебряков был заместителем начальника управления кадров, следовательно, Гуров угадал.

— Бог располагает, а кадры предлагают! — Полковник довольно хохотнул. — Слышал, ты инспекторской работой занялся, что-то Орлов специалистами разбрасывается.

— Ну, извини. — Гуров развел руками. — Я сейчас как раз от генерала, в конце дня увижу, обязательно передам, что ты недоволен.

Пока кадровик подыскивал ответ, Гуров пошел дальше. Из кабинета выскочили две девушки, видно, торопились в буфет, увидев сыщика, приостановились и чуть ли не хором сказали:

— Здравствуйте, Лев Иванович... Мы рады...

— Я так просто в восторге. — Гурову было с девушками по дороге, он подхватил их под руки и зашептал: — Девчонки, посоветуйте, отпустить мне усы или как?

— Ой, Лев Иванович, все-то вы шутите!

— Какие шуточки, девочки! — Гуров подтолкнул девушек к лифту. — Серьезный вопрос, можно сказать. — И зашагал дальше.

Даже наука пока не может объяснить, ■

откуда возникают неожиданные ассоциации. Гуров не думал о депутате, практически забыл о нем, но вот столкнулся с полковником-кадровиком, вспомнил об убийстве, и потянулась цепочка. Одно звено крепко цеплялось за другое. И глаза у наглого кадровика круглые, и ничем он себя не выдал, однако...

Гуров выбил условную дробь по двери своего кабинета, отстранил откинувшего засовы Артема и уселся за стол.

— Станислав, что сказал Роман Веселер, когда позавчера покидал сию обитель?

Видно, вопрос Гурова сбил Крячко с какой-то важной мысли, потому что он болезненно поморщился, заложил ручкой лежавший перед ним том и вздохнул.

— Рома чего сказал? — Он потер висок, явно думая о чем-то другом. — Черт тебя подери, господин полковник! — Крячко бросил быстрый взгляд на Артема, увидел, что парень занят делом и не слушает перепалки старших. — Чего сказал? Что депутата какого-то в начале июня пришили. Они только осмотр начали, наехали прокуратура, кагэбэшники или как их иначе величать, и мен-тов от дела отстранили, бумажки и тело увезли в неизвестном направлении.

— Ты вчера весь день с Романом провел. Об этом деле разговора не было?

— Мы о футболе говорили, — почему-то обиженно сказал Крячко. — Убивают каждый день, а первенство мира по футболу раз

в четыре года. А у нас опять четыре сбоку и вместо игры объективные причины. Я сизмальства в футбол не играл, но выпусти меня, так только мертвого бы принесли. Я бы их хоть перекусал...

— А они на твоём месте всех бы преступников словно бабочек сачком переловили! — перебил Гуров. — Значит, о последнем убийстве разговора не было?

— Нам не хватает? — Крячко указал на стопку дел.

— Я помню, Рома сказал, что депутата застрелили, а из чего стреляли?

— Из пистолета, — ответил Крячко, — но не «вальтер» и не «девятка».

— Да откуда ты знаешь, коли их прямо с осмотра убрали? — рассердился Гуров, пододвинул телефон, набрал домашний номер знакомого контрразведчика и услышал мягкий интеллигентный голос.

— Слушаю.

— Здравствуй, Юрий Петрович...

— Здравствуй, Лев Иванович. Пока с поздравлениями воздержусь.

— Умен шибко, — огрызнулся Гуров. — Все вы слышали, словно я диктор телевидения. Я по тебе соскучился. Как бы проще решить данный вопрос?

— Подскакивай в низинку, где мы последний раз с тобой толковали, скажем...

— Через два часа, — подсказал Гуров.

— Прекрасно, я думал, ты торопишься. Ты меня дома застал случайно, я вновь слу-

жу... Запиши телефончик, суп стынет... Не ради старой дружбы. Значит, договорились.

Гуров позвонил по внутреннему телефону в приемную Бардина.

Полковник мог связаться с заместителем министра непосредственно, но решил предложить Бардину возможность от разговора уклониться. Когда секретарь ответил, Гуров сказал:

— Здравствуйте, говорит полковник Гуров. Николай Ильич у себя?

— Приветствую, Лев Иванович! Какие проблемы? — раздался тут же голос Бардина.

— Здравия желаю! Надо бы посоветоваться. Когда вы, Николай Ильич, можете меня принять?

— Минут через пятнадцать.

— Спасибо. — Гуров повесил трубку, усмехнулся. — Наш новый зам большой демократ.

— Не привыкай, у него это скоро пройдет.

— Извините, Лев Иванович, — вмешался Ермаков. — Указывая приметы человека, довольно редко называют цвет глаз, а мне это крайне желательно.

— Какой цвет глаз у генерала Орлова? — глянув на часы и поднимаясь из-за стола, спросил Гуров.

— У генерала? — растерянно переспросил Ермаков. — Кажется, карие.

— Молодой человек, запоминаются лишь

темные глаза и светлые, а если свидетель называет точный цвет, значит, он или врет, или придумывает... Запри за мной. — Гуров подмигнул покрасневшему лейтенанту и вышел.

— Здравствуйте, рад, что заглянули. — Бардин кивнул на кресло, приглашая Гурова сесть.

— Спасибо, я буквально на несколько минут, — опускаясь в низкое кресло, которых терпеть не мог, ответил Гуров. — Дело в том...

— Лев Иванович, ты нас с супругой извини за вчерашнее, — перебил Бардин. — Иона отличный мужик, но стоит выпить — дуреет.

— Пустое, Николай Ильич. — Гуров беспечно улыбнулся. — В России не пьют только больные да хитрые, и я не встречал ни одного, кто от спиртного умнеет.

— Девочки так хотели познакомиться с легендарным сыщиком. — Бардин тоже улыбнулся. — Будет возможность, на следующей неделе сообразим. Так я вас слушаю.

— Восьмого июня в Москве, адреса не знаю, застрелили депутата Думы, материал забрала контрразведка. А мне на те бумаги надо взглянуть. Они ребята с гонором, везти сюда папки могут отказаться, так вы скажите, что мент, который делом интересуется, человек не гордый, подъедет, куда скажут.

— Хорошо, Лев Иванович. — Бардин сделал пометку в блокноте. — Вам завтра сообщат.

— Извините, Николай Ильич. — Гуров поднялся. — Они отказать вам не откажут, но могут начать резину тянуть: сотрудник в командировке либо еще чего, так вы не настаивайте. Мне, конечно, интересно взглянуть на оперативные материалы, но для начала сгодится и следственное дело, которое в прокуратуре.

— Спасибо за совет. Думаю, мы получим и оперативные материалы, — сухо, с явной обидой в голосе ответил Бардин.

— Не берите к сердцу, Николай Ильич, — беспечно произнес Гуров. — У нас с соседями любовь давняя, взаимная. Разрешите идти?

Полковник контрразведки Юрий Петрович Еланчук сорока четырех лет от роду выглядел на удивление молодо, можно сказать, даже несерьезно. Такое впечатление о Юрии Петровиче создавалось за счет его невысокой худощавой фигуры и привычки франтовато одеваться, носить вместо галстука шейные платки. К тому же у него были тонкие, интеллигентные черты лица, открытый доброжелательный взгляд и манера тихо, напевно говорить. Он много лет прослужил в разведке, в совершенстве владел английским и свободно изъяснялся на не-

мецком и французском. Объездил, что называется, полмира, а в другой половине побывал ненароком, походя. Если Гуров, не желая того, источал силу, даже опасность, то Еланчук воспринимался окружающими как эдакий франт, человек образованный, но поверхностный. Он имел несколько боевых орденов, был блестящим аналитиком и прекрасным вербовщиком-агентуристом, но не только это роднило его с Гуровым. Еланчук не любил начальство и не желал врать и угождать, за что и был уволен более года назад. У него была семья, любимые дочки-двойняшки, которых он обожал и был обязан достойно содержать.

Уволенный из органов, он пытался найти свое место под солнцем, которое бы прилично оплачивалось. Устроился в коммерческую структуру и поначалу, не ведая того, начал способствовать транспортировке через Россию наркотиков, а когда проведал, то увяз в деле по уши. Здесь ему подфартило: хозяин наркопредприятия налетел на Гурова и разбился. Сыщик первым расшифровал Еланчука, сумел перед развязкой перетянуть его на свою сторону, а в финале спас ему жизнь и репутацию. О том, что Юрий Петрович Еланчук был замешан в наркобизнесе, знал только один человек. Гуров практически всю свою жизнь в уголовном розыске коллекционировал умных, информированных должников, словно скупой рыцарь. Хранил их в своей памяти, никогда без острой нужды

не беспокоил и уж ни при каких обстоятельствах не напоминал о долге. К должнику можно обратиться с просьбой и только с просьбой — так понимал сыщик Гуров смысл агентурной работы, и половина его силы, а порой и больше, состояла из многочисленных знакомых, одни из которых были ему должны пустяки, иные не рассчитались бы и по гроб жизни.

Еланчук, сам прекрасный агентурист, когда дело по разгрому одного из звеньев наркоцеха закончилось и бывший разведчик прошел по делу лишь свидетелем, прекрасно понял, что рано или поздно полковник Гуров объявится.

Сегодня такой день настал, и два так внешне не похожих друг на друга человека прогуливались по тенистой аллее на Воробьевых горах. С одной стороны поблескивал окнами университет, с другой на смотровой площадке толкались туристы, за лентой реки простиралась, громоздилась наша любимая и нелюбимая, гостеприимная и чертовски опасная Москва.

Последний раз оперативники виделись на этой же аллее. Была ночь и непогода, рядом шастала смерть, разговор шел тяжелый и рваный. Сегодня светило солнце, на лавочках грелись пожилые люди, целовались молодые, прогуливались мамы и бабушки с колясками — нормальная жизнь, не имевшая никакого отношения к профессии двух хорошо одетых, мирно разговаривающих мужчин.

Поздоровавшись и справившись о здоровье семьи, Гуров не спросил, где нынче Еланчук обитает, чем занимается, полагая, что, возможно, того вернули в строй, а возможно, на него обратил внимание Интерпол, что, учитывая биографию разведчика и последние дела, в которых он замазался, было очень даже вероятно.

— Ты не женился? — спросил Еланчук. — Все по крышам да чердакам?

— Обязательно, там и ночью, для удобства кладу «вальтер» под ухо.

Еланчук хотел было спросить, сколько можно и не устал ли коллега, но понял, что вопрос получится грубым и риторическим, и сказал:

— Ну, тогда выкладывай. Считаю, я верю, что пригласил ты меня со скуки и от безделья, а вопросы твои к делу отношения не имеют.

— Юрий Петрович, ты будешь очень смеяться, но практически так оно и есть. Видишь ли, попросил меня вельможа доставить ему киллера, да не просто убийцу окаянного, каких сейчас в городе, как котов недавленных, а настоящего, взаправдашнего. Подозреваю, что вельможа не знает, какого точно зверя он хочет, и ему можно любого окровавленного подсунуть, но мне моя сыщицкая суть жульничать не велит.

— Верно, грех неразумных людей обманывать, — поддержал Еланчук. — А вельможа не подсказал, где конкретно взять того киллера?

— Нет, коллега сказал, мол, Москва большая.

Словно усомнившись, Еланчук взглянул на каменное громадьё до горизонта и спросил:

— А он, твой вельможа, положением своим недоволен? Надеется за счет твоей добычи лишнюю висюльку от царя получить?

— Для вельмож лишних висюлек не бывает, — наставительно произнес Гуров. — По сути, мой вопрос в том и состоит. Я же с тобой встретился не киллера в долг попросить. Зачем человеку нужен киллер, если человек волка от дворового пса отличить не может?

— А какую он легенду предложил? Он чего-то придумал, иначе зачем ему именно такой зверь нужен? Наверное, об общественном мнении говорил, о спокойствии?

— Точно. Главное, только не смейся, я эту «тюльку» проглотил. Решил, задержим киллера, начальство, как положено, щеки надует, грудь выпятит. Плевать, главное — дадут широкую прессу, телевидение, растреляют. Решил, пусть себе играют, а люди увидят, что менты хоть и сами полудохлые, а мышек еще ловят. Лишь позже подумал: что-то тут, зайка, не так, уж больно проста морковка.

— А может, на воду дуешь? — неуверенно произнес Еланчук. — «Киллер» — слово красивое, иностранное, употребляют повсеместно, а первоначальное значение уте-

ряно. Твой генерал наслушался, начитался и повторил. А ты всерьез принял.

— Плохо то, что лично мой генерал тебе известен, он не профессор в данном деле, давно академик. Это министра либо какого-нибудь вертухая из президентской команды можно на козе объехать, а моего генерала ни голыми руками, ни в каких рукавицах не возьмешь. С просьбой обратился человек вышестоящий.

— А с вышестоящими пусть твой умный генерал договаривается.

— Ты меня не учи! — рассердился Гуров. — Как из петли выскочить и сбежать, сам соображу. Я тебе конкретный вопрос задал, изволь думать.

— Так я в убийцах меньше тебя понимаю, раз в несколько меньше.

Гуров остановился, оглядел бывшего гэбэшника, пожал плечами.

— Ты, Юрий Петрович, не придуривайся. Я тебя не о преступниках спрашиваю, а о политиках. Я газеты мельком просматриваю, по «ящику» спорт и мультяшки смотрю. Ну, АО «МММ», Леню Голубкова знаю. А ты в политических интригах ас. Чего вельможные задумали или могли задумать? Зачем им киллер понадобился? Не желаю, чтобы меня словно слепого кутенка втемную использовали!

— А ты, Лев Иванович, оказывается, тоже живой и нормальный, вон как сердисься, —

усмехнулся Еланчук, изучающе поглядывая на Гурова.

Еланчук говорил пустые слова, явно тянул время, обдумывая ответ, решая, что можно полковнику сказать, а что необязательно. Приняв решение, нехотя произнес:

— Тогда мне фамилии твоих графьев желательно знать.

Гуров назвал Бардина и депутата Доронина.

— Иона Пантелеевич — не рядовой депутат, далеко не рядовой. Ориентация его неясна, характеризуется как человек сильный, принципиальный, врагов имеет значительно больше, чем друзей, что при таком раскладе естественно.

— Ты информирован, Юрий Петрович. Может, знаешь ребят, которые по убийству депутата Сивкова работают? — спросил Гуров как бы между прочим.

— Нет. Ты знаешь, к расследованию убийств я отношения не имею.

— Ну-ну, — Гуров пожал плечами, — не хочешь, не говори.

— Я покручу твой кубик-рубик, — уклонился от продолжения разговора Еланчук. — Если что, звонить в приемную Орлова?

— Лучше всего. — Гуров повернул в сторону, где стояла их машина. — Я не рассчитывал, что ты мне вывалишь слиток золота, но какого-то результата, признаюсь, ожидал.

— Ну, какой-то я могу тебе предложить.

■ К примеру, Харви Освальда готовили не

один год. Парень убил или кто другой, но человека, которого на весь мир объявили убийцей, спецслужбы облизывали долго и тщательно.

— Если я возьму киллера, он больше никого не убьет... — Гуров запнулся, и Еланчук хлопнул его по плечу.

— Вот именно, уважаемый Лев Иванович, вот именно. — Он отключил у своего «вольво» сигнализацию. — Ты задумался, а это уже кое-что, значит, твои труды по спасению моей облезлой шкуры в свое время не были уж совсем напрасными.

Гуров проехал мимо высокого забора правительственной резиденции, свернул на набережную, двинулся в сторону Киевского вокзала, припарковался неподалеку от поста ГАИ. Начал раскручивать идею, подсказанную гэбэшником.

Действительно, кто сказал, что розысникам дадут взять киллера? Приказано его выявить. Когда опыт ментов будет использован, нужный человек найден, исполнителей нетрудно будет при надобности заменить, а дело передать в другое ведомство.

Глава пятая

В январе, за полгода до описываемых событий, Борис Галей принял решение и дал телеграмму: «Заказ принят. Будет выполнен

в течение месяца, подтвердите условия оплаты».

На следующий день, вечером, Галей взглянул на открытую форточку на кухне Якова Исилина, удовлетворенно кивнул.

На работе Галей заявил, что в связи с ухудшением здоровья брата работать охранником не может. Готов сесть за руль и возить кого угодно хоть круглые сутки, лишь бы машина была в его распоряжении и он имел бы возможность возить брата на процедуры. Таким образом, он получил «жигули-шестерку» и ненормированный рабочий день, что всех устраивало.

«Клиент» — Белоус Олег Данилович, молодой, лет тридцати с небольшим, был элегантен, легок в движениях. Со стороны производил приятное впечатление. Каков он на самом деле, Галей не интересовало. Вообще он относился к банкиру как к предмету неодушевленному, который следует убрать с дороги и не иметь головной боли. Белоус работал на Пушкинской улице, а жил на Первомайской, ездил на «мерседесе» с шофером и охранником.

Сначала Галей присмотрелся к двум парням, которые постоянно сопровождали хозяина, и довольно быстро выяснил, что шофер и охранник не профессионалы. В органах не служили и опасны лишь в рукопашной. Они были молодые, здоровые, уверенные в себе, охранник позволял себе

выпивать, особенно когда сопровождал хозяина на прием.

Галей не имел возможности сменить машину, не мог рисковать и засветиться, поэтому вел наблюдение за лакированным «мерседесом» лишь на дистанции, имея перед собой две или три машины. Если Галей на светофоре объект терял, то не суетился, не пускался в погоню, а оставлял дело на следующий день. Наемник и взял месячный срок, так как предвидел, что, ведя наблюдение в одиночку, не торопясь и не рискуя, затратит на подготовку много времени. Он составил расписание дня банкира, определил основные маршруты его передвижения, привычки охранников и самого «героя», кто и как входит и выходит из помещения, как садятся и выходят из машины.

Стрелял Галей хорошо. В годы службы в КГБ стрельбами не манкировал, занимался серьезно. Он вообще принадлежал к категории людей, которые любое дело делают обстоятельно либо не берутся за него. Конечно, легче и безопаснее было убрать парнишку из винтовки с оптическим прицелом, но это только теоретически. Практически даже лучшая винтовка — это футляр, предмет, который не спрячешь, следовательно, примет, и стрелять из винтовки с оптикой Галею давненько не приходилось, а даже отличному стрелку, чтобы перейти с одного вида оружия на другой, требуется время. Короче, стрелять он решил из пистолета. Из имеющего-

ся у Галей оружия для такого выстрела подходил лишь «вальтер» девятого калибра с глушителем. Использовать «вальтер» было жалко, ведь придется его выбросить, а пистолет был великолепный, хорошо пристрелянный. Но Галей решил в таком деле не жмотиться.

Мест, в которых систематически и примерно в одно и то же время бывал банкир, определено было несколько: собственный дом, банк, любимый ресторанчик, в котором, видимо, проводились деловые встречи, квартира постоянной любовницы. Следовало определить, с какого места стрелять и как уходить. Дом любовницы Галей отмел — пригодишься, а голубки повздорят, ресторан тоже отпал. Случалось, что банкир в него заглядывал несколько раз на дню, но в разное время, а бывало, не посещал и день, и два. Лучшим местом для ликвидации Галей определил заасфальтированную площадку у подъезда дома банкира, а время — вечер, когда клиент и охранник часто бывали поддавленные и уж наверняка уставшие.

Отмычками Галей выучился пользоваться на старой службе, замок на чердаке либо вообще отсутствовал, либо его можно было открыть и гвоздем. Так что с этой стороны препятствий не было. Через две недели после «подписания контракта» Галей поднялся на чердак дома, расположенного напротив подъезда и заасфальтированной площадки, и без труда определил очень даже удобную позицию. Минувя чердак и открыв еще один замок,

он установил, что имеет прекрасный путь отхода, откуда можно было спуститься во двор и через минуту оказаться на другой улице, где ходили троллейбус и автобус, а за пятнадцать минут можно пехом добраться до метро. Машину на дело он твердо решил не брать, знал: любой розыскник первым делом ищет свидетелей, а затем машину. С точки зрения ментов, машина должна использоваться обязательно, так в данном случае ее не будет.

Галей все приготовил, даже назначил день, когда заметил, что банкира пасет наружка. Значит, финансист замазался по-крупному. Галей уже совсем было приуныл, собрался звонить Якову и от дела отказываться, когда из чистого любопытства решил присмотреться, сколько человек и машин задействовали бывшие коллеги. Он в течение одного дня выяснил, что никакая это не наружка, а болтается за банкиром один парень и, судя по его действиям, он в наблюдении фраер. Тогда Галей переключил свое внимание с жертвы на внезапно объявившегося преследователя, который недолго покрутился у дома банкира. Изображая приезжего, хотя иногороднему в этом районе делать было абсолютно нечего, зашел во двор и через несколько минут мелькнул в слуховом окне, которое чернело рядом с парадным подъездом. Галею это было хорошо понятно, так как неделю назад он сам обратил внимание на это подвальное окно и так же обошел дом, но дальше не полез, потому что двор был

узкий, днем полон детей, а вечерами отлично просматривался из окон первого этажа. Захаживали во двор и мужички с бутылками, и молодые влюбленные — в общем, место для дела негодящееся.

Сомнения отпали. Яков торопился. Видно, хозяин шибко подгонял, и вот наняли дублера. Галей обиделся, но не потому, что не доверяют, а что заменили на фраера, скорее всего смертника, потому что подобных «исполнителей» надолго в живых не оставляют, используют как одноразовый шприц.

Галей решил позвонить Якову, сказать: мол, убери ты этого мудака, коли не желаешь иметь неприятности. Передумал, решил: пусть болтается, ментам будет за что цепляться, и я козырь против нетерпеливого Якова получу, а платить я его заставлю в любом случае.

Тот факт, что убийцы выбрали один и тот же вечер и выстрелили практически одновременно, может показаться невероятным, но никому не известно, что черт делает, когда Бог спит. Галей увидел, как клиент упал, заторопился уходить заранее проложенным маршрутом. Сомнения уже тогда появились, но раздумывать было некогда — не дома у телеящика дремлешь, с места убийства уходишь.

Жил он все эти недели у любовницы, которая закупала для Сашки продукты, под-

собляла по хозяйству. Женщина она была добрая и немолодая, уж больно ей хотелось выйти за Бориса Галея. Мужик он аккуратный, а главное — непьющий. Не ласковый, так это среди мужиков дело обычное. Она дважды передавала Галею, что брат просит позвонить, но Галей воздерживался. Кроме суетливого Яшки, наверняка других дел нет, а телефон — дело шибко неверное.

После выстрела Галей вернулся опять же не домой, — сразу менять жизнь не следовало, — а к женщине: если кто случайно зацепится, такие совпадения ни к чему. Он провел вечер, как обычно, даже позволил себе похвалить еду и пару анекдотов рассказать. На следующее утро, когда у него выпало свободное время, он подошел к месту убийства, оставив машину поодаль. Молодой лейтенант милиции, скорее всего участковый, стоял в окружении женщин и двух подвыпивших хулиганов и укоризненно говорил:

— Вы же меня, бабоньки, почитай, каждый день видите...

— Василий, мы так твоему начальнику и сказали: участковый у нас хороший, непьющий.

Один из мужиков хмыкнул и закашлялся, другой с радостью огрел его по гулкой спине.

— Упреждал, не пей красное!

— Евдокимов! — Участковый сердито насутился, но голос у него вновь зазвучал укоризненно и жалобно: — Ходит чужой мужик

по вашему двору, а вы... — Он махнул рукой.

— Когда он завернул в подвал, я, честно, подумала, по нужде он, — сказала молодая женщина, опуская под ноги хозяйственную сумку.

— Да не бери ты к сердцу, Василек, — сказала пожилая толстуха, прищептывая. — Пусть все они друг дружку перестреляют.

Галей хотя практически не курил, но сигареты и зажигалку при себе имел, угостил стоявшего рядом пьянчугу, дал прикурить.

— Чего, власть достает?

— Вчера к вечеру нашего миллионщика шлепнули. — Мужичок вздохнул. — Из подвала, винтарь дорогой бросили... Эх, золотой мужик был, ну завсегда меньше пятерки не давал.

— Беда, — согласился Галей, пошел дальше, вспомнил, как банкир упал и что нехорошая мысль тогда его, Галея, толкнула, но рассусоливать было некогда, а позже забилось. Неправильно свалился банкир, на колени рухнул, а потом на бок. Вроде так от пули в голову не падают. То ли на какой лекции, а может, от бывалых ребят Галей слышал, что человек падает в сторону выстрела.

В «БМВ» было тепло, пахло дорогим одеколоном и хорошими сигаретами, которые курил Яков Исилин. Машина стояла на улице Строителей, где и подсел в нее Галей, по-

здоровался, словно расстались вчера. Яков ответил в тон, чуть усмехнулся, сказал несколько слов шоферу, тот вышел. Галей спустил стекло, протянул ключи шоферу, кивнул на стоявший неподалеку «жигуль».

— Посиди, на улице промозгло, — и повернулся к Исилину. — Если у кого вопросы возникнут, знакомство со мной не отрицай, а интерес твой ко мне так объясни: мол, интересуюсь сборными домами. Строительством моя фирма занимается.

— Я тебя, Борис, по старой дружбе не корю, но и ты мое терпение не испытывай. Ты за чужую работу бабки хочешь получить?

— Какие еще бабки? — Галей шевельнул белой бровью. — Шел разговор о долларах...

— Не кажись дурней дурного, и так не шибко умен. — Исилин получил не сильный, но болезненный удар в печень, умолк, опустил глаза и увидел неестественно длинный пистолетный ствол.

— Тебя за глупость и наглость посадили, обидно за то же и умереть. — Галей говорил спокойно, без угрозы. — Самое обидное, что тебя захоронят, а мы с твоего Михаила Михайловича должок все равно получим. Был договор, был установлен срок, работа выполнена.

— Нет! — выдохнул Исилин, пытаясь вялыми мокрыми пальцами отпихнуть стальную глушитель.

— Согласен, я такими делами не занимаюсь. Я лишь подрядчик, рабочие за вложен-

ный труд обязаны сполна получить. А что ты недоумка с ружьем нанял, то дело твое и Михал Михалыча Карасика. Я имя верно запомнил?

— Откуда?..

— Учиться, учиться и учиться — говорил вождь мирового пролетариата. А то, что ты, придурок, за деньгами погнался и вместо учебы на нары устроился, — факт твоей говенной биографии. Слушай. — И Галей включил свой портативный магнитофон.

Яков Петрович Исилин сидел на упругом, покрытом дорогим вельветом сиденье комфортабельной машины, а казалось, что со всех сторон вонзаются в него острые зубренные колья. По лицу и шее струился холодный пот, рубашка прилипла к телу, галстук давил горло.

— Ты чего? — удивился Галей. Сидел он прямо, руки на коленях, никакого пистолета и в помине, смотрел прямо в ветровое стекло, словно видел очень интересное.

Через дорогу, оскальзываясь, шла бабка с кошелками.

— Деньги небольшие...

— Да шеф уже заплатил, больше ни копейки не даст, — запинаясь, произнес Исилин.

— Несерьезно, ты же сидел, людей видел. — Галей говорил мягко, рассудительно. — Заказ твой был одному «авторитету»

передан, он распорядился, теперь он и сам должен вобщак отстегнуть — ты хоть, как и я, не вор, но их законы знаешь. Ты полагаешь, серьезный человек вместо твоего Карасика деньги выложит? Его прежде зажарят десять раз, хотя и одного вполне хватит.

— Кто знал? Кто знал? — повторял Исилин, комкая носовой платок и утираясь. — Шеф живет в ином мире, воровских законов не знает.

— Ты мне про иные миры хреновину не пори: он убийство заказывал или костюм пошить? Ты его спроси, он как полагал: его заказ официанты в белых манишках исполнять будут или люди иные?..

— Ну я-то как попал? А ты не предупредил! — Исилин хотел взять Галея за руку, но тот уклонился. — Друг называется, разговоры записал...

— Все! — перебил Галей. — Моих записей для следствия и суда, может, и маловато, но для воровской толковни даже не очко, а два туза. Сегодня у нас, — он взглянул на часы, — четвертое февраля, пятница, деньги должны быть во вторник, восьмого. Девятого включается счетчик... Мое дело — деньги у тебя взять и передать. В случае неуплаты меня не колышет ни твоя судьба, ни жизнь твоего шефа. И не думай, что я тебя лично пальцем трону, ствол тебе показал, чтобы доходчивее было, как на уроке анатомии школьникам демонстрируют учебное пособие — скелет показывают.

Галей хохотнул и открыл дверь машины.
— До вторника, однокашник.

Сидя в своих «жигулях», Галей проводил взглядом сверкающий лимузин и лишь тогда достал носовой платок, тщательно, не торопясь, вытер лицо и руки. Киллеру разговор дался тоже непросто. Никаких связей с «авторитетами», воровским миром у него не было и, по его характеру, быть не могло. Борис Галей был одиночка. Раньше был брат, человек верный, но теперь Сашка ковыляет на костылях, сидит дома, чистит картошку, стирает свои тряпки. Сашка живет, стиснув зубы, молча ждет, когда старшой сумеет их жизнь если не поломать, то хотя бы развернуть к лучшему.

Галей все просчитал заранее. Яшка связей в блатном мире не имеет, проверить, а тем более уличить Бориса во лжи не способен. Язык у Якова длинный и грязный, может чего угодно наплести, но воров за спиной Галея нет, судить его некому. Он никого не убивал, никаких претензий к нему никто предъявить не может. Он любовно огладил пристегнутый под курткой «вальтер» — теперь его можно сохранить. Сейчас главное — получить сто тысяч долларов. И Галей доллары получил, причем на удивление быстро и просто.

Яков Исилин был поражен. После продолжительной, на удивление спокойной беседы, в которой он был вынужден выло-

жить шефу все, начиная со школы КГБ и кончая наличием у Галея записей разговоров, коммерсант потер ладони, обозвал своего школьного друга «законченным мудак», велел назавтра прийти за деньгами и больше на глаза не показываться, телефон забыть.

Дело в том, что Михаил Михайлович Карасик был умен, дальновиден, как всякий бизнесмен, деньги считал, но на дело не скупился.

Акционерное общество, которое он возглавлял, торговало аккуратно нарезанной бумагой, называемой акциями, и отличалось от пресловутого «МММ» скромностью как в количестве вовлеченных в аферу простаков, так и в рекламе. У Карасика в отличие от знаменитого Мавроди было чувство меры и вкус.

Сразу после Нового года приятель Карасика, директор коммерческого банка Белоус Олег Данилович, поддержавший создание АО по продаже этой бумаги за советские рубли, сказал:

— Все, Миша, закрывай лавочку или, как говаривали наши предки, воры обыкновенные, хватай мешки, вокзал отходит. Оплати бумаги по сегодняшнему курсу, расплатись, с кем необходимо, и сворачиваем скатерть-самобранку. Известно: бесплатный сыр только в мышеловке.

— Хорошо, договорились, — мягко ответил Карасик, — только растянем оплату ■

твоих друзей месяцев на шесть-семь, равными долями. Ты еще и в наваре будешь: людишки денежки поднесут, цена поднимется.

— Нет, мне нужны наличные, рассчита- емся в январе.

— Я посоветуюсь с правлением, — отве- тил Карасик, отлично понимая, что ни с кем советоваться не будет. Если оплатить «акции» в один прием, АО останется без на- личных денег, что повлечет за собой обвал и смерть.

Тогда Карасик отыскал Якова Исилина, а тот в свою очередь нашел Бориса Галея.

В дальнейшем жизнь шла своим ходом. Белоус торопил, Карасику пришлось под- толкнуть Исилина, который связи с Галеем не имел и на скорую руку нанял афганца-нар- комана.

Карасик дал скромную, но изящную рек- ламу, акции АО прыгнули вверх. Когда Бе- лоуса застрелили, то никому в финансовом мире и в голову не пришло связывать убий- ство банкира с АО, пусть торгующим бума- гой, обреченным, но на сегодняшний день процветающим.

Хотя все и закончилось так, как было за- думано, Михаил Михайлович Карасик чув- ствовал себя отвратительно. Как он, такой аккуратный и многоопытный, мог дове- риться краснобаю и болтуну Яшке Исилину, он и сам не смог бы объяснить. Он единст-

венный знал о столь прискорбном факте и потому удивлялся в одиночестве.

Конечно, оправдать можно все: тут и вероломство Белоуса, и безысходность, и абсолютное незнание людей, которые умеют стрелять, даже драться. Яшка Исилин стал не ахиллесовой пятой, а повседневным, постоянно преследующим кошмаром молодого процветающего миллиардера.

Когда Яшка, назначив встречу в условленном месте, явился к накрытому столу бледный и дрожащий, провел пальцем по горлу и слово в слово изложил свою «одиссею», то умный Карасик, натурально, схватился за голову, однако, расспросив подручного о Галее, его биографии, брате, увидел не петлю, которую изображал Яшка, а свет в конце туннеля. Почему-то финансист сразу представил себе Галея, собранного, молчаливого, спокойного, понял его суть, что никаких «авторитетов» и воров нет, есть убийца-профессионал, какой и нужен.

Карасик положил перед Яшкой бумажную салфетку, ручку и сказал:

— Напиши мне фамилию, имя, отчество, адрес, телефон Галея — интересно все-таки, кому такие деньги платишь, — и мы с тобой расстанемся. Я тебе ничего не должен?

— Михаил Михайлович! — Яшка развел руками. — Расплатились по-царски.

— «БМВ» верни.

— Так она на меня оформлена, — прошептал Исилин.

— Сними с учета, продай фирме, получишь возврат уплаченного. Ты когда машину получал, оплатил оформление и страховку? Вот и получишь. Нужен будешь, тебя найдут, доллары передай аккуратно, я проверю.

— Обижаете.

— Пока нет. — Карасик наполнил свою рюмку. Исилин понял, что раз не предложено, так и аудиенция окончена.

— Не прощаюсь, увидимся, — сказал финансист, когда он выходил из кабинета частного ресторана.

— Всего доброго и приятного аппетита. — Последняя фраза шефа обнадеживала. Исилин считал, что легко отделался.

Он ошибался. Карасик пересел на диван, набрал номер Галея. Ответили почти сразу:

— Слушаю.

— Здравствуйте, Саша, — произнес Карасик. — Вы меня не знаете, фамилия моя вам ничего не даст, но мне надо поговорить с Борисом.

— Он человек занятой. — Сашка разбирался в людях, а голос и манера говорить ему понравились.

Братан как раз был дома — продукты привез. Сашка прикрыл трубку рукой, громко сказал:

— Борис, тебя серьезный мужик спрашивает, меня знает, советую потолковать.

— Раз советуешь... — усмехнулся Галей и взял трубку. — Здравствуйте, вы меня заста-

ли случайно, я в это время на работе. Слушаю, какие проблемы?

— Борис Сергеевич, мы заказывали у вас санузел, получили полный комплект, мне сегодня доложили, что с адресом отправителя неувязочка. Я сейчас дал команду, завтра вы можете получить окончательный расчет. Вас это устраивает?

— Вполне, Михаил Михайлович. — Галей слышал голос Карасика на пленке, узнал сразу.

— Значит, мы остались друг другом довольны. Это приятно. Вы в сотрудничестве заинтересованы?

— Об этом говорить рано. Мне надо еще получить деньги, и меня абсолютно не устраивает ваш представитель.

— Согласен, я уже уволил его. Вы получите гонорар, и, если спустите этого мудака в канализацию, так я вам большое спасибо скажу. — Карасик рассмеялся. — Что-то меня на солдатский юмор потянуло.

Галей торопливо соображал, где человек действительно шутит, а где говорит серьезно. Если ему, Галею, предлагают Яшку ликвидировать, то это очень заманчивое предложение.

— Ну, то дело хозяйское, мы люди рабочие, — осторожно сказал Галей.

— Да я бы сам утопил паршивца! — поднял голос Карасик. — Это надо придумать: по одной накладной два унитаза заказать. Голова не болит — хозяин заплатит.

Галей выдержал паузу, нехотя ответил:

— Посредники вечно что-нибудь напутают.

— А как без них?

— Придумаем, только вы по этому номеру больше не звоните. Брат болен, а я тут не живу, — соврал Галей. — Надо будет, я вас сам найду.

— Яшку я уволил, вы меня поняли?

— Я не понял, зачем вы его нанимали.

— Вы частный рестораник на Сretenке знаете?

— Вы из него звоните. Уважаемый, телефонный разговор окончен. — Галей положил трубку, запомнил номер, который высветился на его аппарате, вздохнул и осуждающе покачал головой.

Он был недоволен не Михаилом Михайловичем, человеком, видимо, неглупым, а собой. Слишком близко он, Борис Галей, оказался от заказчика. Это фраера галдят, что надо стоять у кассы. Профессионал знает: другой профессионал, который ищет, пойдет от кассы, как от печки, и чем ты от окошечка дальше, тем дальше свобода. А Яшка оказался глупее придурковатого, попав между двух огней. Совсем дух потерял и сдал Галея своему хозяину со всеми потрохами. У Карасика, видно, свой резон. Как у них жизнь сложится — сказать трудно. А Яшка Исилин от жизни устал, определенно устал.

К середине июля солнце словно проснулось, протерло глаза и взглянуло на каменное громадьё — город Москву. За два дня камень накалился, ночью лениво отдавал свой жар, днем набирал заново, температура подскочила к тридцати, и людям стало совсем хорошо.

Гуров не выносил жару органически плюс ко всему вынужден был ходить в костюме: не носить же пистолет в открытую, а без него сыщик чувствовал себя значительно хуже, чем без штанов. Правда, сейчас он большую часть времени проводил в прочно запертом кабинете, где пиджак и галстук можно было снять, что полковник и делал, лишь переступив порог.

Артем Ермаков беззвучно шлепал по клавишам принтера. Компьютер поглощал отбираемую оперативником информацию.

Крячко работал молча, с едва уловимой улыбочкой. Изредка он переставал читать описание очередного убийства, выпрямлялся на стуле, потягивался, заложив ладони за голову, и с интересом изучал сидевшего напротив Гурова, словно видел его редко или усмотрел в начальнике что-то новое. Гуров, как правило, на приятеля внимания не обращал, а если сталкивался с ним взглядом, смотрел безлично, сторонне.

Так и работали, молчали часами, изредка Гуров отвечал на телефонные звонки, порой ненадолго уходил, возвращался молча, продолжая изучать доставляемые с воли дела.

Розыскники Москвы быстро уяснили, что проверка формальная, для «галочки», так как почти все дела возвращали быстро, замечаний практически не делали, потому тащили дела охотно, ничего из них после первого случая не изымая и не припрятывая.

Порой, возвращая дело, Гуров внимательно смотрел в лицо розыскника и серьезно говорил:

— Я бы мог по делу наехать на тебя, но отпускаю с миром, потому с тебя причитается! Ты понял меня?

— Понял, господин полковник, — растерянно отвечал опер.

— Врешь нагло, — спокойно продолжал Гуров. — Ты ничего не понял. Известно, что я не беру, тем более не стану о таком болтать в присутствии свидетелей. Я тебе позвоню, скажу, куда и сколько принести следует. Свободен.

Опер хлопнул дверью, жизнь продолжалась. Всего таких разговоров Гуров провел пять. Артем Ермаков сидел, ничего не слыша и не видя, а Крячко после ухода очередного должника поинтересовался:

— Ты взятки будешь в одиночку брать или я тоже в доле?

— Ты в данном деле, Станислав, будешь паровозом.

— Велика честь...

— Приговор окончательный, работай, — перебил Гуров.

Станислава страшно интересовало, что старшой замышляет, зачем и кому именно напоминает о долге и в чем тот долг состоит. Одно Крячко знал наверняка: Гуров что-то задумал, отбирает людей одному ему ведомым способом и он, Крячко, этим парням не завидует.

— Смотри-ка, либо стар и подзабыл, но, кажется, такого давненько не было.

По тону приятеля Гуров понял, что на него стоит посмотреть, и поднял голову. Крячко разглядывал фотографии, читал какой-то протокол, шевелил губами.

— Попробуй вслух. — Гуров откинулся на спинку кресла, потянулся.

— Двадцать второго февраля в троллейбусе пятнадцатого маршрута примерно в пятнадцать часов обнаружен труп гражданина Исилина Якова Петровича. Судя по тому, что людей, а следовательно, и свидетелей было полно и никто не видел, как труп заносили, есть основания полагать, что данный гражданин вошел в троллейбус самостоятельно, а в труп превратился на глазах изумленной публики.

— Прекрати паясничать, пропусти десять страниц и объясни суть, — раздраженно сказал Гуров.

— Пожалуйста, заключение специалиста по трупам. «Гражданин Исилин скончался не от инфаркта, как предполагалось, а от...» Тут очень заумно излагается. А по-нашему, закололи его шилом либо иным иглообраз-

ным предметом. Удар нанесен сзади под левую лопатку, соответствующие отверстия имеются на пальто, пиджаке, рубашке и майке убиенного. Я почему сказал: давненько такого не было? Это в давние времена такое случалось: детишки «развлекались», особенно любили подкалывать людей в метро в часы пик...

— Полно, — перебил Гуров. — Артем, запусти в память: Исилин Яков Петрович, что-то мне помнится...

— Точно, есть, сейчас найдем, — ответил Артем.

— Не надо объяснять, что, пока территориальная милиция друг дружке труп отпихивала, троллейбус-то двигался, и на чьей территории ехал человек, а на чьей он в труп превратился — неизвестно. Кто же его за своего примет? В общем, пока суд да дело, ни одного свидетеля, где этот покойник в троллейбус вошел, обнаружить не удалось.

— Станислав, с нами работает молодой коллега, имей совесть, — сказал Гуров.

— Господин полковник, я всю свою совесть готов променять на одного свидетеля.

Артем Ермаков, видимо, уже получал необходимые данные, смотрел на экран компьютера, ждал, пока начальники утомонятся.

— Никто на такую невыгодную сделку не согласится.

— Понятно, младшего обижаешь...

— Так, — Гуров хлопнул ладонью по столу. — Банкира застрелили четвертого фев-

раля. Труп неизвестного молодого мужчины найден в лесопарке новой зоны «Измайлово» шестого. По фотографии убитого опознали жильцы дома, где проживал Белоус. Якобы убитый в Измайловском парке второго—четвертого разгуливал у дома и во дворе. Есть основания полагать, что он застрелил Белоуса.

— Коли вам, господин полковник, желательно, считайте, что опознали, — встрял Крячко.

— Чего мешаешь? — вспыхнул Гуров.

— Я тебя на землю ставлю, иначе ты, как незабвенный барон, за окорочками улетишь.

— Мюнхгаузен летал не за окорочками, а на Луну. — Гуров с надеждой взглянул на Ермакова, который соорудил довольную рожу, даже осмелился подмигнуть. Получив поддержку, Гуров лицом затвердел, передразнивая Крячко, цыкнул зубом.

— Значит, Белоус убит четвертого, предполагаемый убийца застрелен шестого, а господина Исилина находят в троллейбусе двадцать второго февраля. А господин Исилин... — Гуров повернулся к Артему. — Скажи, пацан.

— Господин Исилин проходил свидетелем по розыскному делу. Он допрашивался в качестве свидетеля.

— Свидетеля чего? — разозлился Крячко. — Если мы так клеить начнем, я сам такие сложу цепочки — обхохочетесь! Я в такую цепочку не верю, сплошное шельмов-

ство. Так свидетелем чего был убитый? Почему он допрашивался?

— А гражданин Исилин не допрашивался, — рассеянно ответил Артем, глядя на экран компьютера. — Он лишь упоминался. Он упоминался в розыскных материалах как человек, записанный на прием к Карасику, но им не принятый.

— Попробуй меня не прими, я вмиг порешу, — пробормотал Крячко.

— Однако убили его непросто. Рука профессионала. Согласен?

— С профессионалом согласен, а связи пока не вижу. Думаю, закололи его во время посадки в троллейбус, когда на ступеньках толчея. Он ничего и не почувствовал. Убийца «помог» человеку подняться, а сам остался, якобы решил ждать следующего троллейбуса.

Крячко листал дело. Ну ни одного толкового свидетеля! А ведь кто-то видел, как человек вошел, ему стало плохо, его усадили. После о нем забыть могли. Где он сел в «пятнадцатый», который по бульварам идет? Труп обнаружили у Сивцева Вражка — значит, он ехал от Трубной, переехал Тверскую.

Крячко замолчал, почесал затылок. Артем вернулся к компьютеру. Гуров пододвинул телефон, соединился с Бардиным.

— Здравия желаю, господин генерал-лейтенант! Гуров беспокоит.

— Здравствуйте, Лев Иванович. Какие проблемы?

Гуров про себя чертыхнулся, а вслух вежливо сказал:

— Я хотел бы ознакомиться с материалами по убийству Сивкова, которые доблестная контрразведка забрала...

— Да-да, у меня был разговор, обещали...

— Благодарю, но, чтобы получить обещания, необязательно быть заместителем министра.

Бардин попытался обратить все в шутку.

— Вы неделю не можете выкроить минуту и позвонить девушке, а вырвать секретную папку из лап контрразведки за день желаете.

— Ну, если существует прямая взаимосвязь, я позвоню сегодня же. Благодарю за внимание.

— Пожалуйста, — сухо сказал Бардин, понимая, что шутка не получилась.

Он разговаривал с коллегой из контрразведки, тот заверил, что убийство народного избранника расследуется со всей тщательностью, но, судя по всему, оно произошло на личной почве, никакой коррупции в деле не прослеживается. Материал, конечно, можно показать — какие секреты между коллегами? Короче, что вам нужно?

— Началось... — Крячко вздохнул. — Ты вновь хамишь начальству. — Он открыл стол, вытащил новенькую папку. — Значит, депутатом упорно интересуешься? У нас своего дерьма мало?

Станислав любил побалагурить, но безошибочно определял, когда Гуров начинал на шутливый тон раздражаться, сейчас мгновенно стал серьезным и продолжал:

— Так как агентурную работу никто не отменял, то я вчера встретился со своим человеком, имел с ним непродолжительную, но содержательную беседу. В народе существует мнение, что Сивков не брал, был несговорчив, вздорен, придирался к пустякам. Так, его интересовало, почему предприятие с миллионным оборотом не платит налогов. В шухере, который он поднял, была замазана вся верхушка районной администрации. Надо покопаться в его корнях, наверняка внук «врага народа» мстит за дедов и прочее...

— Что же ты молчишь? — прервал Гуров.

— Каждому овощу свое время, мы еще с майскими делами колупаемся. — Крячко огладил лежавшую перед ним папку. — А депутата замочили в июне. А ежели честно, то не хочу, чтобы ты лез в политику, да и киллер наш явно человек, нанятый людьми денежными.

— Я не люблю тебя, Станислав. — Гуров пододвинул телефон, начал крутить диск.

— Новости, — фыркнул Крячко. — Человека, который говорит правду, все не любят.

Гуров снова набрал номер и, когда соединился, представился шутовски:

— Левка Гуров беспокоит, не сидится ему

на завалинке. Здравия желаю, Федул Иванович!

— Привет, хлопец, слышал, одумался ты, в дом вернулся, — ответил заместитель прокурора Драч.

— Прокуратуре все положено знать.

— Не выкидывай коленца, — буркнул заместитель прокурора. — Чего надо?

— Тут четвертого июня шлепнули одного гражданина. Я даже фамилию лишь из газет узнал, он при жизни в Думе заседал.

— У тебя есть чего? Приезжай, рады видеть, — быстро сказал Драч.

— Я же сказал, мне и фамилию лишь в «МК» подсказали. А имею я лишь любопытство. Меня к делу не подпускают: с одной стороны — прокуратура, с другой — ФСК или черт знает, как нынче КГБ зовут!

— Я любопытных уважаю, приезжай.

— Выстрел был один или его из автомата полоснули?

— Не буду я с тобой по телефону калякать. — Драч явно рассердился. — Сказано, приезжай, — он замялся, — только не сегодня. Завтра поутру, позвони и приезжай.

Гуров вспомнил, что на столе зампрокурора видел фотографию красноармейца, но явно не самого Драча — кого-то из предков.

— Слушай, красноармеец, я ради тебя в лепешку расшибусь, скажи, выстрел был один?

— Эх, времени на тебя нет! — Зампрокурора коротко матюгнулся и положил трубку.

Гуров тоже положил трубку, подмигнул

Крячко, который сидел, открыв рот. Гуров бросил в него скрепкой, но Станислав ловко ее перехватил и сказал:

— Зампрокурора красноармейцем обзываете? Охолонись, Лева, я так без начальника останусь.

— Федул мужик простой, наверняка сейчас Орлову названивает, якобы для разноса. Ладно, шутки в сторону, необходимо на это дело взглянуть. А пока ты мою красивую цепочку «банкир — труп наемника — труп Исплина в троллейбусе» разорвал и взамен ничего не предложил. Нехорошо, коллега.

— Вариант имеется больно заумный...

— Давай! — перебил Гуров.

— Солнцем полна голова! — Крячко откинулся на спинку кресла, заложил руки за голову и неторопливо начал повествовать: — Живет человек и не знает, когда ему кирпич на голову свалится. Небезызвестный месьир Воланд утверждал, что просто так никому кирпич на голову не падает. Отметьте эрудицию. — Он выдержал паузу, но аплодисментов не дождался. Артем смотрел растерянно, Гуров сердито. Крячко деловито продолжил: — Когда человека подстерегла беда, он быстро выясняет, что довериться некому и ждать помощи неоткуда. Так называемые товарищи по работе этой беды на его голову уже заждались, им ничего плохого говорить нельзя — только радовать. А кому можно? Мама с папой либо померли, либо уже давно помочь не в силах. Так кому? Ос-

таются только друзья детства либо чуть более поздние однокашники, сокурсники.

— Ну-ну, не тяни, — несколько раздраженно сказал Гуров, который понял, куда клонит друг и коллега, и обиделся, что столь простая мысль не пришла к нему первому.

— Ревность унижает мужчину, он должен быть выше. — Крячко указал на потолок. — Кого мы имеем в розыскных делах? Правильно, множество сотрудников и чуть соседей и родственников, а нужны нам, как уже сказано выше, друзья детства, сокурсники, знакомые, которых удостоимся раскопать.

— Да где же мы их возьмем? — Артем всплеснул руками.

— Я лишь опер, по части магии у нас они. — Крячко поклонился Гурову.

— Они не подведут. — Гуров пододвинул к себе телефон. Начал названивать розысникам, которые побывали в этом кабинете, но не всем, а лишь тем, кого объявил калеками. Кого не заставлял, просил срочно перезвонить, с кем соединялся, разговор велся как под копирку.

— Привет! С тебя причитается? Пора долги гасить, дружок. Быстренько ко мне, буквально на пять минут. Не можешь сегодня — завтра поутру. Все заняты, даже кто кроссворды разгадывает, тоже занят. Не уважал — не звонил бы, мне такой даром не нужен.

Когда все звонки были сделаны, Гуров принялся за присутствующих.

— А вы в театре или в цирке? Срочно составьте список людей, в чьем окружении может оказаться нужный нам человек.

Артем начал возиться с компьютером. Крячко почесал за ухом шариковой ручкой, написал размашисто три фамилии и перебросил листок на стол Гурова. Тот глянул искоса, усмехнулся и сказал:

— Фантазией не блещешь.

— Если бы блистал, так в кабинете нельзя было бы находиться, — парировал Крячко. Взял листок у Ермакова, покачал головой. — Ты не в «морской бой» играешь, парень. За каждой нарисованной тобой фамилией лежит огромный человеческий труд. Оперу машина не положена, он ножками, либо на метро, либо в троллейбусе гонит, автобусом протрясется, снова ножками да ножками... Ты вот фамилию, — Крячко ткнул в листок, — сдуру чиркнул, а человек будет кишки наматывать.

— Так ведь Лев Иванович определять будет, — робко сказал Артем и покраснел.

— Твой Лев Иванович тоже тот еще душелюб.

Разгорелся спор, в котором принял участие и Гуров. Он занял позицию между воюющими сторонами, но ближе к Артему Ермакову. Фамилии то вычеркивались, то вписывались, вскоре начали подходить оперативники. Наконец осталось пять человек, жизнь которых решили просветить основательно, начиная эдак с класса пятого. Когда посторонние ушли, Крячко сказал:

— Я тоже считаю, что настоящий киллер не возьмет в руки шило. Лев Иванович, я тебя люблю, но особо за то, что не упрям. Прошитый в троллейбусе мужичок нам совершенно не в масть.

— Ты великий интриган, Станислав, — убирая бумаги в сейф, сказал Гуров и подмигнул растерявшемуся Артему. — Сначала кричишь, что Яков Петрович Исилин твой и только твой. Я, конечно, соглашаюсь, не могу такую перспективную версию у друга отнять, никому не дал, я тебе оставил. Теперь шутки шутить изволишь.

Гуров развел руками и посмотрел в лицо Крячко так искренне, что сыщик даже засомневался в собственной памяти, начал в ней копаться. Слов сегодня много говорили, может, он действительно брякнул чего. Затем сообразил, как его элементарно «обули», шагнул к Гурову, но было поздно.

— Завтра ты, Артем, с утречка будешь один, рот не разевай, кроме генерала Орлова никого не пускай, а он не придет. Я прибуду после пяти, ну а ты, Станислав, раз решил — действуй. Значит, Исилин Яков Петрович. В один день не уложишься, скажешь — я тебе людей дам. С Богом!

Глава шестая

Третий день в Москве стояла жара. Настроение у Гурова было скверное, он вел свои «жигули» следом за иномаркой, за рулем

которой сидела Ирина, сестра супруги Бардина, и не очень представлял себе, зачем следит за молодой женщиной. «Взял» он Ирину от ее дома, теперь они следовали по набережной, поток машин становился все гуще, и сыщик понимал, что вскоре придется пристроиться непосредственно за машиной Ирины или отстать на ближайшем светофоре.

Еще неделю назад Орлов приказал разобратся с «девицей», после визита к Бардиным, когда в квартире оказался пьяный депутат Думы, оставался неприятный осадок, что-то в этой истории было фальшивое, подстроенное. Генерал считал своего друга мужиком неотразимым и многоопытным, что соответствовало действительности лишь частично. Гуров имел у женщин успех, но только у определенной категории и далеко не при всех обстоятельствах. Он знал, что очень понравился Ирине, но тот вечер упустил, а оскорбленная женщина — иной человек, подойти к которому вторично отнюдь непросто. Главное — зачем, а если и удастся, то о чем говорить, не выказывая заинтересованности в отношении Бардина и депутата Доронина? Любая женщина желает, чтобы интересовались только ее особой. Она значительно чувствительнее мужчины ко лжи, которая является ее оружием, полученным при рождении из рук прямой прародительницы — Евы.

Сыщик не верил в успех своего мероприя-

тия, но как опытный оперативник знал: отступать нельзя, иначе отступление незаметно превратится в манеру поведения.

У Каменного моста Ирина свернула направо, миновала библиотеку, выехала на Тверскую и припарковалась под знаком «остановка запрещена». Надо сказать, что вдоль тротуара стояло много машин, видимо, все имели специальное разрешение стоять там, где им вздумается. Гуров встал в ряд и тут же увидел инспектора ГАИ, который, разомлев от жары и лениво помахивая жезлом, направился к «чужой» машине. Как гаишники узнают, что водитель не блатной и не родственник, не знает даже лучший сыщик России. Он принимает это как аксиому и ведет себя покорно.

Гуров запер машину, шагнул навстречу инспектору и твердо сказал:

— Полковник Гуров, нахожусь на работе, шагай мимо, — и заторопился следом за Ириной, которая уже скрылась за сверкающими дверями гастронома.

При первом знакомстве женщина показала Гурову ниже ростом и, как говорят в народе, не такой фигуристой. Он понял, — как-никак опер по особо важным, — что дело тут в каблуках, которые изменяют осанку, походку и даже выражение лица. Ирина закупала продукты и делала это с таким брезгливым видом, словно выполняла чужую грязную работу, которую ее вынудили совершать за неизвестную провинность.

Гуров почти ежедневно бывал в магазинах — такова холостяцкая доля. Сегодня, как известно, везде все есть, но оказалось, что магазин магазину рознь и женщина не зря проехала по душной Москве, толкаясь в автомобильном потоке.

За сверкающими прилавками, уставленными самой различной снедью, порхали улыбающиеся продавщицы. Колбасы, ветчина, окорока, сыры, банки и баночки, а главное — этикетки и этикетки, от которых можно сойти с ума.

Гуров на прилавки не смотрел, встал в сторонке, оглядел длинный магазин, выяснил, что в настоящее время карманников не видно, равнодушно наблюдал за Ириной и лениво размышлял, почему такая интересная, богатая, родовитая женщина не замужем, а в данном конкретном случае без сопровождающего?

Когда она прошла через весь магазин и число пакетов в ее руках пересчитать было уже невозможно, Гуров «случайно» задержался в дверях. Ирина его толкнула. Чертыхнувшись, он пробормотал извинения, посторонился и подхватил женщину под руку. Они вышли на тротуар. Гуров взял у Ирины несколько красочных пакетов и сказал:

— Во-первых, здравствуйте, во-вторых, в какой-то телевизионной рекламе я слышал, что от судьбы не уйдешь.

■ — Судьба? — Ирина прищурилась. — Рас-

скажите морским пехотинцам. Ладно, несите в машину, полковник.

Оказаться на пути человека, с которым надо встретиться, — прием довольно затасканный, однако большинство мужчин на него попадают, рассуждая так: раз я на человека налетел — значит, он за мной не следил, встреча произошла случайно. Мужчина — существо, мыслящее логически, повелитель вселенной, а женщина слаба, эмоциональна, логика ей чужда, она не рассуждает, а чувствует, причем так, как ей чувствовать приятнее. Ба! Вот он, голубчик, под ноги бросился и правильно сделал, на месте оказался! Выследил, красавчик! Нервы не выдержали! Теперь мы с него шкурку, как с перезревшего банана, снимем.

Гуров не стал валять дурака и спрашивать, к какой именно машине нести пакеты, остановился около иномарки, которая при ближайшем рассмотрении оказалась «пежо-405». Ирина достала ключи, отключила сигнализацию, уверенно сказала:

— Проводите до дома.

— Спасибо, но мне надо кое-куда... — Гуров замолчал, понимая, что ложь бессмысленна, главное — подводит под их неначавшимися взаимоотношениями черту окончательную.

— Сколько сил и времени затратили, и все напрасно. — Ирина открыла багажник. Гуров уложил пакеты, взглянул на женщину, понимая, что проиграл. Мелькнула мысль

проигрыш проглотить, благо, не впервой, от замен отказаться и вернуться на Житную в министерство.

И женщина мгновенно поняла, что даже с такого прочного крючка мужик готов сорваться, оставить кусок мяса и уйти, и торопливо сказала:

— Хорошо-хорошо, я вам абсолютно верю, вы оказались здесь совершенно случайно.

Гуров смотрел на Ирину и удивлялся. Она выглядела совершенно иначе, чем в тот злополучный вечер. Глаза не темные, а рыжие в крапинку, зрачок в голубом ободке, как у кошки, волосы тоже не шатенистые, а рыжие с льняными прядями, только губы прежние: полные, сочные, резкого рисунка, с легким пушком над верхней губой.

— Гуров, не надо сцен у фонтана, прошу, да и сумки до лифта некому донести.

— Разве что сумки, — сердито буркнул Гуров, захлопнул багажник и пошел к своей машине.

— Значит, на работе, полковник... — услышал Гуров за спиной насмешливый голос гаишника.

Сыщик сел за руль, включил движок, опустил стекло и ответил:

— Неужели тебе не жарко, инспектор? — и поехал следом за «пежо».

Приняла душ Ирина, затем Гуров, потом они занимались любовью, молча и сдер-

жанно, как бы прислушиваясь к себе, не-смотря на возраст, стеснялись, быстро сбе-гали в душ, оделись и начали готовить еду. И женщина, и мужчина были опытны, от-лично знали, как легко разорвать тончай-шую нить, которая, кажется, натянулась меж-ду ними.

Ирина готовила ловко, сноровисто, но и Гуров не уступал в умении обращаться с но-жом и овощами. Он приготовил салат, чуть посолил и поперчил, заправил подсолнеч-ным маслом, брал все с полок и из холо-дильника уверенно, ни разу не спросив, где что стоит, нарезал хлеб. Ирина пожарила вырезку, приготовила какой-то фирменный соус и прервала затянувшееся молчание:

— Мне налей рюмку водки, а себе по ус-мотрению, ты ведь на работе и за рулем.

— Такую жизнь придумал не я. — Гуров наполнил две рюмки водкой, протянул одну хозяйке, чокнулся и поклонился. — За тебя!

Они выпили, сели за стол, словно были знакомы давным-давно.

— Спрашивай. Что тебя интересует? — сказала Ирина просто, как бы невзначай. — Если я смогу, постараюсь тебе помочь. Толь-ко не ври, не говори о любви с первого взгля-да, что ты не спал и прочую ерунду.

Лев Гуров отлично знал: ни при каких обстоятельствах нельзя признаваться в ко-рыстных побуждениях. Никакая женщина этого не простит, а уж женщина красивая, ■

избалованная и своевольная не простит вдвойне. И легкость вопроса, и небрежный тон — сплошной обман, и как выкручиваться — неизвестно, потому что лед под ногами так тонок, что один неверный шаг, неискренний вздох, и вместо возможного союзника приобретешь серьезного врага. Гуров на секунду замешкался, понял, что уже выдает себя, ведь у нормального мужика в подобной ситуации не должно быть холодного взгляда.

— Не бери меня за горло, не люблю, — спокойно ответил он. — У меня действительно много вопросов, только я их не задам. И с любовью я во взаимоотношениях натянутых как с первого взгляда, так и со второго. Ты красива, у тебя великолепное тело, ты потрясающая любовница, но у тебя нет и не будет на меня никаких прав. Я поехал за тобой, потому что поехал, увидел, вспомнил, захотел... и поехал. Давай выпьем по второй и не будем портить неожиданный праздник.

— Ну что ж, как говорится в старом анекдоте: физическая близость еще не повод для знакомства, — улыбнулась Ирина. — Тем не менее спрошу: как я понимаю, у тебя нет постоянной женщины?

— Обязательно, — ответил Гуров, сообразил, что Ирине незнакома его привычка употреблять это слово к месту и не к месту, пояснил: — И непостоянной тоже нет. Моя

бывшая жена убыла с новым мужем в Америку, я бесхозный.

— И как женщины позволяют тебе разгуливать без присмотра?

— Я тоже удивляюсь. — Он пожал плечами. — Однако, как видишь, не заблудился и под трамвай не попал.

— А если серьезно?

Гуров взглянул на Ирину внимательно, собрался сочинить остроумный ответ, но лишь вздохнул и после паузы неохотно произнес:

— А ты задай аналогичный вопрос себе, если ответ понравится, поделись, интересно послушать.

— Нужна любовь либо достойный партнер.

— Возможно.

— Тебя не назовешь разговорчивым.

— Когда я выпью, становлюсь лучше.

— За чем дело стало? Наливай.

— Не старайся казаться проще, чем ты есть на самом деле.

— Хорошо, — легко согласилась Ирина. — Ты говорил, что у тебя есть ко мне вопросы, но ты их не задашь. Почему? Может быть, передумаешь?

— Это вряд ли.

— Тебя не интересует, сколько раз я была замужем, есть ли у меня постоянный мужчина? Не интересует. — Ирина кивнула. — Значит, ты хотел спросить о Бардине и о его

дружке, который в прошлый раз хулиганил у Алки?

Гуров смотрел безучастно. Женщина переставала нравиться, а его тянуло к ней, он не хотел терять ее так быстро. И Ирина почувствовала, что на Гурова давить бесполезно, даже опасно.

— Я любопытна, ничем не отличаюсь от своих соплеменниц.

Гуров наполнил рюмки, пододвинул телефон.

— Я на два слова, — и позвонил в кабинет. — Артем? Говорит Гуров. Что-нибудь есть? Хорошо. В восемнадцать все запри, опечатай, меня сегодня не будет. — Он положил трубку. — Извини.

— Да ради Бога! — Ирина рассмеялась. — Я поймала себя на мысли, что, возможно, впервые слышу, как мужчина звонит по телефону, говорит, что не придет на работу, и ничего не объясняет, не врет. Ты часто врешь?

— Бывает. — Гуров пожал плечами. — Стараюсь врать как можно реже, а не получается! — Он состроил гримасу и вновь пожал плечами.

В дверь позвонили явно условным образом. Ирина встала, одернула халат, поправила прическу.

— Это Алла. Ты можешь в гостиную не выходить.

— Ты хозяйка, решай, как лучше. — Гуров достал сигареты. — Я закурую?

— Конечно. — Ирина вновь поправила прическу и пошла открывать дверь.

Из прихожей донеслись голоса. Гуров понял, что сестра пришла не одна. Гости с хозяйкой прошли в гостиную. Ирина громко сказала:

— А у меня тут случайно в кустах рояль! — Она заглянула в кухню. — Лев Иванович, прошу!

Гуров погасил сигарету, вышел в гостиную, увидел Аллу, которая при дневном освещении меньше походила на сестру, и статного мужчину, в котором не сразу узнал Иону Пантелеевича Доронина.

— Великий сыщик! — Алла протянула руку, которую Гуров с поклоном поцеловал. — То вас невозможно отыскать, то вы являетесь как... — Она не смогла найти нужное слово, махнула рукой. — Вы знакомы, Иона Доронин — звезда эфира.

Доронин сдержанно улыбнулся, пожал Гурову руку, который сразу отметил: сегодня ладонь у депутата сухая и сильная.

Изображая хозяина, Гуров указал на кресло, пододвинул его гостю.

— И прекрасно! — воскликнула Алла, которая и в квартире сестры сразу захватила инициативу. — Вы болтайте о политике, стройте правовое государство, а женщины удаляются на кухню.

Мужчины молча опустились в кресла, закурили, словно выполняли ритуал. Гуров по привычке расположился лицом к две-

рям, депутат, который не думал о мелочах, расположился спиной к входу и лицом к окну.

Сегодня Доронин выглядел респектабельно, даже зачесанные через лысину пряди светлых волос не делали его смешным.

Молчали. Каждому было о чем подумать.

Сыщик автоматически начал просчитывать, случайно произошла встреча или она кем-то запланирована. Гуров быстро пришел к выводу, что, как это ни парадоксально, встреча произошла случайно, никто не знал, что он в это время может оказаться в данном месте, так как этого час назад не знал и сам Гуров.

Полицейский полковник, — а именно так называл про себя Гурова депутат Думы, — вызывал у него чувство раздражения, даже опасности. В общем, такое отношение было естественным: человеку свойственно, встречаясь с неизвестным и непонятым, ощущать дискомфорт и настороженность. Для выполнения задуманного полковник был депутату нужен, даже необходим. Но Доронин понятия не имел, как к Гурову подступиться, он много о нем слышал разного и противоречивого, но в одном все были едины: полицейский умен, неподкупен и беспощаден. В принципе, именно такой человек и был Доронину нужен, только такой и мог оказать помощь, однако существовало одно «но»... Этот человек должен стать верным союзником и верить Доронину на все

сто процентов. А умеет ли полицейский доверять другому человеку или в нем вырабатывается профессиональная настороженность к людям вообще и к незнакомым в особенности, потребность всегда держать палец на спусковом крючке?

— Вы хотите задать вопрос? — нарушил молчание Гуров. — Задавайте, постараюсь ответить правду.

— Вы умеете ее говорить?

— Оскорбление — не лучший способ начинать знакомство.

— Извините, но ваша профессия как бы обязывает не отвечать, а задавать вопросы.

— У вас неправильное представление о сути моей профессии.

— Так просветите, в чем же суть профессии полицейского? — спросил Доронин, злясь на себя, что ведет разговор в конфликтном тоне.

— Крайне просто — мы пытаемся установить истину. Знайте, вопросы человека в большей степени раскрывают его суть, чем ответы. Я всегда с удовольствием слушаю вопросы, продолжайте.

— Пожалуйста, только на кой вам нужна моя суть?

— Для коллекции, я любознательный, мне непонятны мотивы человека, который соглашается заседать в Думе.

— Соглашается? — возмутился Доронин. — Да человек ночи не спит, изничтожает себя вконец, лишь бы в Думу попасть.

— Тем более непонятно. — Гуров пожал плечами. — На мой взгляд, скучнейшее и неблагодарное занятие.

— Неблагодарное, точно! — согласился Доронин.

— Так вот мне и непонятно, зачем туда лезть, коли, как вы сами говорите, цена столь высока?

— Но ведь кто-то должен?

— Мысль интересная. — Гуров почувствовал себя неловко: так этим «кто-то должен» он оправдывал свою службу в милиции. — Большинство людей, как я понимаю, рвутся в депутаты от чувства неполноценности, за привилегиями, из стремления в дальнейшем устроиться, меньше работать — больше получать.

— А меньшинство? — Доронин проглотил оскорбление на удивление легко. — Стремление изменить жизнь к лучшему, любовь к России?

— Человек рождается невиновным, живет невиновным, пока не доказано обратное. Я не могу исключить столь возвышенные и наивные мотивы. Но давайте сойдем с тонкого льда. Извините, вы приехали сегодня встретиться с Николаем Ильичом?

— Николай обещал приехать обедать, — ответил Доронин. — Какое вам, собственно, дело?

— Я любопытный.

— Как ищейка?

— Она очень полезная собака. Не пони-

маю, почему благородное животное превратили в бранное понятие. Ищейка! Сторожевой пес! Убежден, они принесли человеку много пользы, иначе просто не существовали бы.

— Кому что нравится. — Доронин пытался смягчить разговор.

— Стремясь изменить жизнь к лучшему, надеюсь, вы уже успели получить хорошую квартиру и прочие мелочи, причитающиеся народному избраннику.

— Я живу неплохо, — скромно ответил Доронин, вынимая из кармана и протягивая Гурову визитную карточку. — Загляните на досуге, мы с женой будем рады, а сын так с ума сойдет от счастья.

— Мужчины, — сказала вошедшая в гостиную Алла, — помогите женщинам накрыть на стол. — Она взяла под руку Доронина. — Если мой супруг так безобразно опаздывает, то пусть расплачивается.

— Извини, но я, пожалуй, сметаюсь. Дела. — Доронин вежливо улыбнулся.

В этот момент позвонил Бардин, сказал, что он давно дома, ждет гостя, видимо, сказал еще нечто, после чего Алла схватила депутата за руки и они удалились так же быстро и неожиданно, как и пришли.

Гуров пробыл у Ирины еще с полчаса и откланялся.

— Звони, — сказала женщина, провожая Гурова до дверей с таким выражением, слов-

но он действительно лишь помог дотащить тяжелые сумки да выпил чашку кофе.

— Обязательно. — Гуров поцеловал ей руку и вышел. Такие взаимоотношения сыщика вполне устраивали.

На следующий день Крячко в кабинете не появился, сказал по телефону, что выполняет задание и, возможно, в этом году закончит. Только Гуров собрался отпереть сейф, извлечь на свет Божий очередное дело, как полковника вызвали к Бардину.

— Здравствуйте, присаживайтесь, — ответил генерал-лейтенант на приветствие полковника и кивнул на кресло. — Начнем с того, Лев Иванович, что я прошу вас не распространяться о том, что вы встречали Иону Доронина в моем доме.

Гуров кивнул и продолжал молча изучать ковер.

— Отношения в верхах непростые, не хочу лишних сплетен... — Зазвонил один из телефонов, стоявший на приставном столике. Бардин приподнял и опустил трубку. — Что вам известно об убийстве, — он вздохнул, — депутата Сивкова, которое произошло четвертого июня?

— Кроме того, что человек был убит у собственного подъезда, больше ничего. «Соседи» — так, Николай Ильич, мы называли

КГБ и продолжаем называть, как бы эту организацию ни переименовывали, — материалы забрали.

— И только? Больше ничего? — иронически спросил Бардин и развел руками. — Ведь вы старший опер по особо важным делам. — Лицо его посерьезнело. — И что вы предлагаете?

— Да ничего. — Гуров тоже развел руками. — Слава Богу, забота не наша, а прокуратуры. Насколько мне известен человек, которого я попросил разобраться, следовательно не позавидуешь.

— Дерьмо, кругом дерьмо! — Бардин вышел из-за стола, прошелся по кабинету. Гуров отметил, что штатский костюм на заместителе министра сидит отлично. — И что вы думаете по этому поводу?

— Николай Ильич, я занимаюсь другим делом. Оно продвигается с большим трудом, если вы будете меня отвлекать, то забуксует окончательно.

— Да сказать свое мнение вы можете?

— Николай Ильич, опер даже с годовым стажем знает, что, если след не обнаружен сразу, он может быть не найден никогда. Делом занимаются прокуратура города и контрразведка, а не сопливый опер. Мне оперативные материалы не показывают, я не знаю, у кого они в производстве. Возможно, у людей для этого есть серьезные основания. Я обратился к заместителю прокурора, следовательно находится в его подчинении, а

контрразведчики прокуратуре сегодня не указ. Возможно, я совершил недоброе дело. Господин начальник, поверьте моему ментовскому чутью, давайте оставим это дело людям, которые им занимаются, не будем мешать.

Гуров, мягко выражаясь, лукавил. По сути он говорил правду, когда Федул Иванович буркнул ему по телефону, чтобы мент решал свои проблемы и на следующий день, то есть сегодня, позвонил, сыщик все понял и с прокурорским чином согласился. Но сегодня с утра зампрокурора не было на месте. Гуров звонил регулярно, все без толку. Когда заместитель министра начал тот же разговор, стало ясно, что Бардину сообщили о запросе полковника и попросили унять не в меру любопытного мента.

Ситуация была проста и обыденна — прокуратура и контрразведка уперлись в тупик и признавать это перед ментами не хотели. Но Драчу стало ясно: что-то у Гурова имеется, прокурорский хотел это выяснить лично, потому и приглашал полковника к себе в кабинет.

— Пусть каждый занимается своим делом, — повторил Гуров.

— Вам виднее, Лев Иванович. — Замминистра вернулся за стол, без нужды переложил бумаги с места на место. — Вам нечего мне сообщить?

— Пока нет, господин генерал-лейтенант. — Гуров встал. — Разрешите идти?

— Да-да, конечно. — Бардин сделал вид, что разыскивает на столе какой-то документ.

— Домашним поклон. — Гуров быстро вышел.

Полковник контрразведки Еланчук сидел в кабинете своего начальника, генерала Барсука Степана Акимовича, и ждал, когда начальник закончит телефонный разговор, состоящий из междометий и невнятного хмыканья. «Если его абонент разговаривает таким же манером, то как они друг друга понимают?» — подумал Еланчук.

В свое время генерал увольнял Еланчука, недавно якобы способствовал возвращению полковника в ряды доблестных чекистов. Еланчук разбирался в людях — работа такая, знал генерала много лет и не понимал совершенно. Неумен, необразован — это факт, хитер, обладает прекрасной интуицией, но это же не объясняет, каким образом человек при любых властях, перестройках, перетряхиваниях, чистках и реконструкциях остается в кресле. Все руководство сменилось, уволили классных специалистов, трижды переформировали, меняли название и направление работы, а генерал Барсук сидит и продолжает руководить. Еланчуку еще сорок пять не исполнилось, и он уже в «стариках» ходит, а генералу за шестьдесят, нынешние начальники ему в сыновья го-

дятся. Новые в работе не смыслят, но люди сплошь образованные, неглупые. Что же, они не видят, с кем имеют дело?

— О чем задумался, Юрий Петрович? — спросил генерал, положив телефонную трубку.

— О жизни, — глубокомысленно, стараясь не улыбаться, ответил Еланчук.

— Оно и понятно, — согласился генерал. — Хотя в сегодняшней жизни ни хера не понятно. У тебя в милицейских верхах кореша имеются? Короче, известно, что ты с полковником Гуровым лично знаком.

— Тоже мне — верха! — презрительно фыркнул Еланчук, пытаясь казаться как можно беззаботнее. — Опер, мент обыкновенный.

— Теплоцентральный видел? — неожиданно спросил генерал.

— Какую? — не понял Еланчук.

— Любую! Здоровые трубы, небо копят, город греют. Там тысячи труб, отводов и подводов, но ежели в твоей квартире кран прорвет, прокладка полетит либо другая мелочовка, затопит к едрене фене. Твой Гуров начал крушить кран, который не надо было трогать.

— Так скажите его начальнику, чтобы полковник бросил баловаться, отошел в сторону.

— Мне сказали, что твой Гуров обещал, только слышал я, он хитер и с придурью. Ты можешь с ним потолковать, проверить: он

всерьез отстал или начальству лапшу на уши вешает?

— А в чем дело, собственно?

— Дело не мое, сказать не могу. — Генерал почесал затылок, понял, что сморозил глупость. Сердито засопел и сменил тему: — Хрен с ними, пусть сами разбираются. Ты мне лучше скажи, есть такой засранец в Думе, даже начальник, председатель комиссии Доронин Иона Пантелеевич — жид, наверное?

— Это вряд ли. — Еланчук вспомнил Гурова и усмехнулся.

— У тебя на этого Иону есть чего?

— Откуда, Степан Акимович? — Для убедительности Еланчук даже развел руками. — Нам же категорически запрещено...

— Цыц! — перебил генерал. — Ты кому заправляешь? Мы поставлены наших депутатов охранять! А как охранять, если не знаешь придурка? Займись Ионой. — Генерал ощерился, видно, очень не нравилось ему имя депутата Доронина. — Где родился, крестился, учился, знался, болтался? Сам знаешь, тебя учить — только портить.

— Так что, мне на Доронина разработку заводить? А на основании чего? На него какая-нибудь серьезная компра имеется?

— На основании моего устного распоряжения! — рыкнул генерал. — Ты ее агентурист, разработчик, вот и занимайся. Никакого дела не заводи, ничего не регистрируй, бумажка к бумажке и в папочку. Когда сто-

почка соберется, глянem, чем он пахнет, твой Ион.

— Большую компанию вы мне собираете, Степан Акимович. Мой Гуров, мой Иона Доронин, — сухо произнес Еланчук и встал.

— Что ты в бутылку лезешь? Знаешь, у меня присказка такая, — миролюбиво сказал генерал. — Наступил твой мудаk Иона на мозоль начальству, а они этого не любят... Поинтересуйся, может, есть у нас чего? Ну, в смысле, на твоего этого, извини... — Он махнул рукой. — Иди. Да, ты с Гуровым встречайся, рюмку выпей, может, он сболтнет чего.

— Извините, Степан Акимович, но Гуров — сыщик-профессионал, я с ним без дела встречаться не буду, мы не друзья, а выглядеть придурком я не желаю.

Еланчук вышел из генеральского кабинета и решил сегодня же созвониться с Гуровым.

И надо же такому случиться, именно в это время Гуров тоже разговаривал с генералом, только разговор был совсем иной.

Орлов протер ладонью и без того красное лицо, взглянул на ученика. Хотел было сказать, какой Гуров был в молодости милый мальчик, но воздержался.

— Ну чего ты мучаешься, говори, сам знаешь — меня обидеть даже поленом трудно. — Гуров хотел закурить, но удержался: каби-

нет был небольшой, а сыщик уже одну выкурил.

— Я не обидеть боюсь, не хочу лишних слов говорить. А чего хочу сказать, сам не знаю. Ты телевизор совсем не смотришь?

— Спорт, детективы, если не поздно. А ты о политике хотел спросить?

— Дума отдохнуть собирается, наши правители, думаю, тоже в отпуска соберутся. — Орлов вздохнул. — Ты кому симпатизируешь?

— Я их плохо различаю, не считая коммунистов и фашистов, конечно.

— Они с осени к перевыборам начнут готовиться, нам следует в стороне быть.

— А нас и так никто не спрашивает.

— Дай Бог! — Орлов снова вздохнул. — Но могут использовать в своих интересах втемную.

— Чего? — Гуров прошелся по кабинету, хлопнул себя по бедрам. — Они... нас... втемную?

— Ты, умница, не гоношись! Они в свои игры играют, а мы даже их правил не знаем.

— Невозможно знать то, чего в природе не существует. Какие в политике правила? Никаких! После октября сколько человек посадили? А потом никто ни за что не ответил. Если виновны Хасбулатов и компания, надо судить. Не виновны — значит, надо судить тех, кто арестовывал. Люди погибли, а виновных нет! Какие правила, Петр? Очнись!

Орлов никак на слова друга не реагировал, будто и не слышал.

— Согласен, правил нет, но игра идет, и идет по-крупному. И они будут пытаться друг друга скомпрометировать. К дачам, квартирам, машинам люди уже привыкли, тут все замазаны, на таких делах ухи не сваришь. А на чем сваришь? На простой уголовщине. Не на авизо и счете в швейцарском банке — это тоже уголовщина, только людям она непонятна. А вот если кто убил, так это любому россиянину понятно. А в убийствах главный в России кто?

— Так говоришь, словно мы с тобой главные на Руси убийцы, — усмехнулся Гуров.

— Ты к словам не придирайся. Смысл их понял? Кого скомпрометировать, утопить на уголовщине, так лучше нас с тобой исполнителей нет. А ты хочешь, что тебя нельзя втемную использовать! Как раз тебя, Лева, с твоим упрямством и прямолинейностью так и легче всего. А ты, психолог хренов, не чувствуешь, какая вокруг тебя возня началась? При чем тут ты? Ты понять не можешь? А тебе и не надо понимать! Ты на другую сторону речки переберись и шагай своей дорогой. Ты не по грибы, ты не по ягоды. Понял? Я, старый пень, тебя к Бардину подтолкнул. Так я все свои грешные приказы отменил! В дом к нему не ходи, никаких шашней с дамами, не звони, ничего не спрашивай, не интересуйся! Дали тебе указание — киллера найти, вот и рой землю, разыскивай, уста-

навливай, собирай улики. А шаг в сторону — считаю, побег! И тогда пеняй на себя!

— Слушай, Петр, — мягко сказал Гуров, — если бы я собрал все восклицательные знаки, которые ты сейчас навтыкал, нам бы с тобой на шалаш хватило.

— Какой шалаш? — оторопело спросил Орлов.

— Не знаю, так сказал. Вижу, ты сам остановиться не в силах, решил какую-нибудь глупость сморозить. Шалаш подвернулся. Действительно, почему шалаш?

Дом, в котором жил Гуров, фасадом выходил на Суворовский бульвар, а черным ходом во двор, в Калашный переулок. В начале переулка, около здания некогда знаменитого «Моссельпрома» располагалось посольство, у которого, как и положено, круглосуточно дежурил милиционер. Напротив этого постового Гуров и оставлял на ночь свою новенькую «семерку», чуть наезжая на тротуар, чтобы не мешать проезду и в без того узком переулке. Конечно, это было нарушением, другому бы так поставить машину не разрешили, но кто без греха и кто хоть изредка не пользуется своим служебным положением?

Гуров вышел из машины, махнул постовому, который в ответ козырнул, и пошел к своему двору, расположенному через два дома. Днем было жарко, да и сейчас, в де-

вать вечера, духота еще не отпустила. Гуров нес пиджак, сунув палец в петлю вешалки, но перед входом во двор скинул пиджак с плеча и надел его как следует, что и спасло сыщику жизнь.

Однажды он сказал Крячко, проходя черным ходом: «Хочешь — смейся, хочешь — нет, но когда-нибудь меня в этом дворе ограбят». «Не будешь разевать рот и бахвалиться своей силой, так убережешься», — ответил тогда приятель. Они были достаточно опытные, чтобы говорить шутя, а относиться к подобной опасности серьезно.

Сейчас, июльским вечером, было еще совсем светло, однако Гуров, как уже сказано, пиджак надел, а перед входом во двор остановился. Неторопливо достал сигарету и зажигалку, огляделся. Пацаны не ожидали такой остановки, поторопились. Один выскочил из двора навстречу с заготовленной фразой:

— Дяденька, дай закурить!

— Не курю, сынок, — ответил Гуров, щелкая зажигалкой и затягиваясь. Одновременно он слегка повернул голову и увидел двух подростков, тонких и по-мальчишески головастых, которые вышли из-за забора стройки на другой стороне переулка. Один держал руку за спиной.

Самым простым и правильным было убежать в сторону машины, постового и пролегающего в тридцати метрах проспекта. И ничего стыдного в том, что старший опер-

важняк, полковник милиции, бегают от сопливой шпаны, не было. Гуров отлично знал, на что способны такие «пацаны» и «сынки». Он даже сделал шаг в сторону, но остановила мысль, что это не рядовой грабеж, а хорошо организованная засада на него, полковника Гурова. Для грабежа еще рано, слишком светло. И, подтверждая догадку сыщика, сопляк, клянчивший папиросочку, исчез, а из глубины двора выдвинулись три высокие фигуры.

По плану «мужик» должен был войти во двор, а жертва стояла на тротуаре и еще могла убежать. Повисла пауза в пару секунд, но в момент нападения секунды растягиваются, словно на беговой дорожке спринтера.

— Попросили закурить как человека, а вы пыхтите сигареточкой и хамите нищей молодежи. Нехорошо, — с ехидцей, но вполне миролюбиво произнес один из парней, вышедших со стороны двора.

Главарь, понял Гуров, он-то мне и нужен, захватить его во что бы то ни стало. Не споткнуться и не упасть, не пропустить удар по голове. Напасть первому, думал Гуров, внимательно наблюдая за лицом главаря. Он уже бреется, главное — уже побывал в «зоне». Сыщик опустил в карман зажигалку и, снимая с предохранителя газовую «беретту», которая не раз его выручала, сказал:

— А ты, если курить хочешь, не хоронись за мусорными баками, не посылай вперед малолетку.

Главарь, действительно отсидевший два года в «зоне» для несовершеннолетних, чуял опасность: мужик был слишком уверенный и острый. Парень тянул с нападением, чуя нутром, что навели его либо на «авторитета», либо на мента и не предупредили, дешевки. Хотя назвать дешевкой человека, который распорядился замочить мужичка под видом ограбления, было нельзя. Главварь беспечно глянул на подручного, который стоял с цепью за правым плечом жертвы.

Гуров понял «беспечный» взгляд. Реакция у него была лучше, чем у начинающего исполнителя: он сделал быстрый шаг влево. Ржавая цепь только взметнулась для решающего удара, а сыщик уже выстрелил в лицо нападавшего, тут же переместился вправо, ударил по затылку кинувшегося к нему с ножом главаря, для верности подсек его ногой, и парень рухнул лицом на асфальт.

Метнулось по переулку эхо двух выстрелов, удалялся топот убежавших соратников, в окнах ближайших домов еще только появились испуганные любопытные лица, как Гуров уже защелкнул наручники на главаре, сначала хотел приковать его к сотоварищу, который, так и не выпустив цепь, валялся под ногами, но передумал. Показания главаря были важнее ареста уличного бандита. А парень расколется лишь в том случае, если будет уверен, что никто из банды не знает, что он попал в руки милиции.

Гуров схватил оглушенного за шиворот, рывком поставил на ноги, взял под руку, повел по переулку, ускорил шаг, почти бежал, приговаривая:

— Торопись, мальчонка, ты бежишь за своей свободой, а может, и за жизнью.

Глава седьмая

Гуров усадил задержанного в свою машину, хотел отвезти в отделение или на Петровку, где и допросить, но понял: делать этого нельзя. Регистрация задержания, удасться уговорить дежурного ничего не фиксировать, все равно полковника Гурова увидят десятки милицейских, ведь дежурная часть — что вокзал. Завтра о задержании заговорят в министерстве, послезавтра о нем можно уже передавать по телевизору, как о старой надоевшей сплетне.

Гуров объехал квартал, остановился у парадного, поднял «приятеля» в свою квартиру, завел в туалет, усадил на стульчак, приковал к трубе и позвонил Крячко.

— Лев Иванович, дорогой, совесть имейте, — услышав голос Гурова, взмолилась супружница Станислава. — Только поел, прилег.

Гуров не успел извиниться, как услышал голос друга:

— Лев Иванович, какая приятная неожиданность! Всегда рад, только шепните, лишь штаны надену — и готов.

— Тогда приезжай ко мне.

— Я шутил, полковник, ты юмора не понимаешь? Смотри в «ящик» рекламу «МММ» — это просто Мария.

— Давай, Станислав, давай...

— У меня бензин на нуле.

— Слабовато, Станислав! Но, если так приключилось, заезжай на заправку, подожду, у нас ночь впереди.

— Спасибо, родной! Особый поклон от моей благоверной.

— Я тоже вас обоих люблю. — Гуров положил трубку и вернулся к задержанному.

Тот сидел раскорячившись, уронил голову на грудь, пускал слюну. Гуров пощупал ему затылок, намочил полотенце, вытер физиономию, повесил полотенце ему на шею, отстегнул наручники, провел на кухню, затолкнул на полукруглый диван.

— Кончай косить, сиди смирно, не шали. Кто же тебя, неразумного, так жестоко подставил?

— Чего? — Парень дурашливо скривился. — Баловались, курить хотелось. А вы что, Семочку всерьез замочили?

Гуров зажег плиту, поставил чайник, кастрюльку с водой, собираясь варить сосиски, перенес с подоконника на стол магнитофон.

— Как тебя зовут? — Гуров усмехнулся. — Подожди вратъ, скоро я буду знать о тебе все, пока назови имя.

■ Парень задумался, выискивая подвох,

но решил назвать имя — не прогадает — и сказал:

— Михаил.

— Миша, значит, и лет тебе примерно двадцать, ты уже посетил «зону», знаешь, что нары не стелют коврами, баланда — не ресторанный харч, отличаешь штыковую лопату от совковой. Считай, Миша, ты парень образованный.

Вода в кастрюльке закипела, Гуров бросил в нее шесть сосисок и снял с плиты чайник.

— Теперь разреши представиться: зовут меня Лев Иванович, полковник, старший оперативный уполномоченный по особо важным делам Главного управления уголовного розыска России. Служу я в розыске больше лет, чем ты, Миша, живешь, так что силы наши неравные. Получается, ты со своей шпаной и зубочисткой в виде ножичка бросился на танк. Смекаешь?

Гуров умышленно назвал свою должность полностью: надо, чтобы парень начал созреть, склонить его к полному признанию будет очень непросто, но совершенно необходимо. В той неразберихе неуловимых киллеров, пьяных депутатов, капризных красавиц, которая сейчас окружала Гурова, этот молодой претендент в убийцы был единственным понятным, давно знакомым сыщику человеком. Кончик знакомой веревочки, ведущей к знакомому клубочку.

Гуров раскладывал сосиски, смотрел на

пытавшегося его убить парня чуть ли не с любовью и ностальгией по временам, когда был молод, люди и воровали, и убивали, но все происходило иначе, чем сегодня.

Он вспомнил свое первое крупное дело — задержание убийцы Крошина. Тот создал миф о сверхчеловеке, где отвел себе роль главного героя. Тогда двадцатидвухлетнему оперу Гурову и размах преступника, и совершенное им в конце концов убийство казалось делом исключительным и в действительности потрясшим небольшой провинциальный город. А кто был Крошин? Валютчик, собравший энное количество долларов. Сегодня прилюдно проигрывают большие суммы в казино. Он содержал молоденькую любовницу и двух дебилов-охранников, которые бежали при виде участкового. Крошин убил в запальчивости, ударил обидчика попавшимся под руку предметом — подковой, поскольку дело происходило на конюшне.

Сегодня, двадцать с лишним лет спустя, о серьезных преступниках не стоит и говорить: такой вот мальчишка готов убить полковника милиции. Сумели бы сбить с ног ударом цепи, добивали бы ногами, тыкали ножом, возможно, отрезали бы ухо — как доказательство, что задание выполнено.

«Странно, нет ненависти. Я стал верующим и всепрощенцем?» — удивлялся Гуров, ставя перед парнем тарелку с сосисками и чашку с чаем, а вслух спросил:

— Сколько тебе обещали заплатить? — Он протянул бутылку кетчупа, вилку и нож.

— За что заплатить? — Михаил насупился, знакомо изображая недоразвитого. — А ведь теперь, начальник, ты мне ничего не докажешь, даже хулиганку не пришьешь.

В дверь позвонили. Гуров ловко пристегнул наручником кисть парня к ножке стола, пояснил:

— Мебель жалко, — прошел в прихожую, заглянул в «глазок» и впустил Крячко.

Взяв из письменного стола все необходимые приспособления для снятия отпечатков пальцев, Гуров с Крячко вернулся в кухню, кивнул на жующего гостя и сказал:

— Господин полковник, откатайте индивидууму пальцы, смотайтесь в контору и привезите его личное дело.

Крячко сдержал язвительное замечание, готовое уже сорваться с языка, лишь усмехнулся:

— Кажется, меня понизили в должности, — после чего ловко снял отпечатки и молча удалился.

— Через час я буду знать о тебе все, а пока, Михаил, не трать время, не трепи нервы и расскажи, кто тебя нанял, кто с тобой был и все остальное, — сказал равнодушно Гуров.

— За жратву спасибо, хотя я привык лучше питаться, теперь сигареточкой угостите.

— Здесь не курят, — ответил Гуров, заку-

ривая, обошел «гостя», достал из холодильника бутылку водки, плеснул в стакан и выпил.

— Что же ты, начальник, желаешь из меня сучонка сделать, чтобы я скурвился и людей сдал, а сам такой неласковый? — Михаил даже укоризненно покачал головой.

Гурову стало скучно и противно, пропал азарт розыскника, который прочно держит конец нити и лишь дело техники — разматывать клубок. Сыщик сел напротив парня, не способного без подсказки сложить два и два, долго молчал. Где взять злость, азарт и силы? Он представил, как лежит оглушенный, ему в тело втыкают нож, отрезают ухо или нос, он мучается от боли, пытается подняться и ему втыкают нож в горло. И седые менты, и прошедшие через кровь «авторитеты» поражаются бессмысленной жестокости малолеток. Он видел такие трупы.

Гуров поднял взгляд. Только что ухмылявшийся парень втянул голову в плечи, шархнулся от стола и вместе со стулом упал.

— Нервный ты больно, — тихо сказал Гуров, выждал, пока вздрагивающий Михаил не усядется на место, и размеренно, с паузами, как преподаватели диктуют диктант, заговорил: — Я могу тебя отвезти на Петровку, а через трое суток выгнать. Тебя в лучшем случае зарежут, в худшем начнут пытаться, что именно ты мне рассказал. Полковник, сыщик Гуров, в большом авторитете у твоих

бугров. Никто тебе не поверит, что ты не сказал ни слова такому человеку. Ты сам знаешь, как будешь умирать. Годится?

Гуров вышел из-за стола, закурил, встал у потемневшего окна, смотрел на тусклую россыпь огней.

— Двадцать два, начальник, банкуй по новой, — после недолгой паузы прошептал парень.

— Я уже сказал, меня зовут Лев Иванович, обращай ко мне по имени-отчеству и на «вы».

— Хорошо, Лев Иванович. — Парень поперхнулся, тяжело сглотнул. — Чашечку чая можно? Пожалуйста, Лев Иванович.

Гуров налил ему остывшего чая, закурить не дал и продолжал:

— Существует иной вариант. Никто не видел, как я тебя взял, ни в одном отделении твое задержание не зарегистрировано. Трое твоих дружков сбежали, один остался на асфальте в беспомощности. Ты мог убежать, я тебя бросился догонять, но не догнал. Ты мог ранить меня ножом, менты, которые твоим верхам стучат, подтвердят, что полковник Гуров легко ранен, — я об этом позабочусь. Ты скажешь, что уводил меня от придурка, который валялся с цепью. Годится?

И вновь Гуров курил, смотрел на тусклые огоньки города, а преступник думал.

— Рембо — так зовут парня, что вы оглу-

шили из газовика, — мог видеть, Лев Иванович...

— Что я тебя увел?

— Ну да, газ — дело неверное, может глушануть надолго, а может и нет...

— Верно, Миша, такое исключить нельзя. Значит, твоя версия: когда кореша тебя бросили и затопали по Калашному в сторону улицы Герцена, а Рембо валялся с цепью, ты, оглушенный, стоял на коленях. Мужик, то есть я, схватил тебя и поволок в сторону проспекта. Ты изловчился, ударил мужика ножом, но мужик не упал, а лишь отпустил тебя и закричал. Там посольство, у ворот мент, тебе выгоднее было бежать за дружками к Никитским, но ты сообразил, что наведешь мужика на Рембо, и рванул на проспект.

— Так я вроде герой?

— Коли перехватил бы мужику горло, был бы герой, а так — ничего себе парнишка: не трус и не дурак. Кстати, учти, героев не любят.

— Так чем же мне вам платить, Лев Иванович? У меня и нет ничего, кроме Рыбы — так зовут парня, который велел вас замочить и адрес дал.

Гуров словно не слышал, говорил:

— Каждый человек должен чувствовать, что он человек, а не слизняк, не предатель. Тебя бросили на меня втемную, не предупредили, практически отдали на растерзание. Считали, если один против десяти, по-

чему не попробовать? Для них твоя жизнь плевка не стоит. Они точно знали, что я всегда вооружен.

Неожиданно в руке Гурова оказался пистолет. Оперативник достал его столь быстро, что Михаил даже головой затряс, на секунду зажмурился и открыл глаза, как человек, который смотрит на фокусника, вынимающего из пустого цилиндра целого кролика.

— Годится? — в который уже раз спросил Гуров. — Какой шанс у тебя? Один из десяти или из ста? Твоим «авторитетам» плевать. Ну, получишь ты пулю в лоб, заведут другого Мишку. А вдруг, ну, как в лотерею, угадаешь и грохнешь самого Гурова? Мишке алтын, сами в генералы. Тебя, Миша, поставили, а на войне как на войне — стреляют и убивают. Информацию, которую ты мне сообщишь, я использую так, что никто, кроме человека, который сейчас вернется, не узнает, кто ее сообщил, кому и когда. Ты никого не предаешь, не закладываешь, ты ведешь бой за свою жизнь, ты сражаешься по правилам, которые придумали другие. А как тебе позже выскочить из истории, сохранив голову и не попав в «зону», я придумую, не сомневайся.

Хлопнула входная дверь, лязгнули запоры. Это вернулся Крячко, которому хозяин дал ключи от квартиры, и протянул канцелярскую папку.

— Здесь все, господин полковник. Где ■

гражданин родился, крестился, с кем водку пил — богатая биография, несмотря на столь молодой возраст.

Михаил смотрел на папку замороженно. Гуров открыл ее, взглянул на единственный листок, прочитал вслух:

— Захарченко Михаил Павлович, семьдесят четвертого года рождения... Москва... Проживает... Кличка... Осужден... Освобожден... Связи... — Гуров взглянул на «гостя». — Имя назвал правильно, молодец. А чего скромничаешь? Связи у тебя богатые, но об этом позднее. — Он вернул папку Крячко, кивнул на плиту и холодильник. — Подзаправься, полковник, и ложись спать, а у нас с Михаилом разговор долгий.

— У меня и дома койка имеется, — недовольно бурчал Крячко, открывая холодильник. — Знаю я вас, Михаил Павлович будет врать, а я буду проверять. — Он неожиданно сунул под нос парню кулак, но не угрожающе, а так, дурашливо. — Скорее говори правду, сукин сын! Все равно — я этого дяденьку сто лет знаю — пока он все из тебя не выжмет, ни тебя, ни меня домой не отпустит.

— Станислав, нельзя от человека требовать непосильного, — укоризненно произнес Гуров. — Ну никак Миша при всем желании сразу все рассказать не может. Ни у кого не получается, и ты сам это отлично знаешь.

— Знаю. — Крячко вздохнул. — У тебя

здесь суп? — Он вытащил из холодильника кастрюльку. — Валяйте, беседуйте, меня нет, я лишь галлюцинация.

— Ну давай, Миша, попробуем. Как говорят киношники — дубль первый. — Гуров включил магнитофон. — Когда ты родился, ваша семья уже жила на Ордынке?

Крячко взглянул на часы — начало первого, перевел взгляд на Михаила Захарченко, вздохнул чуть ли не жалостливо: до утра было еще много времени. Гуров еще умеет растянуть время так, что человек за несколько часов успеет и разродиться.

Крячко спал в гостиной на диване, слышал за дверью голоса, проваливался глубоко, выныривал, а голоса все звучали и звучали. Уже давно рассвело, когда полковник вновь заснул.

Окончательно он проснулся от мощного толчка в плечо и старой, покрытой плесенью шутки:

— Станислав, если ты сдаешь экзамен на пожарника, то уже получил пятерку.

Крячко легко вскочил — переход от сна к бодрствованию у него всегда был мгновенным — и весело спросил:

— Привет! А здорово я прикидывался? Даже ты поверил!

— Станиславский, полное перевоплощение. — Гуров был уже выбрит, ночной гость в квартире отсутствовал.

— Высокие договаривающиеся стороны, как вижу, пришли к соглашению! — Крячко побежал в ванную. — Я возьму твою бритву?

— Если парня в ближайшие двое суток не прирежут, из него будет толк. — Гуров прислонился плечом к двери ванной, наблюдая за быстрыми, ловкими движениями друга. — Я из него вытряхнул то, чего он и не знал...

— Не сомневаюсь. — Крячко уже побрился, чистил зубы пальцем, поглядывал на Гурова в зеркало с благодарностью — дал выпастись, хотя и не знал, что предыдущую ночь Станислав провел на ногах.

— Конечно, шестерка и есть шестерка, однако до валета мы с ним дорожку протопали. А если масть известна, валета знаем, то через наших ребят, которые этой группировкой занимаются, и короля установим.

Друзья прошли на кухню, занялись приготовлением мужского завтрака — яичницы и кофе.

— Я тоже не с пустым лукошком, — сказал Крячко. — Или киллер нас больше не интересуется?

— Очень даже интересуется. — Гуров расставил тарелки, сел за стол. — Думаю все в один узел завязать.

— Ладно! — Крячко махнул рукой. — Не заговаривайся.

— Я и сам не знаю, как оно складывается. — Гуров пожал плечами. — Но мы же

ничем больше не занимаемся. Теоретически. Не шуми на меня, я рассуждаю чисто теоретически. Кто-то дал команду убрать старшего опера? И этот кто-то должен быть с полковником Гуровым на одном уровне. Такую команду не могли дать снизу, где Гурова просто не знают.

— Нельзя во всем искать логику, — возразил Крячко. — Ты же знаешь, война и интриги не только в Думе и правительстве, среди уголовников тоже идет непрерывная грызня. Молодежь теснит признанные «авторитеты», а уж воров, с их примочками и законами, на дух не переносит. Кто-то из воров или «авторитетов» по пьяни назвал твое имя, молодой услышал и брякнул: мол, хватит нас Бармалеем пугать, мы вашего знаменитого мента в момент замочим. Кто-то из старых подначил молодого, мол, давай-давай... Команда, как шарик по желобу, покатилась вниз, так и организовалась компания «тимуровцев», что встретила тебя у дома.

— Согласен. — Гуров кивнул. — Думаю, примерно так и было.

Крячко взглянул на друга подозрительно, хмыкнул.

— Ну, говори свое «только вряд ли» или «однако», чего-то у тебя имеется.

— Обязательно. — Гуров улыбнулся. — Когда произнесли мое имя и почему? Слет ветеранов или вечер воспоминаний? Последнее наше дело по наркоте уголовников ■

не коснулось. Наша война в правительственной зоне криминалу тоже до фени. Моя перестрелка с Эфенди совсем музейная история. Этих нет, я же далече. Нет, Станислав, мое имя выпрыгнуло не из прошлого, тут день сегодняшний. А наши дела ты не хуже меня знаешь.

Крячко, копируя генерала Орлова, вытянул губы, скосил глаза на кончик носа, вздохнул и сказал:

— Ты змей мудрый, ответить мне нечего, а вопросы задавать я и сам горазд.

— До выезда в контору у нас около часа. Выкладывай, где ты топтал землю двое суток и что у тебя в лукошке? — Гуров закурил, вытянул ноги, приготовился слушать, но неожиданно выпрямился. — Чуть не забыл! Значит, мне вчера порезали левую руку, я об этом молчу, а ты в конторе проговоришься. Можешь надо мной посмеяться, у тебя получится.

— Постараюсь. — Крячко глянул лукаво, видно, уже прокручивая разговор в буфете министерства, который можно завести, подшучивая над Гуровым.

— Сочинить успеешь, сейчас о работе, излагай, хвастайся, — сказал Гуров и вновь прикрыл глаза.

Крячко было чем похвастаться.

— Хотя, может, все это и глупость неимоверная, но я установил, что заколотый в троллейбусе Яков Петрович Исилин и президент АО «Высота» Михаил Михайлович

Карасик учились в одном классе. После армии Исилин учился в школе КГБ, на втором курсе был арестован за валютные дела. Позже он был освобожден, дело развалилось за недоказанностью. Я дело Исилина не смотрел, нам его прошлое ни к чему, интересно настоящее. Человек учился в школе КГБ, следовательно, оперативно грамотен, два года сидел, может иметь определенные знакомства. Фирма «Высота» упоминалась во время проверки банка, где председательствовал покойный Олег Данилович Белоус. Еще один пустяк — Исилин с год назад купил в АО «Высота» автомобиль марки «БМВ», второго февраля продал его той же компании, через два дня купил «мерседес», а зарезан был, как известно, в троллейбусе. С одной стороны, убийства Белоуса и Исилина через «Высоту» связать можно, с другой стороны — одного застрелили, другого зарезали. Если подключить твою фантазию, Лев Иванович, то в обоих случаях можно ощутить руку профессионала. Оружие и метод убийства сменили круто, чтобы сыщики профессиональную руку не почувствовали. — Крячко взглянул на Гурова с некоторой опаской и заговорил быстрее: — Так много знает только человек обученный, оперативно грамотный, а у нас упоминается школа КГБ. Список однокурсников Исилина получить удалось.

— Разболтались со своей демократией. — Гуров встал, поставил на плиту кофейник. — ■

В старые добрые времена мента и близко бы не подпустили к святая святых. Молодец, Станислав! Даже если ты из всех стволов в молоко засадишь, все равно молодец. Из тебя получается настоящий сыщик, высокий класс. Молодец! Пьем кофе, едем в контору, добытую тобой информацию заряжаем в компьютер.

Друзья пили кофе, молчали, каждый думал о своем. Гуров думал о Ионе Доронине, который никак в пасьянс не укладывался, но и посторонней фигурой вряд ли мог оказаться. Крячко рассуждал о том, что он, конечно, не лыком шит, но до Гурова ему пока не дотянуться. Какую вербовку провернул, чертов сын!

Крячко знал, как чувствует себя человек, когда на него нападают. Будь ты сто пядей во лбу, тысячу раз битый и тренированный, но, если жизни твоей грозит опасность, ты в первую очередь ее защищаешь, потому как жизнь у тебя одна и другой не выдадут.

Гуров, конечно, думал о своей безопасности, но одновременно он решил одного из нападавших захватить и мгновенно определил главаря. Ну, главаря я бы тоже выявил — дело нехитрое, размышлял Крячко. Но Гуров все построил так, чтобы не оставить свидетелей захвата, не засветил задержание в милиции, иначе бы парень никогда на вербовку не пошел. Что известно в отделе милиции, то известно и на базаре. И сыщик наверняка подписку о сотрудниче-

стве не брал, никаких «корочек» на малого заводить не станет, потому ни в какие учеты проделанная работа не попадет. И когда генерал Орлов в очередной раз скажет, что полковник Гуров лучший оперативник конторы, какой-нибудь чиновник тонко завизжит: мол, почему? Вербовок мало, заведений разработок и реализаций мало. А на громкие дела вашему другу и любимчику просто везет!

— Лев Иванович, ты человек везучий? — спросил Крячко, убирая со стола.

— Обязательно. В нашем возрасте двух таких друзей иметь — большая удача. — Гуров тонко улыбнулся. — Конечно, я тоже стараюсь вам нравиться и угождать.

— Ты стараешься? — У Крячко от возмущения даже дух перехватило. — Да ты, окромя своего самолюбия и так называемой чести, ни о чем не думаешь!

— Во-первых, честь не так называемая, а просто — честь, можно сказать: мужская или офицерская, но никак уж не «так называемая». А во-вторых, дружище, если я такой эгоист, скажи, за что ты меня любишь?

Заместитель прокурора Федул Иванович Драч, худощавый, жилистый мужик лет шестидесяти, взглянул на вошедшего Гурова равнодушно, скрывая неположенную на службе симпатию, сухо сказал:

— Здравствуй, сокол, присядь, коли залетел.

— Здравствуйте, дорогой Федул Иванович, рад видеть, выглядите вы просто великолепно, — ответил Гуров, глядя на прокурорского распахнуто и искренне, что получалось у него не так уж часто.

Прокурорского чиновника и милицейского сыщика жизнь уже сталкивала, они нравились друг другу, каждый внутренне удивлялся, как такого держат на руководящей работе, и радовался, что судьба свела их вновь.

— Никакого почтения ни к возрасту, ни к должности, сказано прибыть — должен у дверей ждать.

— Да я с утра сидел под дверью часика три, потом перекурить отошел, — улыбнулся Гуров, доставая «Мальборо». — Угоститесь или вы «Беломор» смолите?

— Ничего не смолю. — Федул Иванович взял у Гурова сигарету, прикурил, смачно затянулся.

Гуров вновь отметил, какие у Драча цепкие узловатые пальцы, хитрые светлые глаза под кустистыми бровями, и вспомнил циркового богатыря дрессировщика Михаила Рогожина.

— Чего тебя в деле интересует?

— Стрелок, естественно, — просто ответил Гуров. — Что еще может интересовать мента в деле об убийстве? — Он привычно

пожал плечами. — Так как стрелка у вас нет, дайте на материалы взглянуть.

— Смотри, Лев Иванович. — Драч держался простецки, но Гурова это не обманывало. Прокурорский был заинтригован интересом знаменитого сыщика к безнадежной «висячке», как называли нераскрытые дела.

Гуров устроился за журнальным столиком, начал читать дело, которое состояло из постановления о возбуждении, протокола осмотра места, допроса свидетелей, которые ничего существенного сказать не могли, и заключений баллиста по изъятной из черепа пули и патологоанатома о причине смерти.

Выстрел произведен один, пистолет «вальтер», девятый калибр, пуля пробила затылочную кость и застряла в лобовой. Стреляли примерно метров с шестидесяти. Гуров выяснил то, ради чего и приехал, не валял дурака перед уважаемым человеком, «пустые» бумаги лишь пролистал, сидел, раздумывал, что можно говорить Федулу Ивановичу, а чего не следует.

— Взглянул и топай себе, делов у тебя хватает, — сказал неожиданно Драч. — Старшим врать грешно. Я твоему Петру позволю, он мне все выложит.

— Это вряд ли. — Гуров положил папку на письменный стол. — Расскажу вам все я, только не сегодня. Большое вам спасибо, Федул Иванович. Распорядитесь, чтобы мне дали пулю, хочу на всякий случай повторную экспертизу провести.

— Так и знал. — Драч хмыкнул. — У тебя есть пуля от «вальтера» девятого калибра, и ты желаешь сравнить. Между прочим, убийства такого не зарегистрировано — значит, менты, как обычно, преступление укрывают.

— Парадокс ситуации заключается в том, Федул Иванович, что пуля действительно имеется, а убийства нет. — Гуров развел руками. — Судя по всему, это мой стрелок. — Он постучал пальцем по папке с делом. — Экспертизу провести необходимо, так что не обессудьте.

— Валяй, проводи. — Драч изображал, что сердится. — Разговариваешь ты, парень, как в кино, словечки такие выковыриваешь — закачаешься.

— Большое спасибо, господин советник юстиции не знаю какого класса, в мундире вас не видел. — Гуров поклонился. — А вы своей простотой дураков объезжайте. — Он направился было к двери, но передумал и вернулся. — Федул Иванович, ты моего генерала сто лет знаешь, встретился бы с ним, потолковал, может, две старые головы и придумали бы чего толковое.

— Хорошо. Сделаем, — согласился Драч, глядя на Гурова с нескрываемым интересом. — А ты мне скажи сейчас, я бы подумал, приготовился.

— Да нет у меня ничего конкретного. — Гуров знал, что ему не поверят, говорил без азарта.

— А с рукой у тебя чего приключилось? — неожиданно спросил Драч.

— Трамвай хотел остановить, а он меня не понял, — сказал Гуров. Выходя из кабинета, он услышал за спиной телефонный звонок и остановился, вспомнив, что велел Крячко в случае крайней необходимости звонить в прокуратуру.

— Где сегодня ты, шустряк, трамвай отыскал? — поинтересовался Драч, снимая трубку. — Слушаю, — жестом позвал Гурова. — За хвост его поймали, сейчас подойдет.

Гуров взял трубку, сказал:

— Это я, говори.

— Тебя просят в течение получаса подъехать к месту, у которого ты был позавчера в пятнадцать часов, — сказал Крячко.

— Спасибо, буду, — ответил Гуров, кивнул и вышел.

Солнце выползало из-за туч, накалить город не успевало и вновь уплывало в облака. Аллея на Воробьевых горах имела дополнительную защиту деревьев, так что было вполне терпимо, хотя Гуров в пиджаке все равно привлекал внимание. Мамаы, бабушки с колясками и редкие прохожие были одеты совсем легко. Полковник Еланчук в рубашке с короткими рукавами и неизменным шейным платком, здороваясь, усмехнулся.

— Конечно, мы с тобой блестящие кон-

спираторы. Я вчера выезжал из Москвы, так что новость совсем свежая. Тобой и Ионей Дорониным интересуется наше ведомство. Я получил задание встретиться с полковником Гуровым, выяснить его истинные намерения. — И Еланчук пересказал свою беседу с генералом Барсуком.

— И как ты данный факт оцениваешь? — спросил Гуров.

— Очередное блядство властей и наших старых мудаков! — Еланчук взмахнул узкой рукой.

Гуров несколько опешил, услышав от интеллигентного человека столь расхожие простые слова. Они никак не вязались с Еланчуком, были в его устах столь же чужеродными, как французский язык в очереди за портвейном.

— Чего ты уставился? Полагаешь, я прибежал потому, что ты подвербовал меня? — Он сунул под нос Гурову кукиш. — Они снова хотят нас в легавых и проституток превратить! Найдутся, найдутся у нас людишки, которые с великой радостью... Только не я!

— Надеюсь, ты о своей позиции не высказался? — Гуров улыбнулся.

— Ты меня своим агентом не считай! — продолжал горячиться обычно спокойный Еланчук. — Союзники, напарники, провалимся, станем — подельники! Никаких агентурных дел!

— Я такого слова не употреблял да, если

честно сказать, по отношению к тебе никогда его и не прикладывал. И хватит матюгаться, господин полковник, вам не к лицу.

— Хорошо-хорошо, что будем делать? — успокаиваясь, спросил Еланчук и что-то пробормотал по-французски.

— Работать, Юрий Петрович, мы с тобой больше ничего и делать не умеем.

— Начнем с того, что место встречи надо сменить, мы здесь слишком светимся. Я ехал небрежно, не исключено, что нас уже засекли. Я выполняю задание начальства, а ты?

— Интересуюсь, что тебе известно об убийстве депутата Думы Владлена Семеновича Сивкова. Кстати, что тебе известно?

— Ровным счетом ничего. Слышал урывками по «ящику», читал в газетах, тоже мельком. Кажется, его застрелили в начале июня у собственного дома. Сначала поднялся большой шум, потом волна спала, сейчас упоминают редко.

— Так ты мне это и сказал. Я ответил: мол, интересуюсь в связи с заданием, полученным от своего замминистра, сейчас интерес потерял, так как доступ к делу затруднен, а в моих аналитических выкладках одно убийство значения не имеет.

— Логично, — согласился Еланчук. — А на самом деле?

— Ответ я получу завтра, после экспертизы. Теперь ответ, не могли тебя в данной истории втемную использовать? — Гуров взглянул пыгливо, чуть отстранился. — Толь-

ко без рук! О нашем знакомстве известно, любой ваш аналитик поймет, что мы из одной колоды. И через придурковатого генерала тебя послали к полковнику Гурову сообщить, что власти интересуются компроматом на депутата Думы Иону Доронина. Из чего Гуров должен сделать однозначный вывод: Доронин находится в оппозиции к черным силам, ему можно доверять.

Гуров достал из кармана визитную карточку Доронина, протянул Еланчуку. Тот повертел карточку, вернул и сказал:

— Не понимаю. Откуда у тебя?

— Самолично вручил, понимаешь, он со мной дважды случайно встретился. Ты, полковник, как относишься к случайным встречам?

— Обожаю!

— Вот именно. — Гуров указал на пустую скамейку. — Присядем.

Они сели и довольно долго молчали. Гуров смотрел на тенистую, в солнечных пятнах аллею, на автобус с туристами, толпившимися на смотровой площадке. Город виден не был, но ощущался, гигантский, простиравшийся внизу, любимый и недобрый. Не хотелось ничего делать, думать, начинало клонить в сон.

— Тебе следует отдохнуть, Лев Иванович. Знаю, что ты железный, но и железо стареет, изнашивается. — Еланчук деликатно коснулся руки Гурова.

— Ты работал за кордоном, а я нет, но у

меня такое ощущение, будто нахожусь в тылу врага. Они что-то задумали, и мой шеф, Петр Николаевич Орлов, прав: они каким-то образом хотят использовать в своих светлых замыслах ментов и полковника Гурова, в частности.

— Ты великолепный сыщик, не хочу тебя обидеть, но Лев Иванович Гуров — слишком мелкая монета для политической игры.

— Оно, конечно, так, но я верю своей интуиции. Я люблю работать один, а в данном случае такой вариант не проходит. Предлагаю... — Гуров закурил, с минуту массирует затылок. — Надо создать группу единомышленников. Генерал и два полковника, включая меня, в милиции у нас есть, двух-трех верных оперов с Петровки я привлеку. Сегодня был в прокуратуре, думаю, что Петр с одним крупным чиновником договорится. У тебя, Юрий Петрович, среди офицеров, работающих по коррупции, человека не найдется?

— Подумаю, — неуверенно ответил Еланчук. — А какова цель?

— Полагаю, готовится грязная история на предстоящих президентских выборах, — ответил Гуров. — Мне лично Ельцин сегодня несимпатичен, но он законно избранный президент, и у оппозиции альтернативы ему не видно.

— Но масса демократических блоков станет выдвигать молодых порядочных кандидатов.

— Ну и дай Бог им удачи! Наша задача — следить, чтобы все проходило по-честному, не устроили кровавую смуту и на грязной волне не вытолкнули на трон фашиста.

— Тебе говорили, что ты наивен?

— Множество раз.

— Больной перед смертью потел? — Еланчук тихо рассмеялся. — Извини, старый анекдот.

— Слушай, умница. — Гуров заговорил шепотом, но с такой злостью, что Еланчук отшатнулся. — Все надо мной подшучивают, критикуют, мне надоело слушать. Не хочешь участвовать — катись! Пусть я даже не Дон Кихот, а лишь Санчо Пансо, но сидеть сложа руки и ждать, когда за мной придут с веревкой, не желаю. Нам нужен человек, разбирающийся в нынешней политической ситуации, партиях, группах, течениях, главное — в интригах.

— Нереально, любой политолог будет субъективен. Тебе придется самому разбираться в этом дерьме. Смотри «ящик», читай газеты, делай выводы.

— Попробую. — Гуров вздохнул. — Нам необходима постоянная связь, не рация с ограниченным радиусом действия, телефонная. Как это называется?

— Пейджер. Нужно по триста пятьдесят долларов на человека и пятьдесят долларов в месяц.

— Доллары я найду, а ты обеспечь эти аппаратики, подключение к диспетчеру.

— Нет проблем. — Еланчук взглянул на часы.

— Поехали. — Гуров встал.

— Ехать, так ехать, сказал попугай, когда кошка тащила его из клетки. — Еланчук направился к своей машине.

— Старые анекдоты — признак отсутствия собственных мыслей, — сказал вслед Еланчуку Гуров.

— Ты от доброты не заболеешь, — пробормотал Еланчук тихо, чтобы товарищ его не услышал.

Гуров вернулся в свой кабинет и выяснил, что экспертиза установила: пуля, изъятая из стены в феврале, и пуля, убившая депутата в июне, были выпущены из одного и того же «вальтера».

Сообщив новость, Крячко взглянул вопросительно. Гуров кивнул и сказал:

— У нас есть шанс выйти на убийцу, если он учился в школе КГБ вместе с Исилиным.

— У меня список только одной группы.

— Надо будет, достанем списочный состав курса.

Артем Ермаков возился с компьютером, не обращая внимания на разговор начальников.

— Опера звонили? Никто ничего не зацепил?

— Звонили. Пусто. Я, извини, Лев Ива-

нович, распустил ребят по местам, надо меру знать.

— Молодец.

— Звонили с телевидения неоднократно, желают взять у вас интервью. Я объяснил, что вы человек занятой и вообще не по этому делу, а я, как ваш секретарь, гарантирую, что Лев Иванович Гуров по «ящику» выступать не будет. Видно, звонили по нарастающей — от замуборщицы до заведующей редакцией, просили вас позвонить, но я телефон не записал.

— Снова молодец. Присядем, покурим, пораскинем мозгами, или, как выражаются молодые, подобьем бабки.

— Надо их, Лева, иметь, а потом подбивать.

Гуров перегнулся через стол, постучал пальцем по столу Крячко, сказал ласково:

— Станислав, не тяни, выкладывай, что тебе удалось раскопать.

— Подробно?

— Лишь самую суть.

— Не знаю, зачем покойный Исилин сидел в приемной Карасика, если они несколько раз обедали в отдельном кабинете ресторана.

— Станислав, ты гений!

— Учусь, дурные болезни заразительны.

— Как тебе удалось?

— Дедовским способом. Установил, где обедает Карасик, дальше и рассказывать нечего.

— Значит, связь Карасика с Исилиным установлена прочно. Полагаю, что эти два звена в центре цепи, один конец которой ведет к Белоусу, другой — к убийце.

— Возможно, но отнюдь не наверняка.

Зазвонил телефон. Крячко усмехнулся, снял трубку.

— Приемная. Здравствуйте. Полковник Гуров вернулся. Не знаю, у него люди. — Крячко прикрыл трубку рукой. — Лев Иванович, телевидение. Пошли их сам, не останут. — Он не убирал трубку от уха, ахнул. — Как? Неужели лично? Какой юмор, девушка, когда вы разговариваете с милиционером! Мы польщены, я доложу...

Гуров сидел напротив, подперев голову ладонью, улыбался, завидуя другу, который почти всегда пребывал в хорошем настроении. Крячко брякнул трубку на стол и сказал:

— Лев Иванович, ты хоть изредка «ящик» смотришь? У них есть ведущий, некто Александр Турин. — Он назвал известную фамилию, которая даже Гурову была знакома, мало того, данный тележурналист сыщику нравился.

Гуров взял трубку, сказал:

— Здравствуйте. Полковник Гуров у телефона.

— Здравствуйте, Лев Иванович. Мои девочки никак не могли вас отловить. Они объяснили вашему товарищу, что мы хотим пригласить вас на мою передачу.

— Я передачу пару раз видел, мне нравится, и вы, господин Турин, лично мне симпатичны, — ответил Гуров. — Я благодарен за внимание, но вынужден отказаться.

— Лев Иванович, вы, видимо, не поняли. — Турин говорил мягко, хорошо поставленным голосом. — В моей передаче с удовольствием участвуют президенты.

— Обязательно. У президентов такая профессия.

Турин искренне расхохотался.

— Вы считаете, президент — это профессия?

— Я никак не считаю, сказал, и все. — Гуров сдерживал раздражение. — Моя работа, уважаемый телеведущий, связана с некоторым риском, я не хотел бы, чтобы и фамилия моя упоминалась. А откуда вы ее узнали и данный номер телефона?

— У нас большие возможности, Лев Иванович. Простите, но вы же не выдаете свои источники информации.

— Пользуйтесь своими возможностями и источниками аккуратнее. Я вас прошу больше сюда не звонить и имя мое нигде не упоминать.

Гуров понимал, что ведет разговор неправильно, с телевизионщиком не следует конфликтовать, надо встретиться и выяснить, кто назвал полковника Гурова, почему популярной передаче понадобился полковник милиции и многое другое. И, словно

отвечая на мысли Гурова, сидевший напротив Крячко сказал:

— Ты не великий сыщик, а самолюбивый дурак.

— Лев Иванович, у меня для вас есть информация, которую не стоит обсуждать по телефону. Давайте встретимся, поговорим, возможно, вы измените свое отношение к телевидению.

— Я уже говорил, что мне нравится ваша передача, я встречусь с вами с удовольствием, только не перед камерой.

— Сегодня вечером?

— Отлично. Где и в какое время?

— В двадцать часов, в Останкино, пропуск будет заказан, вас встретят и проводят.

— Отпадает, приезжайте ко мне домой один и не берите с собой магнитофон, — сказал Гуров.

Глава восьмая

В жизни звезда телеэкрана был таким же элегантным и обаятельным, лишь лицо у него было не столь гладко и ухожено и фигура более субтильна, чем казалась по телевизору.

Гуров усадил гостя в своей ультрасовременной кухне, налил чашку кофе и рюмку коньяку, подвинул вазочку с печеньем и сказал:

— Ну, рассказывайте, Саша, как вы оты-

скали меня и на кой черт вашей передаче понадобился мент обыкновенный?

— Неслабо живет обыкновенный мент при своей невысокой зарплате. — Турин обвел рукой обстановку.

— Квартира сделана из двух однокомнатных, — пояснил Гуров, понимая, что как телевидение, так и газета могут развести невесть что — век не отмоешься. — Ремонт, обстановка не стоили мне ни копейки. Один богатый человек, как сегодня говорят, «новый русский», словно раньше богатых не существовало, был мне кое-чем обязан. Затем я у него некоторое время работал, тогда он и предоставил мне данную квартиру в обмен на мое скромное жилье и некоторые услуги.

— Чувствую, прессы побаиваетесь? — Турин улыбнулся.

— Остерегаюсь, — поправил Гуров. — И не прессы, а журналистов. Они лишь люди, следовательно — разные. Мы отвлеклись, вы хотели мне поведать некоторые секреты.

— Ваше здоровье! — Турин поднял рюмку, кивнул и пригубил коньяк. — Да, секреты! — Он сделал неопределенный жест рукой. — Четвертого июня выстрелом в затылок был убит депутат Думы Сивков, сегодня я думаю, что из того пистолета ранее стреляли. Дело занимается полковник Гуров, но его к материалам по убийству Сивкова не подпускают. Мне кажется, что нормальным, несекретным людям было бы интересно уз-

нать, как такое возможно. По-моему, это и в ваших интересах, господин полковник!

Слава Богу, телевизионный мэтр так увлекся своим монологом, что Гуров успел собраться после столь сокрушительного удара. Баллисты дали заключение лишь утром, Гуров еще не доложил генералу Орлову, решил вначале не говорить замминистра Бардину...

— Вы, как мне известно, старший оперативный уполномоченный по особо важным делам. Я кое-что слышал о вас, особенно не верю, но это к делу не относится. Убийство депутата Думы — особо важное дело? Безусловно! Так почему розыском убийцы занимается не профессионал Гуров?

— В Москве нераскрытых убийств в несколько раз больше, чем у меня пальцев на ногах и руках. — Гуров уже обрел спокойствие, просчитывал, откуда ушла информация, решил, что от экспертов, которые узнали новость первыми. Наверное, кто-то из них стучит в КГБ. В общем, я обладаю секретом полишинеля, понял сыщик и успокоился окончательно.

— Неужели, Лев Иванович, вас устраивает такой бардак? — спросил Турин.

— Вопрос не по адресу. Вам, Александр, следует вернуться на привычный уровень, спросить министров, советников президента. Сегодня особо криминальными делами занимаются и контрразведка, и специаль-

ное управление, и мы, грешные менты, розыскники. В цивилизованных странах тоже существуют параллельные правоохранительные структуры, убежден, что имеется и соперничество, и охрана собственных секретов от конкурентов. А теперь вы мне скажите, кто вам сообщил секретную информацию?

— Никогда! — Турин от возмущения повысил хорошо поставленный голос.

— Меня не интересуют фамилия, имя и отчество. — Гуров подлил в свою чашку остывшего кофе. — В принципе меня ничего не интересует из того, что вы знаете. «Проболтался» вам офицер контрразведки, которого вы по недомыслию считаете большим демократом и поборником гласности. Разглашение совершенно секретных сведений — не гласность, а обыкновенное преступление. Именно так это расценивается в любой стране, преследуется по закону, сроки тюремного заключения разные. А вас, Александр, попросту используют, как одноразовый шприц, который, вам известно, потом уничтожают.

Турин явно испугался, но повел себя достойно, выпил рюмку, крякнул и сказал:

— Я этого человечка давно подозревал. Значит, некто желают скандала? Потому мне вас и подсунули?

— Мыслите правильно, однако неполно. Одни люди желают начать разборку, другие, не менее «симпатичные», сделают все возможное, чтобы все было тихо, как в могиле. —

Произнеся последнее слово, Гуров поморщился, так по-мальчишески напыщенно оно прозвучало.

— Паршиво, полковник. Спрашивается, на хера козе баян? — Турин почесал в затылке. — Я, как любой журналист, заинтересован в сенсационном материале, однако встречать между жерновами не желаю.

— Велика сенсация — спецслужбы не делятся друг с другом секретами. — Гуров неловко положил на стол «больную» руку. — В данном деле существует нечто значительно большее, чем вам известно. Ваши девочки названивали мне целый день, затем мы с вами разговаривали, сейчас вы у меня в гостях...

— И все это прекрасно известно кому следует, — продолжил Турин.

— Обязательно. Значит, завтра вы благодарите своего осведомителя и сообщаете ему правду, одну только правду. Мол, Гуров оказался мужиком компанейским, выпили мы, но от передачи мент категорически отказался, сказал, какой же я буду сыщик, коли по «ящику» начну выступать. От разговоров об убийствах Гуров уклонился, мол, чего говорить, когда нету ничего, в деле одни бумаги. На сообщение о том, что вам известно, что из пистолета стреляли дважды, Гуров не реагировал, обмолвился: при такой пальбе, какая сейчас в Москве творится, из одного и того же пистолета могли и десять пуль выпустить.

— И мне поверят? — спросил Турин.

— Что Гуров так себя вел — поверят, а чего он на самом деле думает — никогда.

— А чего он на самом деле думает?

— Он полагает, что пора у Саши Турина, на весь мир знаменитого, очень умного, магнитофон отобрать и запись разговора стереть.

Турин повел себя несерьезно, изобразив недоумение, спросил:

— Какой магнитофон, Лев Иванович?

— Портативный, японского или немецкого производства, находится в левом внутреннем кармане вашей изящной курточки.

Турин понял, что отпираться бессмысленно, выдержал паузу и решительно сказал:

— Я ничего вам не отдам!

— Это вряд ли. — Гуров улыбнулся, глаза у него стали холодные, недобрые. — Вы поставите и себя, и меня в дурацкое положение. Магнитофон я у вас все равно отберу, причиню вам боль — в общем, не стоит. Я же просил не брать с собой магнитофон.

Александр Турин был парнем умным, еще раз взглянул на хозяина, понял, что все будет, как он сказал, вынул из кармана магнитофон, вытряхнул из него кассету.

— Возьмите на память. Как вы узнали?

— У меня есть щуп, который определил, что у вас в кармане электроника. Теперь попробуем договориться. Вы молодой, современный, образованный человек и должны

понимать, что в моей профессии вы профан. Как и я в вашей, тут ничего обидного нет, нормально. Согласны?

— Конечно. — Турин взял бутылку, налил себе немного коньяку, пригубил.

— Я занимаюсь делом, в котором изрядно запутался, но знаю абсолютно точно: убить человека моему противнику ничего не стоит. Вас хотели использовать в неизвестных мне целях, считаю, узнав, что дело сорвалось, они интерес к вам не потеряют, поэтому вы пока находитесь в безопасности. Пока. Если вы расскажете о нашем разговоре любимой девушке или лучшему, верному другу, ситуация может измениться и вас убьют.

— Просто убьют? — Турин грустно улыбнулся. Держался он просто, без бравады.

Гурову знаменитый телевизионный ведущий нравился все больше.

— Совсем просто. Вы обладаете секретной информацией, каждую неделю появляетесь на экране телевизора, популярны, пользуетесь авторитетом. Вы очень привлекательная фигура для заговорщика и... — Гуров подличал. — И снайпера.

— Хорошо, я понял, — сказал Турин, почти не выдавая волнения, но сыщик видел, что парень нервничает. — Обещайте, когда у вас будет годный для публикации материал, вы мне передадите его первому.

— Я подумаю.

— Вы мне не верите?

— Я хочу вам верить. Вы мне не звоните, ■

не пытайтесь связаться иным способом, самое лучшее, если вы на время забудете полковника Гурова. А теперь выпьем, и вы мне расскажете о раскладе в Думе, правительстве и окружении президента.

Гуров наполнил рюмки, закурил, вытянул ноги и прикрыл глаза, приготовился слушать.

— А почему, собственно, я должен... — Турин запнулся, выпил, посмотрел в спокойное, бесстрастное лицо Гурова, тяжело вздохнул, словно предстояло не говорить, а копать землю либо таскать тяжести. — Ответа на ваш вопрос, думаю, нет ни у наших контрразведчиков, ни в ЦРУ. Союзы, банки, даже дружеские связи — в политической жизни величины постоянно меняющиеся. Я могу дать свои сугубо личные характеристики, но через неделю я сам от них откажусь, потому как пасьянс уже лежит иначе.

Братья Галеи закончили ремонт своей квартиры. Сашка ходил на костылях из одной комнаты в другую, заглядывал в кухню, ванную, осторожно присаживался на уголок кожаного кресла или диванчик с резной спинкой, осуждающе качал головой.

Хотя капитальный ремонт проходил на глазах Александра, мебель привозили иставляли под его надзором, он не мог представить, что получится из их берлоги в конце концов. Берлога, заставленная старой, гро-

моздкой, облезлой и развалившейся мебели, превращалась в просторную шикарную квартиру, в каких Сашке бывать не приходилось, такие хоромы. Он видел по телевизору в зарубежных фильмах.

Началось с того, что братан привел троих мужичков, не пьяных, одетых в чистые спецовки. Мужики вынесли из дома все, оставив лишь умывальник и плиту в кухне да толчок в сортире, еще оставили стол и стулья в одной комнате, чтобы можно было присесть и пожрать. Для ночлега Борис притащил две раскладушки.

Ремонт и обустройство продолжались около двух месяцев. Сегодня бригадир пожелал счастливой жизни, шагнул через порог и закрыл за собой тяжелую стальную дверь. Теперь Александр ходил по серебристому ковrolиту и чувствовал себя так, словно забрался в музей, где вот-вот появится мент и Сашку Галея арестуют и поволокут в участок.

Квартира казалась огромной, потолок, недавно нависавший серым пятнистым покрывалом, поднялся черт-те куда, сиял белыми, слегка шероховатыми квадратами, светлые, в мелких пупырышках стены раздвинулись, прозрачный тюль свисал с заморских карнизов, кровати вынимались из шкафа, который распластался вдоль стены и места практически не занимал. Но больше всего Сашку поразила ванная. Всю жизнь Галеи гордились, что у них санузел отдельный. Так стенку снесли, пол выложили мрам-

мором, потолок — черным зеркалом, стены и дверь кипенно-белые — словечко это Сашка подхватил у строителей. Но главное, конечно, сама ванна. Тут слов нет, вроде и по телеку такую не показывали. Огромная, тоже белоснежная, с пультом управления. Борис показывал, где что нажимать и поворачивать, объяснял, как делать гидромассаж и менять подсветку.

Сашка вернулся в меньшую комнату, где за письменным столом в кожаном вертящемся кресле сидел Борис, читал газеты, раньше он их в руки брал только в сортире. Он взглянул на брата и тепло улыбнулся.

— Ништяк, Сашок, привыкнешь, все путем, на честно заработанные обустроились. Мы нормальную жизнь выстрадали, смотамся за рубеж, может, тамошние лечилы тебе ногу выправят.

Александр опустилсЯ в кресло для гостей, оперся на костыль.

— Ты старшой и добытчик, тебе решать. — Он поддернул адидасовские брюки, чтобы на коленках не вытягивались. — Ко мне пацианы хотят зайти, взглянуть, чего мы нагородили, пусть не спросят, а каждый подумает, сколько же бабок ты за такое отвалил?

— Откуда у нас деньги, вся округа давно знает. Сколько точно, они пусть в своих карманах проверяют, — спокойно ответил Борис. — Скажи, старшой коммерсантом стал, на бирже играет, а ты в моих делах ни бумбум. Дружков приглашай, не стесняйся, в

прихожей, видал, тапочки имеются, пусть грязь не несут.

— Ты спишь нормально, ничего не видится?

Улыбка с лица Галея сползла, глаза совсем светлыми стали, будто стеклянными.

— Нельзя реку перейти и портков не замочить. Ты лишнего в голову не бери, тебе своего хватает.

— Лады, браток, спасибо тебе за все. — Александр поклонился. — Может, попа пригласить, пусть дом освятит?

— Дело твое, деньги на расходы, сам знаешь, в правом ящике.

— Спасибо. — Сашка оперся на костыль, поднялся, вышел из комнаты и перекрестился.

Когда Борис Галей получил кучу долларов за убийство, которого не совершал, он придумал, как отмоет такие огромные денежки. Он узнал, что самый большой рост курса стоимости акций в этом году был у «МММ», купил две акции по сто с лишним тысяч рублей, нарезал бумагу, изготовил «куклу», туго перетянул шпагатом и передал брату. В отсутствие старшего у Сашки, который был всегда дома, ежедневно бывали люди, проживающие неподалеку. Народ захаживал разный, одни бегали в магазин за продуктами для увечного кореша, другие за водкой, которую распивали на кухне чинно,

на скорую руку, так как Александр пьяных застолий не терпел. По указанию брата, Сашка засветил увесистую пачку акций «МММ», обмолвился, что Борис прикупил их еще в январе по дешевке. Галеи были в округе старожилами, выросли у старшего поколения на глазах, плюс несчастье, приключившееся с младшим, — в общем, братья были люди известные. Через два дня Сашка сказал, что братан акции продал, миллионы положены в банк, думает купить загородный дом или новую квартиру.

Через несколько дней вся округа — от пьяни у гастронома до участкового — знала, что братья Галеи стали миллионщиками и деньги у них лежат в банке. Так что если кто и наострился, то сразу охолонул: денег в доме Галеев как не было, так и нет.

Борис объехал множество обменных пунктов, получил за доллары нормальные рубли и действительно положил их в надежный банк, где со смехом сказал об удаче, даже показал одну акцию «МММ», которую якобы оставил на память.

Сначала Борис хотел переехать, чтобы ничто не напоминало о прошлой нищенской жизни. Но Сашка, который никогда против старшего не шел, вдруг воспротивился: «Нас тут все знают, у меня кореша, я на новом месте не приживусь». Он был прав. Когда Борис прикинул, то понял, что, кроме Сашкиных корешей и сантиментов, старое место в принципе надежнее. И на переезд могли

внимание обратить, да и свидетелей своей жизни и неожиданной удачи лучше иметь под боком. Тогда он и задумал реконструкцию и капитальный ремонт жилья.

Поначалу миллионы казались суммой, которой хватит если не до гробовой доски, то очень надолго. Но стоило начать тратить деньги серьезно, и они хлынули из банка, как вода из сортирного толчка в канализацию.

В феврале, получив с Исилина доллары и переговорив с его шефом — Михаилом Михайловичем Карасиком, Борис Галей решил затаиться и выждать. Во-первых, он понял, что уезжать с родимой Масловки нельзя, во-вторых, обнародовать свалившееся богатство было еще рано. Хотя Галей и не был опытным оперативником, но с детства слыл сообразительным и понимал, что как бы далеко он ни находился от банкира Белоуса, нельзя, чтобы смерть последнего и получение больших денег никому не известным охранником и шофером произошли непосредственно друг за другом. Сейчас убийцу разыскивают, какой-нибудь опер встретится со своим стукачом, спросит, что нового, а тот ответит: «Ничего интересного» и в качестве хохмы расскажет об акциях и деньгах парня с Масловки. А опер эту «хохму» запишет, а начальник чиркнет: «Проверить». И пусть ничего не найдут, а бумаги в сыске

уже будут, и, засветись Галей еще раз хоть краешком, бумаги достанут, положат рядышком, начнут изучать.

Борио Галей доллары еще не менял, тратить их не собирался и убил Исилина не за деньги, точнее, не только за деньги.

Яшка Исилин был патологический болтун и выпендрила. От него следовало избавиться, плюс к этому можно заработать, плюс крепче завязать в дело господина Карасика. И Галей решил не откладывать дело на потом, действовать, тем более что Яшка — карта разменная, ее могут убрать и без его, Галея, услуг.

Он купил годовалую «шестерку», практически новую. Сегодня, когда все раскатывают на иномарках, такая покупка совершенно не привлекала внимания. Он сел за руль, взял под наблюдение сверкающий «мерс» Карасика, за несколько дней выяснил, что ездит он обычно с водителем и охранником, но на короткие маршруты по центру города в дневное время садится за руль сам, а качок-охранник иной раз в машину садился, а в другой раз и нет. Выяснив все это, Галей позвонил бизнесмену и, не называясь, сказал:

— День добрый, Михаил Михайлович. У нас недавно был разговор о здоровье общего знакомого. У вас интерес не пропал?

Карасик сразу узнал звонившего, без нужды откашлялся, ответил:

— Вопрос интересный, можно обсудить.

— Мне сказали, вы иногда заезжаете на Сушевский вал?

— Случается. — В горле у Карасика действительно запершило, он закашлялся вполне естественно.

— Пятьдесят штук — не деньги? Так захватите их с собой, подъезжайте к дому пять, конечно, один, без этого жирного алкаша, который красится под охранника. В пятнадцать часов, если вы не будете валять дурака, я подъеду, сяду в ваш роскошный «мерс».

Если вы хотите изменить внешность, учили в свое время Бориса Галей, думайте не о дурацких париках и усах, а измените свой социальный статус, стиль. Такие расходы он мог себе позволить, и за два часа до назначенного времени по Сушевскому валу шел солидно, но несколько старомодно одетый мужчина. Галей был в пальто и в шляпе, из-под шелкового кашне выглядывали белоснежный воротничок рубашки и галстук, на ногах черные сверкающие ботинки. Утром он зашел в салон-парикмахерскую и постригся. Сделал маникюр, побрызгался французским одеколоном.

Работая в наружке, Галей научился видеть улицу, легко сортировал прохожих, запоминал машины, которые то и дело останавливались у тротуара и вскоре отправлялись по своим делам. В общем, когда у дома пять притормозил знакомый кремовый «мерседес», Галей не сомневался, что, кроме него

самого, никто данную машину не поджидает.

Он подошел к дверце водителя, слегка наклонился, спросил:

— Если разрешите, я сяду сзади, Михаил Михайлович? — обошел машину, снял шляпу и сел позади удивленного Карасика.

Бизнесмен никак не ожидал увидеть такого денди, но виду не подал, сказал:

— Деньги я, конечно, не привез, уважаемый, но обсудить вопрос согласен.

Галей демонстративно проверил, нет ли у Карасика записывающей электроники, усмехнулся:

— Заказ ваш понятен, кроме денег, других вопросов не существует.

— Но раньше вы работали без предоплаты.

— Не надо торговаться. Пятьдесят штук баксов, и нет проблем.

— У вас «Шанель»? — неожиданно спросил Карасик.

Галей сжал рыхлое плечо бизнесмена и сказал:

— Я представляю фирму, которая не задает вопросов и не отвечает на них.

— Простите, но одеколон...

— Кончай придуриваться или ты кого ждешь? — перебил Галей.

— Как можно? — искренне возмутился Карасик. — Ни одна живая душа не знает...

— Потому и твоя душа живая, — вновь перебил Галей. — Ты мастер своего дела,

мы — своего. Бабки при тебе, дай сюда, я пошел, качество гарантируем, а сегодняшним днем жизнь не кончается. — Он говорил негромко, монотонно, не делая пауз. — Раз уж телефон брата знаешь, буду нужен, позвони, скажи: срочно нужен сантехник, и я найду тебя.

Как загипнотизированный, Карасик вынул из кармана приготовленный конверт, отдал, и Галей легко выпрыгнул из машины.

Это не одиночка и не уголовник, думал бизнесмен, провожая взглядом стройную фигуру в дорогом пальто и шляпе. Кроме убийцы, на улице никто так одет не был. Это бывший комитет, ликвидаторы. Дисциплина и порядок, держат марку, за банкира в сопровождении одна цена, за Яшку Исилина иная. Если я ошибусь, меня шлепнут бесплатно.

Через два дня Карасик узнал, что его бывшего подручного зарезали в троллейбусе.

Галей отлично знал, что сыскная служба группирует преступления по почерку, поэтому отказался от пистолета, вытащил из тайника узкий и острый, как шило, стилет, который купил за бесценок, еще обучаясь в школе КГБ. Стиллет был укреплен в ручке зонта, вынимался легко. Борис назначил встречу Яшке Исилину у «Макдоналдса», предупредив, что машина не нужна. Проходя мимо покуривающего беспечно Исилина, Борис шепнул:

— Мы незнакомы, следуй за мной, — и ■

прошел к троллейбусной остановке, где толклись несколько москвичей.

Исилин взглянул удивленно — зонт в руке Галея вызвал у беспечного Яшки лишь улыбку — и покорно махнул на ступеньку подъехавшего троллейбуса, вежливо пропустив вперед женщин с сумками и тяжело вздыхающего пенсионера.

Если бы человек знал, какой шаг будет последним в его жизни! Не дано, и слава Богу! Исилин шагнул легко, легко вошла и острая сталь точно под левую лопатку, смертельно кольнула сердце. Исилин не издал ни звука, плотно зажатый между москвичами — иногородние практически этим маршрутом не ездили, — стоял, двигаясь, словно живой. Занятые, всегда опаздывающие люди передвигали труп с места на место.

Борис Галей соскочил на следующей остановке, пересек Тверской бульвар и сел в свои «жигули», которые загодя оставил у нового МХАТа.

Глава девятая

Еще когда Исилин был жив, Виктор Иванович Якушев отметил свое сорокалетие. Роста он был среднего, но за счет стройности, летящей походки и гордой посадки головы казался высоким. Сероглазый блондин, с ухоженными усами над красивыми, слегка полноватыми губами, Якушев одевался просто. Безукоризненно белые, реже

блеклого серого цвета рубашки он менял ежедневно, при необходимости два раза в день, фирменные галстуки не бросались в глаза, костюмы он заказывал у наших лучших модельеров, обувь покупал за рубежом и только самого высшего класса, часы «ролекс», авторучка «паркер». Несмотря на относительную молодость, Якушев был в одежде и атрибутике консервативен, неопытному взгляду в его внешности не за что было зацепиться, западные партнеры быстро оценивали «скромность» русского. Бизнесмены мгновенно оценивали не только количество истраченных долларов, но и вкус, ум, манеру держаться и, как следствие, надежность партнера.

Существует понятие — «новые русские». Это наши парни, в силу природной сметки схватившие сотни тысяч долларов, покупающие виллы на чужих берегах, закрывающие ради прихоти дорогой ресторан, расположенный значительно западнее и южнее Малаховки. О «новых русских» много пишут в наших и чужих газетах, однако Виктор Иванович Якушев к данной категории людей не принадлежал.

Однажды, когда Якушев уже стал крупным бизнесменом, а по российским меркам так и магнатом, он во время делового завтрака с немецкими фирмачами между прочим назвал и сумму прибыли, которую сможет получить каждая из сторон, в случае если они придут к соглашению. Условия сделки

в ходе разговора несколько раз менялись, и немец выразил недоумение, каким образом господин Якушев сумел предвидеть, к какому результату приведут переговоры, и попросил просчитать возможный результат. Якушев улыбнулся и пояснил, что он просчитал сам, сейчас, за чашкой кофе. Немец рассыпался в комплиментах, не поверил, но, оставшись наедине с партнером по фирме, сказал:

— Этот русский совсем «новый русский», он надежен, но опасен. Я не люблю иметь дело с людьми, которые умнее меня.

Якушев от рождения обладал феноменальной памятью и умением обращаться с цифрами. Когда он учился в школе, компьютеры еще и не появлялись в обиходе, но ребята дали ему кличку — Компьютер. Он закончил школу с золотой медалью, университет с отличием и в двадцать восемь лет, минуя кандидатскую, стал доктором физико-математических наук. От него ждали черт знает каких успехов в математике, а Якушев ушел из университета, пошел по партийной линии и вскоре стал чьим-то помощником в орготделе ЦК.

Дело в том, что у гениального парня был «маленький» недостаток — он желал власти и денег. А власть в те годы была лишь у партаппаратчиков. На Старой площади он не сделал быстрой карьеры. Якушев знал себе цену, не лебезил перед начальством, не писал угодных верхам докладных, держался

независимо, и его не любили. Но он не собирался карабкаться по ступенькам власти, он не знал, как именно, однако не сомневался, что придет час — и не в старости, а молодым он займет место на троне.

У Виктора Якушева, естественно, были мама и папа, совсем нестарые люди, безумно гордившиеся своим гениальным сыном и совершенно пришибленные его решением сменить служение высокой науке на прислуживание партийным бонзам.

— Потерпи, отец, цыплят по осени считают, — сказал Виктор отцу, съезжая в новую квартиру, которую получил на третьем году прислуживания.

Он уже тогда знал, что станет работать в бизнесе, хотя слово на тот момент было ругательным, а на Старой площади просто матерщинным. Все ругались на капиталистов, каждый тащил, что мог, только не умел украденным толково распорядиться. Якушев быстро закончил курсы английского и немецкого языков, произношение его поначалу было варварским, но словарный запас огромным, и вскоре он объяснялся с иностранцами свободно.

Якушев ушел из ЦК и положил партбилет в семейный альбом в один день с Ельциным. Работая на Старой площади, доктор наук приобрел колоссальные связи в различных отраслях промышленности необъятной страны. Память у него, как уже говорилось, была потрясающая, он помнил не

только все фамилии, имена и отчества, но и имена жен, детей, номера домашних и служебных телефонов, чем человек увлекается, что производит и в чем нуждается.

Свой первый миллион рублей, еще тот миллион, когда доллар стоил меньше червонца, Якушев сделал на посредничестве, разговаривая по телефону.

Для окружающих и родителей он вернулся в науку. На самом деле Якушев начал делать деньги. Когда необъятная страна с колоссальными ресурсами начала разваливаться на части, никто в ней не знал, где, что и сколько лежит, а Якушев знал.

Ну, хорошо, хорошо, придержим фантазию, он знал не все, но во много раз больше, чем можно было представить. Он спал три, максимум четыре часа в сутки, остальное время работал. В тот день, когда Якушев пригласил к себе Михаила Михайловича Карасика, ни один человек, разумеется, кроме самого героя, не знал, в каких странах и банках, на чьих счетах и в каком количестве лежат деньги, принадлежащие Якушеву. И Карасик, естественно, этого не знал, но не сомневался, что он сам супротив хозяина кабинета лишь тля.

А кабинет был хорош, просто впечатляюще, действовал на любого гостя завораживающе. Причем никто из посетителей не мог объяснить, что особенного было в большой, но отнюдь не огромной комнате, обставленной лишь деловыми предметами, какие

можно встретить в десятках иных кабинетов. Как и многие секреты, магия кабинета имела достаточно простое объяснение. Помещение выбирали и оборудовали профессионалы. И не только блестящий дизайнер, прекрасные мастера различных профессий, но и социальный психолог.

Переступив порог, человек ощущал простор, свободу движений, радушие встречи, но немножечко, чуть-чуть, капелюшечку ощущал и собственную неполноценность. И от этого гость был особенно благодарен хозяину, который выходил из-за своего стола, встречал, жал руку, ожидая, пока человек сядет, и не возвращался на свое место, а опускался в кресло за приставной столик напротив и вроде бы становился равным партнером.

Но все это был сплошной обман, равным с хозяином никто не становился, и секрет был не только в манере держаться Якушева, но и в мастерстве дизайнера, который создал для него условия наибольшего благоприятствования.

Якушев нажал какую-то кнопку, стол раздвинулся, и из него выдвинулась центральная часть, уставленная столовыми приборами, двумя бутылками и фруктами.

— Ну, давай, Михаил, выпьем по рюмке за наше общее дело.

Карасик чуть не поперхнулся. Не могло быть и не было у них общего дела. Якушев — фигура международного класса, а он, Мишка

Карасик, так себе, ну если по карточной колоде считать, так на семерку потянет.

Якушев сделал вид, что на удивление партнера внимания не обратил, и продолжал легко и беспечно:

— Я давно к тебе приглядываюсь, хочу пригласить, да все руки не доходили. Дела, брат, дела... Я тут небольшое дело с нефтью проворачиваю, верный посредник нужен. Ты как, очень занят?

И тут Михаил Карасик прыгнул выше головы, сам не ожидал, видно, с перепугу получилось.

— Виктор Иванович, мы с вами птицы разного полета. В январе я пытался к вам в кабинет на минуту заглянуть, так меня на порог не пустили. — Он поставил рюмку, отметил, что рука не дрогнула. — Я не так уж умен, но и за идиота меня держать не стоит. Чтобы вам угодить, в лепешку расшибусь. Переходите к делу. Что вам от меня надо?

Якушев прекрасно владел собой, но вдруг ему захотелось выгнать наглеца, побыть одному. Ведь одно дело — намекнуть, какая требуется услуга, и жить по-прежнему, словно ничего не случилось, и совсем иное — положить карты на стол, стать соучастником. Его не волновала встреча со следователем прокуратуры, бизнесмен слишком высоко стоит, никакая прокуратура до него не дотянется, не хотелось обсуждать с этим недоноском вопросы, которые он не желал зада-

вать даже себе самому. Якушев сдержался, гостя не выгнал, даже сумел улыбнуться, однако Карасик понял, что стоит на краю, и быстро заговорил:

— Естественно, Виктор Иванович, вы мне выдадите информацию, какую желаете. Но, — он хихикнул, — ежели вы ничего не скажете, то и я ничего не сделаю.

— Ты по-своему прав, Михаил. — Гнев прошел, и Якушев с юмором подумал, что коли человек хочет сесть на толчок, то штаны придется снимать, нравится, нет ли, но придется. — Я не буду тебе рассказывать, как я это вычислил, но убежден, что у тебя есть киллер.

Карасик не поперхнулся, проглотил коньяк, закусил лимончиком.

— Простите за вульгарные слова, но дело дерьмо и вам в него лезть не следует. Если вы вычислили, не знаю уж, каким образом, то и другой человек вычислит.

— Никогда! — категорически заявил Якушев. — Это я знаю, что, начни Белоус продавать твои бумаги, так разорил бы тебя, но он не успел — застрелили. Это я знаю, что у тебя подвязался Исилин, бывший гэбист, зек и трепло. Как можно такого человека приблизить к себе? — Он погладил лицо ладонями, вздохнул. — Ты небольшого ума, Михаил. Спрашивается, на кой черт я к тебе обращаюсь? Разумный вопрос. Нужда, Миша. Я с данными структурами связи не имею, а понадобилось. Я, конечно, в дело тебя взять

не могу, люди не поймут, но деньги — этот самый простой вопрос решим. Сколько берет твой специалист?

— В зависимости от клиента.

— Назови высшую ставку, умножь на два.

— Двести тысяч.

— Берет хорошо. — Якушев кивнул уважительно. — Свяжи меня с ним по телефону.

— Крайне нежелательно. Он откажется говорить.

— Передай, что только за разговор он получит четвертак. Если он принимает заказ, ты получаешь полтинник, расчет после работы.

— А почему, шеф, не дать команду через меня? — осторожно спросил Карасик. — И вы в стороне, и с парнем без осложнений. А он с гонором, понятия не имею, как он говорить будет, да и связь с ним сложная.

— Твое предложение соблазнительно. — Якушев изобразил сомнение, хотя сразу решил, что на киллера будет выходить только напрямую. — Понимаешь, дружок, не люблю посредников. Да и скажи, ну зачем тебе знать лишнее? Сейчас в городе убивают, убьют еще одного. Кто, как, зачем — мы не в курсе, тебе от такого положения одна выгода. Я буду тебе должен, а иметь такого должника — дело выгодное.

— Допустим, — осторожно согласился Карасик. — Но как я вас соединю? Я позво-

нить практически не могу, имею возможность лишь вызвать звонок на себя.

— И вызови, а позвонив, дай номер, объясни условия, скажи, чтобы позвонил, зовут меня Иван Иванович, человек солидный и прочее.

— Так вы свой номер засветите.

— А о глупостях ты, дружок, не волнуйся.

— Вам виднее. — Карасик сдался окончательно.

Якушев проводил его взглядом и подумал: «Простак он и есть простак. Выполنيшь мою просьбу — и не жилец».

Когда Галей узнал от брата, что звонили и просили прислать сантехника, то хлопнул Сашку по плечу и сказал:

— Засвечивай перед своей братвой вторую «куклу» с «МММ». Мы подождали, пора богатенькими становиться, не только Леня Голубков и Марина Сергеевна жить хотят. А то, может, эта шарашкина контора останется при своих.

Галей встретился с Карасиком у кинотеатра «Художественный», получил конверт, заметил, что шеф мандражит, и сказал:

— И ветра нет, а тебя трясет, будто уже осень.

— Мы с тобой завязали, ты меня не знаешь, я тебя никогда не видел.

— Люблю смелых парней! — Галей хлопнул Карасика по спине и направился к Гоголевскому бульвару.

Присев на грязную скамейку, он вскрыл

конверт, увидел доллары, считать не стал, знал, что в таких делах не обманывают, вытащил записку, на которой корявым, явно измененным почерком было написано: «Возьмите бутылку водки, приходите завтра по адресу... Скажите, что от Сени. Найдите телефон, он там в комнате где-нибудь валяется. Ровно в девятнадцать вам позвонят. Говорите, словно болтаете с пьяной девицей, в основном слушайте. Если вы мне понравитесь, считайте, ваша судьба решена. Оденьтесь под московского доходягу».

Подпись в послании отсутствовала.

Как известно, Галей родился не во дворце, но, когда он вошел в квартиру, то понял, что отец с матерью жили умеренно, говорили культурно, порой даже подметали пол. Посередине длиннющего коридора лежал мужик, судя по запаху, он сделал все под себя и в ближайшее время никуда не торопился. Галей перешагнул через тело, толкнул третью дверь и, шумно рыкнув, спросил:

— А Сенька где?

За столом прилегли три фигуры, на первый взгляд две были мужского пола, а одна женского, в дальнейшем выяснилось, что все были женщины.

— А чего тебе Сенька? Он, сука рваная, еще поутру за пузырем пошел и с концами.

— А мы тут концы отдаем без горюче-

го, — добавил мужчина, оказавшийся женщиной.

— Так кто же мне деньги за водку отдаст? — Галей наклонил лобастую голову, оглядел комнату в поисках телефона. Было уже без десяти семь.

— Деньги шелуха, был бы товар, — сказала явно женщина с трудом, приоткрыв фиолетовый глаз. — Ты присаживайся, милочек, — и по-крабьи, на полусогнутых стала обходить Галея стороной. — У нас денег куча, только идти лень, а тут горе... Поминки.

— То, что ты сегодня учишь, я давно забыл. — Галей подсек бесполое существо ногой, существо упало и задергалось, и достал из кармана бутылку «Московской». — Так кто платить будет? Пять штук, прошу.

И выбил бы он из аборигенов деньги, которые ему были совершенно не нужны, но тут увидел телефонный аппарат, стоявший под кроватью, вспомнил, зачем пришел, выставил бутылку на стол и строго сказал:

— По пятьдесят грамм, пореже, девки. — Он уже разобрался, к какому полу принадлежат присутствующие.

«Девки» обсасывали стаканы, когда звякнул перенесенный Галеем на тахту телефон.

— Ну? — сказал он, сняв трубку. — И тут ты меня, стерва, отыскала.

Сидевшие за столом существа на Галея не обращали внимания, наливали по второй. ■

— Вас не шокирует мой телефонный узел? — спросил Якушев.

— Короче.

— Прекрасно. Мне мешает один человек.

— Еще короче.

— Сивков Владлен Семенович.

— Он ходит с охраной?

— Не знаю... Депутат Думы.

— Двести. Предоплата — сто процентов.

— Мне говорили, что сто и после работы, но я не торгуюсь, так как вы отлично понимаете, что Карасика тоже придется убрать.

— Договорились. — Галей довольно усмехнулся. — Когда придет срок, дайте в газете «Из рук в руки» объявление: «Две симпатичные девушки хотят познакомиться с культурными парнями» — и укажите номер этого телефона. Я вам позвоню и скажу, как передать деньги.

— Но вы не знаете...

— Знаю, — грубо перебил Галей. — И хотя вы говорите из автомата, а данный номер прослушиваться не может, так долго болтать нельзя.

— Хорошо. Я подумаю, — упрямо повторил Якушев, привыкший, что последнее слово остается за ним.

— Конечно, шеф, вам решать, только лучше меня вы ничего не придумаете. А насколько мне известно, вы пользуетесь услугами только лучших специалистов. —

Подсластив пилюлю, Галей положил трубку.

А жизнь незадачливого налетчика Михаила Захарченко не задалась. Только засветало, он ушел от Гурова и подался в ближайший бордель на старом Арбате, благо, деньги кое-какие имелись. Поначалу все складывалось хорошо — приняли, угостили, ну, не за так, конечно, пришлось отстегнуть вперед. Только он расслабился и задремал, как сильные руки дернули его с софы и начали бить. Его били неоднократно, но впервые били молча, не объясняя, за что. Нет, пожалуй, единожды прозвучало слово «сука». Ну так в миру это слово употребляют, ничего нового, так сказать. Он пытался защищаться, спрашивал: мол, за что ломаете, парни, забьете насмерть, а я невинный... Наконец он окончательно вырубился.

Девки, шпана — все разбежались, увидели, что разборка крупная, и попадать в нее никто не хотел.

Мишка очнулся, когда на него вылили ведро воды. Он попытался открыть глаза — не получилось. На губах пузырилась кровь, он прошептал:

— Убейте, люди, но скажите, за что...

Поломанная мебель валялась в углу, один из пришедших и бывших наиболее зло сел на край тахты и сказал:

— Кончим его и пойдем, вон на подо-

коннике вроде бутылка осталась, сейчас она в масть...

— Ты что-нибудь слышал или совсем глухой? — спросил крепкий парень с сильным кавказским акцентом. — Папа велел малого найти, привести в сознание и потом к нему. Как это — «кончать», ты отвечать будешь?..

— Ладно-ладно, — забухтел третий, явный русак. — Он пойдет или его нести?

Пришли к компромиссу, взяли за ноги, выволокли на улицу, закинули в багажник машины.

Квартира была чистая, культурная. Хозяин в халате с кистями взглянул на Мишку брезгливо, сказал:

— Вы там его умойте. Лица, а ты постели клееночку на стол, а то он все замажет. Как же ты так попал, парень?

Мишка пошевелил разбитым ртом, сказать ничего не мог.

— Вы тоже хороши, вам было сказано: приготовить малого для беседы, а не убивать, — сказал хозяин в сторону кухни, и чавканье было ему ответом.

— Он что-нибудь говорил?

Из кухни вышел кавказец, отер ладонью усы.

— Сказал: мол, убейте, скажите только, за что.

— Значит, не знает, за что, так мы ему сейчас объясним. Не знаю, кто тебя, малолет-

ку, послал. Разберусь. Мы не людьми стали, карасями шук кормить — дурное дело. Но такая твоя судьба, парень. Каждый деловой знает: драка с Гуровым кончается либо смертью, либо тюрьмой, либо вербовкой. Ты живой, ты — на свободе, значит, ты — ссученный. Расскажи спокойно, о чем у тебя с сыщиком был разговор, и я отпущу тебя. Секрет, который знают обе стороны, — не секрет — шелуха.

Мишка почти пришел в себя, говорить было трудно, но голова была ясная. Такое предложение Гуров предвидел, сказал, что убьют обязательно, верить нельзя.

— У нас разговору, — Мишка запнулся, вынул выбитый зуб, — никакого не было. Бежали, поначалу он меня держал, потом я изловчился и пером его руку полоснул. Он меня выпустил, я — «сквозняком» на Суворовский, тут какой-то частник разворачивает, я заскочил, кричу: «Газуй, падла! Иначе порежу!»

— Ты хочешь, чтобы я тебе поверил?

— Я сейчас тихо умереть хочу. Вы Папа, вы и решаете...

«Чтобы Гуров дал пацану достать перо и полоснуть себя по руке? Да никогда в жизни! А так, все в жизни случается...»

— Эй! — громко сказал Папа и неодобрительно взглянул на русского бугая, который вошел в гостиную из кухни последним, продолжая жевать. — Потолкуй с лепилой, надо помочь парню и где-то замкнуть. Дня

на два. Я за это время узнаю, что с ним. Если волкодав ранен, пацану премия полагается, так как я лично знаю нескольких покойников, которые на господина полковника руку поднимали, а сколько их в «зоне», пожалуй, и не счесть. Ну а если Гуров здоров — повесить...

Совещание, как и положено, проходило в зале для совещаний. Только совещателей для такого громадного помещения было маловато, точнее, семь человек. Ни одного спикера, даже завалящего министра не пригласили. Собрались самые богатые люди России, которым настоящий бардак надоел, и они решили взять власть в свои руки. Не устраивать революции, не захватывать почту и телеграф, а сделать все сравнительно тихо и мирно.

Без всяких выборов председательствовал Виктор Иванович Якушев.

— Правительство мы пока трогать не будем. Как бы не промахнуться с президентом.

— Слушай, Виктор Иванович, а ты уверен, что Бориса удастся прокатить?

— Без комментариев. Вопрос провокационный. Что значит — уверен? Я считаю, что план хорош, главное — единственный, и будем надеяться.

— Ну, допустим! Но кого именно?

— Я продолжаю считать, что нужен мо-

лодой, никому не известный генерал, — ответил Якушев.

— И за такого Россия проголосует?

— Если человек с нашей помощью наведет в Москве, Питере и ряде других городов порядок, то проголосует. Ну, и нам, конечно, кошельки на рекламу придется расстегнуть. Главная наша задача — прекратить все неплатежи. Люди работающие должны получать зарплату.

— Если не трогать правительство, что изменится и зачем нам вязаться в большую политику? У каждого есть кусок, каждому хватает.

Якушев ждал подобного вопроса.

— Если считать на куски, то ты, Семен Викторович, прав, но при теперешнем положении из кусков Россию не возродить. Нам не дадут кредиты, не пойдут в долю, без западного капитала мы с тобой так и останемся кусочниками.

Среди присутствующих прошел недовольный шепоток, кто-то ехидно сказал:

— А ты хочешь благословения на княжество российское?

Якушев согласно кивнул, знал, что вопрос упрется в скипетр и корону, вздохнул и отвернулся.

— Ну почему человек ищет в любом деле личную выгоду? Тебе нужна корона — забирай, мы поддержим тебя, я первый поддержу.

— Вся Россия горит и стреляет, кто же ее удержать сможет?

— Так зачем глупости говорить? Мы контролируем большинство министров, оставили их на местах, пусть работают. Надо, чтобы президент знал, кто истинный хозяин, чтобы силовые министры не дрались за место у трона, а работали. Я уже говорил, начинать надо с президента. Он даст силовикам волю, пусть уберут неудобных, говорливых, пригасят войны, тогда заработают министры, оживет производство. Конечно, определенный риск есть. Можно деньги потерять и ничего не добиться. Уже говорилось, можно сидеть по углам, каждый со своим куском и сладко чавкать. Решайте.

Лицо у Михаила зажило. Шрамы, конечно, остались, но вид был уже вполне приличный. Вел он себя тихо, никому ничего не рассказывал, но люди знали, что с ним разбирался сам Папа, парень полностью реабилитирован и даже приглашен в какое-то дело. Но, по совету Гурова, он предложение не принял, ссылаясь на подорванное здоровье.

Он пришел к Сашке Галею, когда старшего в доме не было. Оставив кеды за порогом, прошел в носках, все осмотрел, как в музее.

— А на хрена вам все это надо? — оглядывая комнату, спросил Мишка.

— Старшой решил. Говорит, наше время пришло — будем жить, как буржуи.

— Чего говорить, красиво... — Мишка провел пальцем по сверкающему овальному столу. — Только, Сашок, не для житья все это, так... музей...

— Я согласен! — Сашка упал в глубокое вишневого цвета кресло. — Да и цена меня не устраивает.

— Чего тебе цена, коли Борис за все платит?

Сашка задумчиво отвернулся, неожиданно спросил:

— Мы с тобой сызмальства по корешам, скажи, за что тебя паханы так отделили?

— Ошиблись. — Мишка подошел к бару, спросил: — Так это все можно пить?

— Ясно, для того и поставлено. Налей себе, чего хочешь.

Бутылки все были иностранные, незнакомые. Мишка покачал головой, сказал:

— Нет, ты хозяин. Плесни мне грамм сто.

Когда выпили, Сашка оперся на костыль, вновь уселся в кресло, безрадостно оглядел роскошную квартиру. С рождения за кусок хлеба бился, теперь все есть, а радости нет, тоска.

— Миша, ведь ты единственный, кто не позавидовал, в самое яблочко сказал: «А за чем?». Ты знаешь, я с Борисом рос, мне казалось, что мы больше, чем братья.

Мишка вспомнил, что Гуров несколько раз говорил: «Вопросов не задавай, а коли начнется задушевная болтовня — пресечь немедленно».

— Брось, Сашка, сопли распускать. Меня ни за что чуть не убили, жив и рад.

— Я тоже рад за тебя. — Казалось, Сашка обрадовался, что разговор прекратился. — Толкуют, ты теперь человеком стал и в верха пойдешь?

— Болтают. Я спервоначала к бабке в деревню съезжу, проведу, не был у нее годов семь, а то и более. Харчи подвезу, иное по малости.

— Хорошее дело...

Михаил дошел до порога, обернулся, вновь осмотрел роскошную комнату.

— Здорово, конечно. Но думаю, чтобы в таких покаях обитать, необходимо в таких и родиться.

Гуров и Крячко пришли в кинотеатр «Варшава» днем, около двух. Гуров взял билеты, Крячко проверил, нет ли за другом слежки. К залу подтягивался народ, в основном молодежь, и оперативники для опытного глаза «светились». Гуров подал знак — не подходить, Крячко в ответ соорудил рожу — мол, и дураку ясно.

Вскоре появился Михаил Захарченко, купил билет, прошел в зал, разменял деньги, подошел к игровому автомату. Гуров тоже разменял деньги, подошел к автомату, начал расспрашивать о правилах игры.

Мишка тыкал пальцем в экран и, пока-

зывая на ручки, коротко рассказал о Галеях, буквально в двух фразах:

— Выигрыш в эту, «МММ» — реконструкция.

Гуров понимающе кивнул.

— Считай, мы квиты. Всем объяви, что уезжаешь к бабке, загляни к ней на денек и отправляйся по адресу, что я тебе дам. У бабки тебя достанут. Пиши до востребования.

— Галеи — отличные пацаны, они... — Мишка замолчал, так как Гуров уже выходил из кинотеатра.

— Киллера мы нашли. Теперь надо решать, что с ним делать, — усаживаясь в машину, сказал Гуров.

— Ты счастливый, Лев Иванович, сил нет.

— Это не я счастливый, а ты умный, — усмехнулся Гуров. — Покопаться в старых приятелях предложил именно ты. Кстати, я не хочу, чтобы о результатах знал третий человек.

— Так Артем работает.

— Молодой. Ему еще долго работать.

— А Петр?

— Петр умнее нас с тобой, но лишь человек. Придавят на высоком ковре, и брякнет, отбиваясь. Тут и имя не требуется, мы в принципе не должны иметь результата.

— Как же ты на него вышел? И почему так уверен?

— Вышел ты, я лишь установил. Ты при-

нес список группы курсантов, которые учились вместе с Исилиным. А в соседнем доме с Галеем — одним из курсантов живет парнишка, которого мы с тобой вербовали неделю назад. Я попросил его зайти к младшему брату. Оказалось, что Галей получил в этих «МММ» несметное количество миллионов. Если человек получает миллионы и учился в КГБ, то это слишком. Источник характеризует Галея как жесткого московского парня, который в жизни не отдаст деньги невесте куда. Так он отмыл доллары, причем сотни тысяч. Это Белоус, Сивков, Карасик и Исилин... Это их жизни. А сейчас мы с тобой едем на прежнее место службы. К Борису Андреевичу Юдину.

Крячко вздохнул:

— Не хочется, сил нет.

— Это почему же? — удивился Гуров. — Что мы ушли от него? Так он рад до смерти. Он же хозяином в лавке перестал быть, мы его совсем задавили. Потом не забывай, мы ему оказали немалую услугу.

— Мне бы твоего нахальства хоть чуток.

Гуров взглянул на друга, прищурился, словно прицеливаясь.

— Возьми что-нибудь другое, с этим у тебя все в порядке.

Секретарша в приемной оказалась молоденькой девушкой.

— Он занят, — произнесла она таким го-

лосом, будто в горле у нее были металлические прокладки.

— Совсем занят? Окончательно? — Гуров открыл дверь в кабинет Юдина, который что-то писал, но, увидев Гурова, отложил ручку, и было ясно, что писать ему очень не хотелось.

— Здравствуй. Раз пришел — заходи. Привет, Станислав.

— Что это ты на нас смотришь, будто мы тебе должны?

— Брось, это я вам по гроб жизни...

— Не надо о гробах, — перебил Гуров. — Давай кофе, у нас лишь один вопрос.

Когда кофе был выпит, Гуров спросил:

— У тебя все в порядке?

Юдин и до этого вопроса держался напряженно, а тут уже прямо застыл, пожевал сухими губами:

— Стреляй, Лев Иванович. Что еще...

— Недушевно ты к старым друзьям относишься, — сказал укоризненно Гуров. — А, кроме добра, ты от нас ничего не видел.

— И не надо ничего. — Юдин попытался усмехнуться. — У меня мечта — никогда тебя больше не видеть.

Крячко стало неловко, он заворочался в кресле. Гуров глянул на него мельком.

— Не тереби себе душу, Станислав... Борис хамит от стеснительности... Боря, скажи нам, кто такой Виктор Иванович Якушев, и мы уйдем.

— Где ты достaeшь свои вопросы? — Юдин

развеселился, и было понятно, что веселость эта — от безнадежности.

— Не нравится вопрос, не отвечай. — Гуров даже сделал движение, словно хочет подняться. — Я задам этот вопрос в другом месте.

— Я ругаюсь с тобой, но люблю. — Юдин тяжело вздохнул. — Оставь Якушева, иначе тебя убьют. Якушев — не человек, Якушев — империя. Он не просто громадные деньги и связи...

— Не пугай меня, потому что я боюсь, — серьезно ответил Гуров. — Я только человек и устал сражаться с системой. А у Якушева, полагаешь, есть люди в КГБ?

Юдин не ответил, взглянул как на больного.

— У него люди везде, где пожелает.

— А президент нам к чему?

— Положено. У всех есть, и России положено.

— Ты не слышал, на предстоящих выборах они ничего менять не собираются?

— Лев Иванович... Ты хотел задать лишь один вопрос...

Гуров замолчал, смотрел долго, внимательно, сказал неожиданное:

— Я бы на твоём месте уехал в долгосрочную командировку.

Гуров встал, коротко попрощался, пропустил вперед сосредоточенно молчавшего

■ Крячко, открыл дверь и вышел.

Глава десятая

Гуров позвонил полковнику Еланчуку и услышал его радостный голос:

— Здравствуй! Разыскиваю тебя — ты звонишь, словно провидец. Как быстро ты сможешь подскочить на наше место?

— Мы собирались его сменить...

— Встретимся — сменим...

Еланчук неуволимо изменился, в нем появилась собранность, сила, целеустремленность.

— У меня плохие новости, Лев Иванович, — сказал он, усаживаясь в машину Гурова. — Я не имею допуска к информации председателя, но знаю людей, которые ее готовят. Все молчат, но видно, как сторонники фашистов подняли головы. Интеллигенция — в обычной растерянности. Незначительные люди, людишки, в разговоре обмолвились, что президент выборы проиграет. Ты знаешь категорию таких болтунов, за счет якобы осведомленности они хотят стать выше тебя. Но, обрати внимание, в большинстве случаев их информация верна.

— Я нашел киллера, — сказал Гуров таким тоном, словно сообщил, что обнаружил в подкладке старого пиджака рубль.

— Кто его готовил?

— Он сам приготовил себя и поднялся на высший уровень.

— Что ты хочешь сказать?

— Что имеется киллер высокой квали-

фикации, за которым, возможно, стоят деньги партии, и что к ним прилипло за это время. И дело это не мое, а ваше. — Гуров пожал плечами. — Пожалуй, и сказать больше нечего...

— Как с доказательствами?

— Обычно. Он дважды стрелял из одного и того же «вальтера». Теперь разобрал и выбросил. Можно забыть.

— И что ты собираешься делать?

— Я?! — Гуров взглянул недоуменно. — А что тут можно сделать? Доказательств нет и не предвидится. Выставлять за ним наружку бессмысленно, он человек обученный.

— Не говори чушь, за любым человеком можно пронаблюдать так, что у него и в ухе не засвербит.

— У него не засвербит, но знать об этом будут все, кому положено и не положено. Зачем ты так срочно вызвал меня?

— Беспокоюсь, Лев Иванович. Мне не нравится оживление в нашей конторе, не нравится — кто именно оживился, не нравится внешнее спокойствие руководства, они уверены, что сменят президента.

— До законных выборов?

— Не думаю. Убежден, заготовлен какой-то предвыборный трюк, тогда президент дискредитирует себя окончательно. Учитываю войну в Чечне, сильно толкать Бориса и не требуется.

— И Бесковитый?

— Люди не дадут дураку деньги. Имеется третье лицо, которое пока в тени.

— Мне-то что? Пусть они все перестреляются и переизберутся. Я офицер криминальной полиции, буду нужен всем властям и режимам.

— Ты неуправляемый офицер и нужен не будешь, тебя уберут в первую очередь.

— Третье лицо, — сказал неожиданно Гуров, — лицо, не замазанное политикой нынешнего правительства, лицо, которое наведет косметический порядок, создаст видимость законности и порядка, поддержит вновь избранного президента.

— Ты все говоришь правильно, и все не о том. Если переворот, который, я чувствую, готовится, а частично и не чувствую, а знаю, — нас ждет обыкновенный фашизм. Это верха думают, что они дают миллиарды и рулят. На самом деле руль у них отберут и начнут, как обычно, с расправы с неудобными, опасными. Ты посмотри на лица нынешних правителей, так они, если в верхах останутся, там будут лучшими.

— Что ты меня пугаешь и что я могу сделать?

— Проанализируй свою жизнь за последний месяц. Не знаю, в силу чего, но ты оказался в центре. Тебя хотят использовать для последнего выстрела. Когда президента сменят, Дума самораспустится и начнется террор. Ты должен найти ключевую фигуру, ■

которую они держат за сценой, и обесточить ее.

— Убить?

— Если понадобится, то и убить.

Гуров взглянул Еланчуку в глаза и, медленно выговаривая слова, сказал:

— Совсем за дурака держишь? Я в таком случае не имею даже шанса остаться в живых. И вообще — все. — Он выставил ладони. — Я в политику не играю. Я опер криминальной полиции.

— Но ты нашел киллера.

— Ты доложил?

— Конечно, нет. Хочу взглянуть, зачем он нужен. Значит, играешь, Гуров? — Голос Еланчука неожиданно погрубел. — Я помню, что ты спас мне жизнь и из-за меня убили человека. Я долги отдаю, тем более такие.

— Я не сомневался. — Гуров хлопнул Еланчука по плечу и пошел по аллее один.

«Немногого мы добились, но кое-что имеется, — рассуждал Гуров, усаживаясь на скамейку. — Попробуем подвести итоги или, как любят выражаться начальники, проанализируем ситуацию. В министерстве появляется новый зам явно демократического направления. Уже странно. У нашего министра не должно быть таких замов. Это человек чужой. Допустим, его спустили из администрации президента, сказали, мол, не трогай убогого, пусть до пенсии доживет.

Возьмем как рабочий вариант... Но Бардин, во-первых, не убогий, во-вторых, сразу начинает с атаки. Ему нужен киллер. Возможно, я ошибаюсь и он прекрасно осведомлен, кто такой настоящий киллер. Тогда возникает ряд вопросов. Зачем генерал пытается сблизиться с полковником Гуровым? Зачем к делу привлекают женщин? Какую роль тут играет депутат Иона Доронин? Кого вообще представляют эти люди, этот «кружок кройки и шитья»? Имеет ли к ним отношение налетчик Захарченко? Это вряд ли. Плюнуть на них и забыть, да чуть подсказывает: туда ты лезешь, дружище, именно туда. Дамы — камуфляж и прикрытие, создающие атмосферу несерьезности, дилетантства. Но если Якушев в деле — значит, задействованы миллиарды. А такие деньги ставят только на корону, на Россию и более ни на что!»

И каждый раз Гуров, не зная, что предпринять, начинал танцевать от печки. Он вспомнил, что в «минуту страсти роковой» получил от Ирины ключ от квартиры и разрешение приходить без звонка.

«Взгляну на квартирку внимательно, — решил он, направляясь к машине, — а дальше жизнь покажет».

Бардин знал, что жена у сестры, поэтому, не заходя домой, отправился к свояченице, где, кроме сестер, присутствовали Иона До-

ронин и телевизионный комментатор Турин. Генерал догадывался, что между его женой и популярным телевизионщиком роман, но так как к жене он уже охладел и сам был не без греха, то держался с Туриним по-дружески. А Иона в свободное от заседаний время служил у Иринки прислугой за все. Бардин ревновал, но сделать ничего не мог: Ирина была женщина свободная и своевольная.

Генерал обрадовался, что хотя бы Гурова здесь нет, и включился в шумное застолье весело, хотя и почувствовал, что своим приходом прервал серьезный разговор.

Ирина подняла тост за Бардина, пожелала ему скорее стать министром.

— Я думал, ты ко мне лучше относишься, — отшутился генерал.

Все выпили, пытались найти подходящую тему, но разговор не клеился. Турин деловито взглянул на часы, поднялся, одернул твидовый пиджак.

— Я начинаю сегодня, только не ждите скандалов. Все будет интеллигентно, в полутонах.

Бардин понял, что эта фраза относится к прерванному разговору.

— Я не против полутонов, Александр, — неожиданно голос Доронина зазвучал резко, — но в вашей передаче должна быть четко обозначенная позиция.

— Я постараюсь. — Турин раскланялся, но не вышел, взглянул на Доронина.

— Заговоры — вещь не простая. — Иона Доронин тоже сделал общий поклон.

Алла подала знак сестре, чтобы та удержала гостя, но Ирина не шелохнулась, смотрела на происходящее насмешливо, несколько сторонне.

— На посошок, Иона. И попутного тебе ветра! — сказала Алла, налила два стаканчика виски, чокнулась с Дорониным.

— Алла, ты знаешь, мне нельзя!

— А мне можно.

— Пей, Иона, и ложись на диван... Не в первый раз, так что не стесняйся, — сказал Бардин.

Звякнул звонок, хлопнула входная дверь, портьеры распахнулись, и в гостиную влетел Гуров. Полковников с такой статью, посадкой головы, обаянием можно увидеть только в кино.

Он сделал скользящий шаг, опустил на одно колено, положил на руки Ирины букет роз, легко поднялся и поклонился каждому из присутствующих с таким видом, словно в обеих женщин он влюблен, а каждый мужчина здесь — друг детства и до гробовой доски.

Наступила неловкая пауза. Гуров, не обращая внимания, воскликнул:

— К черту постные мысли, господа! — Выставил на поднос фужеры, разлил шампанское, себе взял стакан с виски, второй случайно сунул в руки Доронина и сказал: — В меня промахивались множество раз, но

ни разу не промазали с метра. Можно сказать — рекорд! — Он сунул палец в дырку на рукаве. — Пусть они так стреляют и дальше.

— Счастье не бесконечно, — уныло произнес депутат. — Вы выглядите как мушкетер, да времена прошли.

— А люди остались. — Гуров низко поклонился Ирине, якобы случайно подхватил Иону под руку, и они шарахнули по стаканчику виски.

Шок от неожиданного появления Гурова прошел, все заговорили смелее, более естественными голосами. Но это не устраивало Гурова, и, отозвав Бардина, он негромко спросил:

— По вашей канцелярии прошла агентурка ФСК о создании группы переворота?

Бардин поперхнулся маслиной.

— Первый раз слышу.

— Не давал КГБ на своих разработок и век давать не будет.

— Но вы узнали.

— Я, извините покорно, — дело совершенно особое. То, что знаю я, далеко не на все столы попадает.

— Это почему же? — Пытавшийся ступать твердо, но уже покачивающийся, к ним подошел Доронин.

Гуров твердой рукой усадил депутата на диван.

— Посиди, потом мы с тобой в баньку махнем.

— Знаем мы нынешние баньки, — ус-

мехнулась Алла. — А вы развратник, Лев Иванович.

— Я мужик, со своими плюсами и минусами. — Гуров каламбурил, был в центре внимания.

Бардин подсел на диван к Доронину, сказал:

— Ты много пьешь, Иона.

Собравшийся было уходить, Турин вернулся к столу, налил в бокал шампанского.

— Не понимаю! — возмущался Гуров. — В центре города одна вооруженная группа уложила другую вооруженную группу мордами на асфальт, а главный политический обозреватель России пьет коньяк и плюет на соцзаконность.

— Но здесь находится замминистра внутренних дел, и вы, между прочим, человек не штатский! — вспыхнул Турин.

— Мы люди подневольные, подчиняемся приказам. Не знаю, что приказано Николаю Ильичу, а я выполняю оперативное задание.

— Сейчас?! Здесь?!

— Заглянул по дороге сообщить, что занял, — флегматично ответил Гуров, надевая легкий, не по погоде плащ. — Так что извините, Ирина, вынужден откланяться. — Он твердой рукой взял за локоть Доронина. — Идем, Иона, подброшу по ходу. Всем поклон! — Гуров низко поклонился и повел опешившего депутата к лифту.

Бардин, хотя и не был оперативником, ■

но сообразил, что Гуров уводит пьяного и, чем закончится их разговор, неизвестно. Генерал вышел следом, сказал:

— Ни к чему депутату в таком виде на людях показываться, пусть на диванчике вздремнет.

— Верно, Николай Ильич, — с удовольствием согласился Гуров. Он и не собирался увозить пьяного Доронина, тратить на него драгоценное время. Оперативнику надо было знать, велись «крамольные» разговоры в его отсутствие или не велись. Бардин дорогу преградил, выпившего политика забрал — следовательно, велись.

Стоя рядом с Гуровым, Бардин тихо спросил:

— А что там у мэрии делается?

— Понятия не имею. Бронежилеты, автоматы, полагаю, спецгруппы качают силу.

— А нам ничего не сообщили.

— Может, считают, что мы и так в порядке? — спросил Гуров, и в его голосе прозвучала издевка. — А может, мы недостаточно надежны? И других на асфальт укладывать не будем, сыро, однако, и сами не ляжем?

— Лев Иванович, как это у вас получается, что вы буквально обо всем говорите с шуточками?

— Николай Ильич, ежели о творящемся в стране рассуждать серьезно, давно пора стреляться.

— А как с вашим основным заданием?

Гуров удивленно поднял брови.

— Не понял? Я нашел подходящего парнишку, но ничего конкретного, агентурная болтовня. Рапорт у вас на столе третий день, решил, вы интерес потеряли. Правда, конкретного там мало чего есть, но подработаем, разберемся.

Бардин побледнел и, хотя их никто не слышал, зашептал:

— Сегодня в восемнадцать, доложите лично.

— Слушаюсь. — Гуров, хотя и был в штатском, лихо козырнул и вышел.

Когда дверь за оперативником закрылась, Бардин быстро прошел в спальню, снял телефонную трубку, набрал номер, не здороваясь и не представляясь, спросил:

— Говорить можешь?

— Так точно!

— Так он нашел человека?

— Никак нет, господин... — отвечавший запнулся. — Есть версии, слабенькие, предположительные.

— А он не морочит тебе голову?

— Пытается, но я владею большим объемом материала, ничего серьезного мимо меня пройти не может. Я говорил и повторяю, что в случае удачи он вам человека не отдаст, но у него пока ничего нет.

— Но, как ты считаешь, он найдет?

— Обязательно, и в ближайшие дни.

— Твоя судьба и жизнь в твоих руках. — Бардин положил трубку.

В отделе контрразведки положили трубку, и один из оперативников сказал:

— Раз Гуров на подходе, надо забрать у него весь материал. Мы не вчера родились, разберемся сами.

— Доложи, пусть решают, мы люди маленькие.

В своей квартире Бардин расхаживал по гостиной, смотрел на жену и свояченицу, которые сидели на огромном плюшевом диване, пили сок, курили, изображали независимость.

Бардин умел владеть собой и говорил мягко, задушевно:

— Да, девочки, признаемся, что Маты Хари ни из одной из вас не получилось. Не расстраивайтесь, живете вы неплохо, а до разбитого корыта мы не допустим.

— А что, собственно, произошло? — Жена смотрела с вызовом.

— Пустяки, дорогая. Мы не поддерживаем нынешнего президента, но мы не заговорщики, готовящие переворот, мы лишь обыкновенная ленивая оппозиция. Вы привели в дом этого, как его... — Бардин щелкнул пальцами. — ...Иону, заверили, что он ваш раб и будет держать нас в курсе закулисных событий.

Ирина лишь прикусила губу, а Алла откровенно расхохоталась.

— Иона — твой друг детства и привел его в дом ты, велел приласкать...

— Не стоит ссориться. Мы дружили сто лет назад, возможно, в первый раз в дом привел его я. Так, для развлечения. Но он оказался алкоголиком, влюбился, уж не знаю, в кого из вас, главное — изображает заговорщика, а нам это совершенно ни к чему. Тем более что он ярый поклонник президента, болтун и резонер.

— А кто уложил его в кабинете на диван?

— А ты хотела, чтобы я отпустил его, нетрезвого, с полицейским?

— А полицейского в дом пригласили тоже мы?

— Вы хотели познакомиться с действующим сыщиком. Просто познакомиться, а не крутить с ним любовь и не вести черт знает какие разговоры.

— Хорошо-хорошо, — Алла устало махнула рукой, — мы во всем виноваты, ты крутом прав, твоя репутация...

— Не будем утрировать, я лишь прошу, чтобы вы мягко с этим полицейским расстались.

Алла испытующе взглянула на сестру, но Ирина лишь равнодушно улыбнулась. Она только что решила, что еще переспит с Гуровым, но в данный момент холодный и расчетливый полицейский полковник женщину не интересовал.

Глава одиннадцатая

Хотя у Бардина никого не было, Гурова продержали в приемной около тридцати минут. Он не сердился, философски рассудив, что все, что ни делается, — к лучшему.

— Извини, — сказал Бардин, когда Гуров был допущен в кабинет, кивнул на кресло. — Было приказано изготовить один документ. Уверен, бумагу никто и читать не будет, но требуется немедленно. В общем, сам знаешь.

— Еще как знаю! — весело ответил Гуров, отметив, что стенографистки нет, а у генерал-лейтенанта нет обыкновенной пишущей машинки. Правда, имеется компьютер, но маловероятно, что Бардин умеет им пользоваться.

— Лев Иванович, давай по-честному... — Честный разговор замминистра решил отметить рюмкой коньяка.

Они искренне улыбнулись друг другу и выпили.

— Задание, которое ты выполняешь, не мое задание и не министра, его нам спустили сверху. — Бардин развел руками, усмехнулся. — Чего греха таить, решил воспользоваться вашими талантами, выслужиться чуток.

— Нормально, что же вам самому что ли бегать по Москве и киллера искать? — Гуров смотрел простодушно, чувствовал себя комфортно — нечасто удается говорить с замми-

нистра откровенно. Сыщик знал все, что скажет Бардин и что он, полковник, ответит, и, что из этого получится, тоже знал.

— Сейчас представилась возможность спихнуть весь тяжкий груз на плечи контрразведки.

— И слава Богу! — Гуров широко перекрестился.

— Они сказали, им достаточно дискеты, возможно, короткой беседы с вами. Вы не возражаете?

— Только приветствую!

Бардину показалось, что массивное кресло качнулось под ним — настолько неожиданна была для генерала реакция сыщика.

— Да я готов беседовать с коллегами сутки напролет, лишь бы избавиться от головной боли, — радостно продолжил Гуров.

— И прекрасно! — Бардин чуть было не протянул руку для прощального рукопожатия, но вспомнил, как по телефону заверили, что Гуров выйдет на киллера непременно и в ближайшие дни. Значит, полицейский собирается спихнуть пустую породу, а золотник оставить себе.

— И прекрасно! — повторил Бардин, но прежнего энтузиазма не добрал.

Гуров понял, что «зайцем» проехать не удалось, однако на его спокойном чеканном лице не промелькнуло и тени.

— Я завтра доложу, пусть решают. Надеюсь, очень скоро, Лев Иванович, мы будем ■

подыскивать для вас более перспективное и интересное задание.

— Будем надеяться, — сдержанно ответил Гуров, пожал начальственную руку и пошел к дверям.

— Добрый вечер, друзья, — сказал Гуров, входя в кабинет Орлова, где на стульчике, съезжившись, словно командированный, подремывал Крячко. — Чуть было не обыграл начальство в подкидного. Но они внезапно бросили карты и произнесли заветное: «Чурчур, я больше не играю».

Орлов пробормотал что-то про горбатого и могилу. Станислав, оказалось, не дремал вовсе, хитро поглядывал на друга.

— Хотел спихнуть дело «соседям»? Бардина-то ты объедешь, но ребят из контрразведки — никогда. Там работают нормальные, опытные мужики.

— Удивляюсь, как вы не устали друг от друга. — Орлов постучал короткими пальцами по столу. — Если человек покупает ружье, он собирается стрелять, а не забивать им гвозди. Киллер нужен, чтобы совершить серьезное политическое убийство. Мы это знаем, они это знают и знают, что мы знаем. Этакая детская считалочка. Значит, некто желает забрать найденное нами оружие и расстрелять неудобных. И оружие ■ должно быть безукоризненно убедитель-

ным. Чтобы из него уже ранее убивали, чтобы нашли его не исполнители, а менты, от политики далекие. Тогда люди, узнав о новом убийстве, воспримут его обыденно, не заподозрят, что это тщательно подготовленная акция. Все отлично продумано. Есть две опасности. Первая, — генерал ткнул пальцем в Гурова.

— Полковник Гуров киллера не отдаст.

— Верно, но данный момент наверняка учтен, и киллера заполучат, используя результаты работы полковника без его согласия.

Гуров и Крячко переглянулись, они забыли, что генерал не в курсе, что киллер уже выявлен, но никто об этом не знает.

— Допустим, — согласился Гуров.

Крячко опустил взгляд, понял, что друг не хочет раньше времени информировать начальника, чтобы в случае неудачи не подставить его под удар. Одно дело — утаивание информации оперативниками, другое дело — участие в этом начальника главка. Оперов дальше фронта не пошлешь, а генерал, обманывающий министра, — уже криминал. Верхним чутьем Орлов почувствовал, что «ребята» темнят, взглянул строго, но через несколько секунд взгляд его стал беспомощным. Крячко было дрогнул, хотел уже пойти в сознанку, но Гуров резко сказал:

— Если мы не будем верить друг другу, ■

пора доставать гамаки и удочки. Петр, если ты не веришь мне, то кому ты веришь?

Ложь была столь наглая и произнесена так уверенно, что Крячко начал без нужды сморкаться, прикрывая лицо платком, а Орлов смутился и пробормотал:

— Ну, извини, Лева, бес попутал.

— Когда он тебя в следующий раз начнет путать, ты меня уволь к чертовой матери, но не оскорбляй! — Гнев Гурова был столь искренен, что Крячко утер глаза, а Орлов сказал:

— Ладно-ладно, ты в ангела не рядись, я извинился, и забудем. А кто тебе будет безоговорочно верить, тот сам дурак. — Генерал довольно хмыкнул, но было ясно, что данную дезу он проглотил. — Как далеко тебе до киллера?

— Руку протянуть.

— Лень или стесняешься? — поинтересовался Орлов.

— Если я протяну, то и другой протянет, а я не хочу, чтобы меня использовали как уличную девку. Зачем понадобился киллер, кому понадобился?

— Пока ты выжидаешь, ты ничего не узнаешь. Ты имеешь дело с контрразведкой...

— У которой тысяча дел, — перебил Гуров.

— Мальчик-журналист... — неожиданно сказал Крячко. — Они поклялись прилюдно, что найдут его убийцу до Нового года. У них осталась неделя.

— У них Чечня, Грозный, Дудаев и внутренние склоки...

— И честь мундира, — упрямо возразил Крячко. — Теперь я точно знаю, зачем им нужен киллер. Они спишут на него все свои «висяки».

— Когда заказывали киллера, этот мальчик-журналист был жив и депутат Думы был жив. — Гуров возражал вяло, в его голосе не было привычной уверенности и агрессивности. — В любом случае это их головная боль, от меня они ничего не получают.

— Не надо иметь аналитический отдел, достаточно одного сообразительного опера, чтобы в январе предсказать, что вскоре произойдут тяжкие убийства и понадобится козел отпущения.

— Так и искали бы его сами. — Гуров зевнул, и Крячко понял, что друг на пределе, нервничает, ему следует несколько часов поспать.

— Лев Иванович, давай я тебя отвезу, переночую у тебя, свербит, беспокойно мне, — сказал Крячко.

— Они меня сейчас не тронут, рано. — Гуров поднялся. — Но коли ты просишь...

Орлов подмигнул Крячко, согласно кивнул.

— Кстати, у меня сейчас случайно в твой район идет патрульная машина, вас проведут.

— Петр Николаевич, я тоже люблю случайные совпадения. — Крячко поднялся. —

Мы оставим машину полковника у министерства, пусть попозднее специалисты осмотрят ее, случайно, для тренировки.

Известно, что от Житной, где располагается МВД, до Суворовского бульвара, где живет Гуров, и без сирены ехать всего ничего.

Когда Крячко тронулся со стоянки, его «мерседес» профессионально взяли в клещи две патрульные машины с огнями на крыше и требовательными голосами. Одна ментовская машина шла слева и чуть впереди, другая позади и на полкорпуса правее. Эскорт двигался вежливо, не разгоняя окружающих, но опытные московские водители сами освобождали дорогу, ехали быстро.

— Господин полковник, вы случайно не член президентского совета? — спросил Крячко.

— Нас «ведут» профессиональнее и вежливее.

— Что это Петр расщедрился, у нас министра хуже возят. Слушай, Лев Иванович, если ты из ментов уйдешь, шагай прямиком во МХАТ, врешь ты ну исключительно достоверно, у них это перевоплощением называется. Я впервые увидел, как Орлов лопухнулся.

— Погляди вокруг себя, Станислав. — Гуров вздохнул. — Да ни одному моему слову
■ Петр не поверил.

Крячко долго молчал, взглянул на машины сопровождения, нутужно кашлянул, спросил:

— И что, мы теперь все время так ездить будем?

— Нет, представление разовое, чтобы мы не забывали, с кем имеем дело, и, если война еще не началась, так через пару минут начнется. А роль Гамлета отведена полковнику Гурову.

— Все такие умные, я-то здесь с какого края? — пробормотал Крячко.

— Не прибедняйся, скажи, какой главный вопрос хотел задать, но не задал наш генерал?

— Имеется киллер — значит, существует и хозяин, который руководит и платит. Контрразведка при ее возможностях найдет хозяина и выйдет через него на киллера. Вопрос: а что делать с полковником Гуровым? Он в таком раскладе совсем лишний.

— Видишь, какой ты умный.

Крячко остановил машину у подъезда, в котором жил Гуров. Сыщик распахнул дверцу, но не вышел. Одна из патрульных машин остановилась впереди, другая сзади. Гуров не выходил из машины. Крячко смотрел удивленно, молчал. Гуров болезненно поморщился, сказал:

— Нервы ни к черту, — и вышел из машины.

Внимательно осмотрев дверь своей квартиры, Гуров устало усмехнулся:

— Что они хотят у меня найти? — Он отпер тяжелые сейфовые замки, пропустил Крячко, запер засов. — Мельчает народ. Я знавал человека, который такие замки открывал, как свой кошелек. Значит, ко мне лезет не комитет, у них специалисты остались, а кто-то иной. Нам только и не хватает таинственных незнакомцев.

Крячко дремал в кресле. Гуров разложил газеты, отчеркивал некоторые строки.

— Союзников у президента все меньше.

— Всех продал. — Крячко не открывал глаз. — Давай организуем пожрать и выпьем по стакану.

— Организуй, — ответил Гуров, снимая трубку — зазвонил телефон. — Слушаю. Спасибо, и вас с Рождеством, дорогая, и не пытайтесь изменить голос, не получается.

— Я хочу тебя видеть, — сказала Ирина.

— Я рад бы, да сегодня не могу. Позвони утром, часиков в восемь.

— Что? — Ирина чуть не поперхнулась. — Я что, фабричная девчонка? Я в восемь сплю, черт тебя подери!

— Тогда спасибо за звонок и спокойной ночи!

— Хам, мужик, мент!

— Устами женщины глаголет истина.

— Включи телевизор, через пять минут будет говорить Сашка Турин, прислушай-

ся, мент, может, и в твоей голове здравая мысль появится.

— И за что ты в меня влюбилась, не пойму. Ну ничего, будем терпеть. Целую, спасибо за звонок. — Гуров положил трубку, включил телевизор.

Турин, как всегда, был обаятелен, ненавязчив и до неправдоподобия объективен. Казалось, он не сказал ничего нового, лишь однажды Гуров насторожился, когда комментатор сообщил, что последний опрос общественного мнения показал, что в результате войны в Грозном президент теряет популярность, а Бесковитый набирает очки и они на сегодня котируются на равных.

— Дожили! — Крячко легко вскочил. Гуров всегда завидовал способности друга мгновенно переходить из одного физического состояния в другое. Сам Гуров был способен быстро встать или лечь лишь в минуты опасности, обычно он, прежде чем двинуться, вздыхал, внутренне собирался и, как ему казалось, передвигался медленно и тяжело.

Пельмени, красивая, свежерозовая безвкусная ветчина иностранного происхождения — дежурный ужин холостяков друзья украсили рюмкой водки.

— С Рождеством Христовым! — Крячко встал, Гуров махнул на него рукой.

— С Рождеством, Станислав, — и вздохнул. — До чего же надоела эта окаянная жизнь! Надо чаще смотреть в «ящик», видеть

больше несчастных людей, тогда к себе жалости поубавится.

— Верно! Ты живешь в роскошной квартире со всеми удобствами, сытно ешь, вкусно пьешь, стреляют в тебя не каждый день. — Крячко говорил беспечно, шутовски, но смотрел на друга серьезно.

Выглядел Гуров плохо, резче обозначились скулы, под глазами залегли тени, правда, глаза от этого стали ярче, голубее, словно у киногероя.

— Борис Галей — убийца, слов нет, но и злости у меня на него нет и брать его никакого желания...

— Да и на сей момент предъявить ему нечего, — перебил Крячко.

— Если бы никто не мешал, дал поработать спокойно, то одно убийство я бы ему доказал обязательно. А так ни азарта, ни куражу... Чую, лишь мы с убийцей определимся, приблизимся, как появится востроносенький чиновник с бумаженцией. Мол, уважаемые менты, благодарствуем, работу вы проделали огромную, пришел наш черед. И куда заберут парня и что ему навешают, узнаем мы из газет и от ласкового телекомментатора.

— В первый раз? — Крячко наполнил рюмки.

— Что-то в этом деле особенно нечестное и подлое, а мы с тобой, Станислав, главные закоперщики. Не хочу я работать! Не хочу! — Гуров говорил спокойно и ладонь

опустил на стол вроде без особой силы, но посуда запрыгала, свою рюмку Крячко спас просто чудом и, чтобы больше не рисковать, быстро ее выпил.

— Ты вроде как убийце сочувствуешь. Или он убил случайно одного и по недоразумению?

— Не случайно и не одного, но судить человека следует только за совершенное и доказанное, а не за то, что властям надобно, а я чую...

— И заткнись! — вспыхнул Крячко. — Откуда ты такой совестливый взялся? Я бы тебе напомнил из твоей биографии недавнее совсем...

— Я лучше твоего свои грехи знаю! — перебил Гуров. — Я про себя такое знаю... — Он тоже выпил.

Крячко взглянул на часы, вновь наполнил рюмки.

— Дорогой Лев Иванович, желаю тебе здоровья. Сколько бы ты ни грешил, добра ты совершил значительно больше, чем зла. Если Бог есть, он видит! С Рождеством тебя! Да сопутствует нам удача!

— Госпожа Удача! — поправил Гуров. — Не понимаю, почему ты о Рождестве говоришь? Я всегда считал, что Рождество после Нового года, седьмого января, кажется.

— А вся Европа отмечает сегодня, двадцать пятого декабря, — ответил Крячко.

— Давай, как в Европе, — согласился Гуров. — Главное, чтобы сопутствовала удача.

— Ты лучше поспи, приведи себя в порядок и позаботься о госпоже. Когда ты в форме, у тебя здорово получается.

Сыщики дружно сплюнули через левое плечо, рассмеялись и пошли спать.

Как и предсказывал Крячко, утром Гуров поднялся уверенный, решительный и злой. За завтраком Станислав лишь взглянул на него, согласно кивнул и сказал:

— Ну, а теперь мы поглядим, кто кого или, как говаривали в детстве, «кто у нас выше на стенку писает?».

— И где ты откапываешь подобные выражения?

— Из детства, шеф, исключительно из детства. У меня память хорошая. С чего начнем?

— Нормально начнем, поедем на службу.

Когда они вошли в кабинет, Артем уже возился с компьютером.

— Здравия желаю! — Он привстал.

— И тебе хорошего аппетита, — ответил Крячко.

Гуров молча пожал парню руку, прошел за свой стол, сказал:

— Закрывай свою технику, я тебя, парень, перепрофилирую. Пару дней побегаешь по городу, мне нужен никому не известный оперативник.

— Как скажете, Лев Иванович, боюсь, толку от меня будет мало, я ведь оперативному делу не обученный.

— Все академики учились читать, так что не бойсь — непосильного я на тебя не нагружу.

Гуров решил обострить ситуацию, больше не выжидать и перейти в наступление. В позиционной борьбе на выигрыш рассчитывать глупо. У тебя одна голова, у противника несколько, вооружены они получше, если они тебя не прихватят в одной ситуации, обязательно прихватят в другой. Надо их заставить суетиться, нервничать, тогда с их стороны возможна ошибка. Главное — выяснить, что конкретно они задумали, и начать драку, а там видно будет.

Станислав Крячко работал за своим столом, делая вид, что все происходящее в кабинете его совершенно не касается. Он понятия не имел, что задумал Гуров. Главное, Крячко удивляло, что в напарники друг берет мальчишку, без знаний, без опыта. Как казалось Станиславу, Гуров и относился к Артему с прохладцей, вроде бы даже не очень и доверял ему.

— Я готов. — Артем Ермаков одернул пиджак, вытянулся.

Гуров сидел за своим столом, задумчиво смотрел в окно, затем, приняв решение, сказал:

— Мы большие и очень умные, но береженого и Бог бережет. Тебя-то, мальчик, не тронут, а мне следует перестраховаться, написать завещание. Садись на место, заряжай свой дьявольский аппарат, я тебе продиктую.

— Значит, так... — Гуров закурил, взглянул на сидевшего напротив Крячко, и ему почудилось, что в ясных голубых глазах друга поблескивают огоньки, словно черти водят хороводы. — В прокуратуру России, — начал диктовать Гуров. — Редакторам газет «Известия», «МК», «Литературная газета»... — Неожиданно он замолчал, в сомнении потер подбородок, спросил: — А ведь все это в памяти машины остается?

Артем, копируя Гурова, пожал плечами и ответил:

— Обязательно, господин полковник! Однако дискету можно изъять.

— Можно. — Гуров поморщился. — А хранить ее где, да и в конце концов и тебе раньше времени лишнего знать необязательно. Чего губу отвесил? — усмехнулся Гуров и кивнул на Крячко. — Вот полковник не знает и знать не хочет, потому как любит себя, семью и никуда не торопится. Сотри все к чертовой матери. Жди, я недолго. Я сам все в одном экземпляре изготовлю, отпечатаю и до времени припрячу.

Гуров вышел. Крячко отвернулся к окну, боялся, что усмешка его выдаст. Он понял:

Лева все это время валял дурака. Зачем, почему — непонятно. Полковник Гуров старший, а с горки виднее.

Гуров за рулем, Ермаков рядом, катили не спеша по бульварному кольцу.

— Вчера технари с моей машины сняли «маяк», — объяснял Гуров. — Значит, некто очень интересуется моей скромной персоной. В такой толчее, — он глянул в зеркало на поток ползущих машин, — не разберешь, есть кто за нами, нет ли. Мы сейчас слегка проверимся, но, если нами интересуются люди серьезные, то все наши проверки лишь дамские шалости.

Асфальт покрыл толстый слой жидкого снега, водители обменивались короткими гудками и были не по-русски вежливы. Подъезжая к Трубной, Гуров увидел прогал в сплошном потоке, непрерывно сигналиа, нарушая все правила, бросил машину вперед, сопровождаемый матом и визгом тормозов, развернулся и двинулся назад, к Петровке, проскочил Пушкинскую, свернул на Тверскую, у светофора пришлось притормозить.

— Ну вы даете, Лев Иванович! — восхищенно шептал Артем. — Если кто за нами и следовал, наверняка потерял, а в такой толчее уже не достанет.

Гуров согласно кивнул, хотя придерживался иной точки зрения. У Белорусского ■

он свернул на маленькую дорожку, обогнул гостиницу «Советскую» и припарковался.

— Здесь мы временно расстанемся, продолжим путешествие на своих двоих. Ты идешь к спорткомплексу ЦСКА и ждешь меня час. Я должен обязательно прийти, коли нет — возвращаешься в контору. Мне надо встретиться с человеком, переговорить. С Богом! Следи, чтобы на тебе не повисли. — Гуров хлопнул Артема по плечу, запер машину и, не оглядываясь, вошел в гостиницу.

Артем потоптался на стоянке, затем неторопливо двинулся по переходу на другую сторону проспекта.

Гурову повезло. Когда он подошел к дверям квартиры Галеев, на площадку вышли трое подвыпивших парней, Александр, опираясь на костыли, стоял на пороге.

— Привет, парни! — Гуров показал Галею удостоверение и, не раскрыв, убрал. — Я ваш новый околоточный, познакомиться заглянул.

Парни деловито попрощались и исчезли. Саша был вынужден Гурова пустить, не произожди такой встречи, не открыл бы дверь. Хотя какие документы показывай, Александр незнакомых не пускал.

Гуров отряхнулся на площадке, снял ботинки, поставил в калошницу, оглядел хомы и произнес:

— Ну, вы даете, парни! — надел тапочки, прошелся по шикарной гостиной. — То-то все говорят, мол, отхватили Галеи у «МММ», те и разорились в момент.

Александр ничего не ответил, прошел на кухню, загремел посудой. Гуров опустил руку в карман, нащупал миниатюрный аппаратик для подслушивания, оглянулся, решая, куда бы его прилепить, понял, что парнишка за ним наблюдает. Судя по всему, дверь на кухню, искусно сделанная из резного дерева и черного стекла, была с обратной стороны прозрачной. Болезненно худой, строптивый, видимо, физически сильный, младший Галей вызывал симпатию, как всякий тяжелобольной, который несет свой крест достойно, без жалоб, не требуя сочувствия посторонних.

Наверное, он и с братом держится так же, подумал Гуров, вынимая из кармана сигареты и зажигалку. Неужели он соучастник? Судя по собранным о братьях сведениям, они были очень дружны, оберегали друг друга. Возможно, Борис о своих подвигах не распространялся, но и задвинуть брату такую туфту с «МММ» тоже не смог бы.

— Саша, в доме курят? — громко спросил Гуров, хотя отлично видел пепельницу с окурком, которая стояла на журнальном столике.

Александр вернулся в гостиную, держа под мышкой костыль, в другой руке ловко нес поднос с кофейником и чашками, опус-

тил все на столик, подвинул Гурову, указал на пепельницу.

— Болтуном тебя не назовешь, — сказал Гуров, разливая кофе, глянул на сухое, жесткое лицо хозяина.

— С детства такие. — Галей говорил о себе во множественном числе. — От слов одни неприятности. Вы к чему зашли, господин полковник? Вопросы какие? При вашем опыте красится под околоточного — только себя и людей обижать.

Гуров не то чтобы опешил, но на мгновение растерялся. По его мнению, Александр Галей никак не мог знать в лицо полковника Гурова. Он неторопливо отпил кофе, поставил чашку, закурил.

— Так при людях представлялся... — Гуров миролюбиво улыбнулся, но Галей дружественного тона не принял, смотрел холодно. — Зачем округе знать, что к вам высокие чины навещаются?

Галей сморгнул, слегка оттаял — мент рассуждал здраво.

— Давай к делу, Лев Иванович, мне кухарить надобно, обед не готов.

Гурову стало ясно, что его приметы называл Михаил Захарченко, когда, выполняя его, сыщика, задание, побывал тут недавно.

— Коли торопишься, скажи, Михаил давно был?

Галей с минуту не отвечал, решая, что признавать, от чего отпираться, понял, что гость

слишком умен, лишних неприятностей искать не следует, и ответил:

— На прошлой неделе, — и, как бы оправдывая свою откровенность, пояснил: — Тигр не заглянет в курятник случайно — значит, по следу идет.

— Значит, опоздал я. — Гуров кивнул. — Мишка ваш, хоть и обидел меня, даром не нужен. Я знаю, как он от меня убежал, была с ним разборка. Вот те разборщики меня сильно интересуют. «Авторитеты»! — Он длинно выругался. — Бросили пацана под меня и по углам хоронятся.

Гуров замолчал, погладил якобы раненую руку.

— Ну, я выяснил, кто есть кто на Масловке, назвали вас, так и заглянул.

Гуров был доволен собой. Слухач он изловчится и прилепит, а причина появления звучит более чем убедительно. Напрасно он радовался, с этого визита он начал проигрывать, неумолимо проигрывать, сначала позицию, затем потеряет фигуры и так вплоть до практически матовой ситуации.

Привык Гуров к своему постоянному интеллектуальному превосходству над противником, нарушил чуть ли не главную заповедь оперативника-розыскника: «Если ты что нашел, разгадал, хоть из-под земли достал, всегда будь готов к тому, что то же самое способен сделать и другой человек».

Глава двенадцатая

Неподалеку от дома, где жили братья Галеи, между двумя грузовиками стояла заляпанная грязью по самую крышу старенькая «волга»-такси.

В машине, кроме дремавшего водителя, сидели два немолодых, одетых под провинциалов оперативника контрразведки. Были они голодны и злы, но за домом следили внимательно, хотя и были к заданию настроены скептически.

— Ежу ясно, что пустышку тянем, — сказал один, опустил боковое стекло и сплюнул. — Начальство нашими лбами хочет стенку прошибить. Нет тут этого мента, не было и не будет.

— Позвони полковнику, объяви, что он двинулся и ты своей властью наблюдение снимаешь.

— Найди кого дурей, мне и так чуть ли не на год звание задерживают. — Оперативник схватил приятеля за плечо, — Вот он! Сукой быть, он! Точно! — и указал на Гурова, который, придерживая дверь подъезда, выкатил детскую коляску, а другой рукой поддерживал под локоток молодую мамашу.

Коляска и молодая женщина не были заготовкой. Гуров столкнулся с ними на лестнице, помог спуститься, выйти на улицу. Перед уходом из квартиры Галеев сыщик

ник и пепельницу из гостиной на кухню, а на обратном пути прилепил передатчик к основанию новомодного торшера.

Гуров в ответ на благодарность молодой мамыши чмокнул засмущавшуюся женщину в щеку, прострелил внимательным взглядом улицу: не двинулась ли какая машина, не вышел ли кто из-за угла или из подъезда, и, довольный собой, отправился к стоянке, где оставил свою машину.

Оперативники забыли про усталость, голод и злость и «тупое» начальство. Они передали в контору, что «ведут» мента и просят поддержки. Они знали, насколько опытен и осторожен милицейский «полкаш», понимали, что одним им не справиться.

Гуров шел по улице, перешагивая через ручьи, «смотрел» улицу, думал о братьях Галеях, прикидывая, что удастся доказать старшему, а что не удастся и какова будет судьба младшего.

Как ни опытни были «ведущие» его оперативники, не будь Гуров так доволен собой и рассеян, он засек бы наблюдение. Но сыщик думал об ином и потому ничего не заметил.

Предоставив братьев их судьбе, Гуров начал размышлять о людях, которые за ними стоят, и о том, чего конкретно эти люди добиваются.

Он прошел мимо своей машины, оглядел стоянку, проследил, кто подъехал, кто собирается отъезжать. В принципе его уже

не волновало, следит за ним наружка или нет. На сегодняшний день он свою задачу уже выполнил. Гуров считал, что его ход с Артемом Ермаковым удался. Если за ними следили, то здесь, где они расстались, наблюдение должно былоделиться и перестроиться. Пока согласовывали, пока то да се, он по заранее проложенному маршруту ушел к дому Галеев, а дальше хоть трава не расти. Ну никак сыщик не мог представить, что его «зацепят» при выходе из дома.

Наблюдавшие за Гуровым оперативники сели в подъехавшую машину, связались с начальством.

— Ведем наблюдение, находимся... — начал докладывать опер, которому упорно задерживали присвоение очередного звания.

— Знаю, — перебил начальник. — Бросайте его к такой-то матери, возвращайтесь. А ты, майор, смахни слезу, считай, что уже подполковник. Хотя ты и скрыл, что прошляпил приход Гурова, но раз засек выход, то заслужил.

Полковник контрразведки Игорь Трофимович Ильин прекрасно знал Гурова. Несколько лет назад они работали вместе по одному делу, даже приятельствовали. Контрразведчик был на год старше Гурова, внеш-

ностью походил на генерала Орлова. Среднего роста, полноватый, глаз под нависшими бровями и не разглядишь. А характером походил на Гурова. Имея свою точку зрения, начальству не поддакивал, оперативником был классным, в результате его терпели, присвоили звание полковника, давали самые неперспективные дела.

Когда контрразведке поручили заниматься делами организованной преступности и коррупцией, Ильина назначили начальником отдела. Мол, шибко умный и с начальством вечно не соглашаешься, доказывай, сколько ты стоишь на самом деле. Он отнесся к назначению спокойно, прекрасно понимая, что его подставляют, готовят козла отпущения. Работать контрразведке с профессиональными преступниками было очень трудно, иная ориентация, отсутствие в среде агентуры, но Ильин сумел перетащить к себе несколько опытных ментов из уgro. Гурова не позвал, хотя и знал, что тот сыщик из лучших. Если один раскачивает лодку, это еще полбеды, но, коли мы займемся таким делом вдвоем, пойдем ко дну раньше, чем успеем нацепить спасательные пояса. Но о них необходимо побеспокоиться заранее, иначе утопят, как котенка.

Когда высокий начальник, который разбирался в делах на основе информации, вычитанной в лживых рапортах, да на виденном в кино, спросил:

— Ну, как будем жить, Игорь Трофимо-

вич? Пора готовиться к переходу на новое место?

— Вы молоды, у вас друзья, связи, — ухмыльнулся Ильин. — Не удержитесь здесь, вам место всегда найдут. Я послужу пока, а там и пенсия, и место консультанта в тихой воровской заводи. Никто умышленно нас топить не будет, жизнь сама наложит более чем достаточно. Надо подготовиться, и я знаю, как именно.

Ильин изложил свой план:

— Нужен профессиональный киллер, которого бы мы держали в руках, про запас. Когда прозвучит команда: «Всем за борт!», мы свалим на него главный груз, много не надо, два-три громких заказных убийства. Но мне нужна ваша помощь и поддержка ваших высокопоставленных друзей из команды президента.

Так в милиции появился сначала генерал Бардин, затем без разговора вернули в строй полковников Гурова и Крячко, которые и получили несколько озадачившее их поручение.

— Гуров найдет, я его знаю. Он парень талантливый, малость не от мира сего, — сказал около года назад Ильин. — За ним надо внимательно приглядывать, потому как он с норовом, и откровенничать с ним нельзя.

Отношение контрразведчика к розыскнику было отнюдь не однозначным. На первом месте, пожалуй, стояла зависть. Гуров был таким, каким Ильин быть хотел, но не

хватало силенок и дерзости. Ильин упрощал сыщика, считая его превосходным профессионалом, не отягощенным балластом совести и сомнений. Кот, который безукоризненно ловит мышей, всегда и всем нужен, поэтому свободен, дело его всегда правое, так как грызуны есть зло. Он далек от политиков, не ловчит, карты не передергивает, смел, силен, удачлив, потому и среди своих, и среди чужих в авторитете.

«Ну, ничего, — рассуждал Ильин, — мы тебя уважаем, но твои белые одежды слегка говнецом и кровью испачкаем, а то уж больно ты необычен, все в дерьме, а Гуров всегда в свежей рубашке и при галстуке».

Контрразведчик побеспокоился и получил копию с дискеты, на которой Гуров собирал отфильтрованную информацию. Сначала Ильин информацию о Галеех пропустил, но, когда жена Бардина, он сам, его свояченица и телевизионщик Турин стали упорно повторять, что Гуров хотя и не говорит, что достиг результата, но держится уверенно, как победитель, Ильин ответил, что Гуров всегда так держится. Однако сомнения появились, контрразведчик заново просмотрел весь полученный материал и выловил из него то, что уже знал Гуров. И школу КГБ, и судимость, и смерть Исилина, и прочее, и прочее. Возможно, Галей — сделал вывод контрразведчик и установил за ним наблюдение.

С наружкой Ильин опоздал, депутат Сив-

ков уже был убит, киллер отдыхал, кроме успеха в «МММ» и свалившихся на братьев колоссальных денег, ничто гипотезу контрразведчика не подтверждало. Но он был профессионал, потому упрям, знал, что даже крупница золота не валяется под ногами, ее следует добывать.

Когда Гуров снял Артема Ермакова с компьютера и начал с парнем кататься по забитой транспортом Москве, контрразведчик распорядился с ментов и Бориса Галея глаз не спускать и на всякий случай присмотреть за домом братьев. Если честно, то Ильин не верил, что наблюдение что-либо даст, но чем черт не шутит. И черт пошутил...

Теперь ясно — Гуров остановил свой выбор на Борисе Галее и доказательств у сыщика нет. Будь ты трижды гений, но из воздуха улики не слепишь, а Гуров не тот человек, чтобы передергивать. Если бы у мента хоть малейшая зацепка была, Галей бы уже сидел в камере. Гуров никогда не позволил бы убийце разгуливать на свободе.

Раз у Гурова нет, так и мне не раздобыть, размышлял Ильин, будем ждать вместе, а потом — кто быстрее. Тут одними мозгами не победить, а людей и техники у меня поболее. Главное — точно рассчитать и выхватить у Гурова добычу вовремя: ни часом раньше, ни минутой позже.

Полковник Ильин имел дело только со своим начальством, но чувствовал: за ним ■ наблюдают и ждут результата с самых вер-

хов. Что верхам надо, контрразведчика не интересовало. За долгие годы он усвоил закон: что требуется, тебе скажут, а что не говорят — значит, тебе знать то не следует, ежели догадался, виду не подавай. Тебе платят за то, что ты чистишь хозяйские туфли, а каков покрой брюк — не твое собачье дело, за то иные люди в ответе.

Зачем Гуров заходил к Галеям? Тоже мне загадка! Нет у него ничего, заглянул, прилепил микрофон, вдруг что выловится. Шарит мент в потемках. Логическую цепочку вытянул, а в прокуратуру нести нечего. Поставил микрофон? Ну и черт с ним, пусть слушает. И контрразведчик дал команду поставить у Галеев еще один микрофон, слушать вместе.

Ильина пригласили к руководству, где он увидел парня из команды президента, неловко изобразившего, что оказался у руководителя контрразведки совсем по иному вопросу и дела генерала и неуклюжего полковника совершенно не интересуют высокого чиновника.

Генерал и чиновник были выращены в одном гнезде, разговаривали между собой на «ты», держались свободно, нарочито беспечно. Генерал встретил полковника дружелюбно, но с гостем не познакомил.

— Проходи, Игорь Трофимович, присаживайся. Мы тут ждем важного звонка, я пригласил тебя узнать новости, заодно продемонстрировать верхам, что не бездельни-

чаю. Докладывай, что у тебя по Гурову, киллеру и прочие новости. А ты, Олег, полистай журнальчик, к разговору не прислушивайся — он тебе неинтересен.

Ильин доложил коротко, ничего не приукрашивая и своих заслуг не подчеркивая.

— Молодец, пора тебе присваивать генерала, но, как сам понимаешь, дело это непростое и не только от меня зависящее. Значит, ты просчитал, угадал, где Гуров может появиться. Отбросив второстепенное, можно сказать, что вы зверя обложили, но доказательств, что он действительно зверь, добыть не удастся. Ты, Игорь Трофимович, напиши подробный рапорт на мое имя. Тебя мои слова в отношении непричастности гостя к нашим делам, конечно, не обманули. Работой твоей интересуются очень большие люди. Я знаю, ты человек умный и потому все отлично понимаешь.

— Меня от дела отстраняют? — прямо спросил Ильин. — Написать рапорт и забыть?

— Не будь проще штыковой лопаты! — неожиданно выпалил генерал. — Когда надо, я тебе все скажу, а пока иди, пиши рапорт.

Когда Ильин вышел, чиновник сказал:

— Я был уверен, что старый кагэбэшник не годится для тонкой работы.

— Он корову заловил, выдоил, а тонкая работа — это сливки снимать. Я тебе говорю, этот мужик большая умница, а ты бу-

дешь самонадеянный дурак, если влезешь в дело раньше времени. Учти, на той стороне стоит Гуров.

— Да что ты меня этим ментом пугаешь? — Чиновник тоже повысил голос. — Коли он такой неудобный, так уберите его к ейной матери. Мы что, государственное дело будем ставить в зависимость от прибабахов милицейской пешки?

— Ты не забывайся! Гуров не пешка, а один из лучших сыщиков России, такого, как ты, сожрет и костей не выплюнет. Так что жди и не подставляйся. У тебя достойных специалистов для завершения дела нет и быть не может. Когда ваш час придет, я сообщу, мне ваша головная боль ни к чему.

— Ни к чему? — Чиновник хитро улыбнулся. — Ты, значит, за так стараешься?

— За просто так даже воробьи не чирикают. Если ваша возьмет, придется нашу фирму вновь перетряхивать, тогда и обо мне вспомните. Руководители спецслужб — не грибы, по два раза в год не растут. Я давно понял: буду нужен — место найдете, а нет, так виляй хвостом, не виляй — все одно.

Еланчук и Гуров сидели в маленьком частном кафе. Первый пил кофе, сыщик — водку, которую подливал себе в стакан из фляжки «Смирновской». Официантка было подошла, сказала: мол, с собой приносить не положено.

— Ты меня прости, девочка, — ответил Гуров, — у меня настроение, а денег нет. Извини.

Клиенты выглядели солидно, были абсолютно трезвы, девушка дернула плечиком, вскоре принесла графин с соком, поставила перед Гуровым.

— Миллионеры небось, шутить изволите.

— Спасибо, родная, — ответил Гуров. — Может, ты и права, сам я не знаю, кто я такой.

— Тебя не назовешь жизнерадостным, — сказал Еланчук флегматично.

— Сегодня жизнерадостным может быть либо дебил, либо проходимец. — Гуров глотнул прямо из горлышка. — У тебя конспиративная квартира есть, у меня имеется, однако хоронимся мы, всего боимся. Так как любому ежику в лесу ясно, что явки наши прослушиваются, причем, кем прослушиваются — неизвестно. Одной конторой, а может, и двумя одновременно — тоже неизвестно. Кому мы с тобой служим, Юра?

— А что изменилось за неделю? — удивился Еланчук. — Я тебя в таком миноре в жизни не видел.

— А ничего не случилось. — Гуров вновь отхлебнул из фляжки. — Вчера по телевизору послушал правителей — ничего нового. Говорить разумно либо случайно правду сказать они не научились. Мой министр выглядел особенно убедительным. Так мне слу-

жить захотелось, удержу нет. Я сдерживаться и не стал, выпил бутылку, сейчас отхожу, прилив энергии необыкновенный.

— Ну, может, если я тебе на мозоль наступлю, ты ногой дернешь?

— Валяй! — Гуров допил фляжку, махнул официантке. Когда она подошла, отдал ей пустую фляжку, сказал: — Друг решил меня угостить, так что принеси мне, пожалуйста, водочки и тарелку борща.

— Борща нет, можем предложить...

— Согласен, — перебил Гуров.

— Лев Иванович, нравишься ты женщинам...

— Ты про мозоль говорил. — Гуров попытался улыбнуться.

— Не терпится? Изволь! В нашей конторе тобой занимается полковник Ильин. Знаешь такого?

— Игорь Трофимович? Знаком, он мужик с головой, мне не обидно. Раз Игорю поручили — значит, меня в вашей конюшне уважают.

— Нашел чем гордиться. — Еланчук замолчал, выждал, пока официантка поставит на стол бутылку и тарелку с супом.

— Вы с водочкой-то осторожнее, — сказала девушка и неожиданно погладила Гурова по плечу. — Пить с горя — последнее дело. — И, вильнув бедрами, отошла.

— Ты на днях никакой серьезной встречи не имел? — спросил Еланчук.

— Продолжай.

— Один парень из отдела Ильина обронил, что жизнь ему улыбнулась и наконец звание, что задерживали больше года, присваивают. Я и подумал, не на тебе ли он отличился?

Гуров глянул остро, тупое безразличие с лица исчезло. Еланчук тихо рассмеялся:

— Значит, встреча была, так, возможно, ты засветился, потому как болтун тот работает в наружке.

Гуров налил рюмку, выпил и сказал:

— Такое возможно. Спасибо. Кто предупрежден, тот вооружен.

— Не знаю, интересно тебе или нет, но скажу, что анализ последних теленовостей и выступлений в газетах показывает, что наметилась последовательная дискредитация президента. Учитывая войну в Чечне, это объяснимо. Но одновременно начали все чаще упоминать Бесковитого. Его рейтинг приближен к президентскому. Правда, вымысел — неизвестно. Ясно, что это начало организации общественного мнения и стоит за организацией серьезный капитал. Вадим Суриков тебе известен? Нет? И до недавнего времени никто о нем не слышал. Экономист, кандидат наук, недавно назначен вице-премьером. Кто-то этого кандидата активно тащит вверх. Несколько раз его называли чуть ли не третьим среди претендентов. Под него организована партия, куплено эфирное время и несколько журналистских перьев из тех, что продаются.

— А есть такие, что и не продаются? — усмехнулся Гуров.

— Смейся-смейся, но как раз среди журналистов масса людей принципиальных. Их позиция может проявиться, может не проявиться, но она у многих журналистов имеется. Нам известны случаи, когда на людей оказывали серьезное давление, пытались спихнуть их с одной колеи на другую, — не проходит.

— За таких ребят стоит выпить. — Гуров заткнул початую бутылку водки носовым платком, убрал в карман. — Плати, твоя очередь.

— Конечно, я пью кофе, ты хлещешь водку, а платить — так моя очередь.

Галей взглянул на мужичка, который приоткрыл дверцу «жигуленка», уверенно сказал:

— Извини, нам не по дороге, приятель.

— Не уверен, Борис Сергеевич. — Мужичонка уселся рядом.

Галей пригляделся к незваному соседу, понял, что и одежонка, и простецкая манера поведения — камуфляж, человек явно из спецслужбы, причем не шестерка, равнодушно ответил:

— Я друга жду, потому никуда не поеду, имеешь что сказать — выкладывай.

Галей увидел, что сзади подошла «волга», прижалась бампером к «жигулям», одновре-

менно «нива», стоявшая чуть впереди, подала назад и закрыла возможность выезда. Ясно, это уже не коммерсанты, работает спецслужба. Но не паника, а ярость охватила Галея. Не вынимая руки из кармана, он прижал ствол с глушителем к боку незваного соседа:

— Передай по связи, чтобы они убрались, тогда, возможно, поговорим, а нет, так ты не узнаешь, чем тебя наградили посмертно.

Полковник контрразведки Ильин, имевший неосторожность сесть в машину Галея, колебался. Он все просчитал, кроме одного — Галей не ценил не только чужую жизнь, но и свою собственную.

— Если ты знаешь меня, а ты знаешь, то не играй в героя, выполняй.

Ильин пробормотал несколько слов, «волга» и «нива» разъехались и исчезли в потоке машин.

— Борис, не изображай камикадзе. — Ильин с трудом перевел дух. — Ты служил, знаешь, твоя жизнь...

— Не дешевле твоей. Выкладывай, зачем явился? — перебил Галей. — Хотели бы убрать, не устраивали бы этот цирк, давно бы схоронили. Кто меня подставил и что вам надо?

— Тебе кланяется Виктор Иванович, но не он подставил тебя. С человеком, который у нас работал, легко разговаривать. —
■ Контрразведчик обретал уверенность. Хотя

Галей ствол опустил, Ильин все еще чувствовал под ребром его жесткое прикосновение. — Тебя мы просчитали, сам знаешь, все тайное со временем становится явным. С тобой хотели обойтись проще, но тут высветилась фигура твоего шефа, а против него не попрешь. Я с ним переговорил и получил разрешение на контакт. Ты видишь, Борис Сергеевич, я своих прав не преувеличиваю, мне разрешили поговорить с тобой и только.

— Похоже, однако, только слова.

— У тебя есть связь, проверь. Завтра встретимся, думаю, наше предложение заинтересует тебя.

— Предложение я могу выслушать и сейчас.

— Нас попросили унять болтливого политика. Время и место мы тебе укажем. Пятьсот тысяч. Платить будет твой шеф. С такими деньгами ты с братом можешь уехать на год отдыхать, пока жизнь не нормализуется.

— Чего вы в меня уперлись? У вас исполнители перевелись?

— Исполнители найдутся, у нас «вальтера» девятого калибра, что ты мне сунул под ребро, нет. А нам надо, чтобы след тянулся издалека.

— Вспомнил! — Галей присвистнул. — Та железка разобрана и давно в сточной канаве потонула.

— Я думал об этом, решил, ты опытен, ■

не станешь понапрасну хорошую вещь выбрасывать. Привычен, пристрелян, надежен, пока другой найдешь да пообвыкнешься, потребуется время. Тебе это не с руки. А насчет улик, так ты битый мужик, а не фраер. Коли в самый момент возьмут, то почерк никого и не колышет, а случайно, при проверке нащупают, так ты эту игрушку вчера по случаю для самозащиты приобрел у лица кавказской национальности. А что у пистолетчика биография сложная, так ты, человек законопослушный, в том не виноват. А если кто считает иначе, пусть свои догадки подопрет фактами. Так я рассудил или не прав, Борис Сергеевич?

— Ты, командир, сложно объясняешься. Того «вальтера» у меня давно нет.

— Жаль, столько времени потеряли. — Ильин начал открывать дверцу. — Без того «вальтера» ты человек ненужный, лишний, можно сказать. Однако ты со своим шефом переговори да вспомни, может, что в голову и взбредет. Надумаешь, подъезжай на это место завтра в то же время.

Контрразведчик вышел из машины, тут же подружило такси и через секунду скрылось в потоке.

Как говорилось ранее, полковник был оперативник умный и опытный, историю «вальтера» изложил с точностью до запятой. Мало того, именно данный «вальтер» и лежал в кармане Галея. «Знали бы, брызнули бы химией в морду, пистолет забрали, а меня

схоронили бы без цветов и салюта», — подумал Галей и был неправ. Ильин предполагал, какое оружие воткнул ему киллер под ребро. Но контрразведчику нужен был не только «вальтер», но и сам Галей, который в нужный момент уведет любопытных журналистов к Гурову и компании, а ведомство Ильина останется далеко в стороне.

Генерал Орлов сидел в своем кабинете за столом, поигрывал карандашом и демонстративно не смотрел на Гурова, который, стоя у окна, докладывал оперативную информацию о работе своей группы за последние дни. В низком кожаном кресле, стоявшем у стола генерала, скрестив длинные худые ноги, расположился помощник прокурора города Федул Иванович Драч, который, сцепив на животе длинные узловатые пальцы, поглядывал на Гурова и Орлова с интересом, даже с сочувствием. В кабинете еще находился Станислав Крячко, сидел в самом темном углу и делал вид, что не имеет к происходящему никакого отношения.

— Вот в сущности и все, господа начальники, пустые слова, никаких фактов. Я бы не стал отнимать у вас время и информировать о дурных сыщицких измышлениях, если бы не один прискорбный факт. Я располагаю серьезной оперативной информацией, что полковник контрразведки Игорь Тро-

фимович Ильин крайне интересуется работой нашей группы. Контрразведка на то и существует, чтобы интересоваться, плохо другое. Сегодня полковник Ильин встретился с разрабатываемым мною Галеем, беседовал с ним около тридцати минут, и мирно расстался. Я, уважаемый Федул Иванович, не сумел в очередной раз нарушить закон и подслушать разговор.

— Петр, как ты работаешь с таким наглым малым, не пойму, — пробурчал Драч.

— Значит, нас двое непонятливых. А чтобы ты удивился еще больше, знай, что о разработке этого Галея я так же, как и ты, слышу впервые.

— Что свидетельствует, господин генерал, о моем к вам уважении. Если я начну о каждом своем предположении либо догадке вам докладывать, вы, извините за выражение, умом двинетесь. Сегодня я получил первый факт, косвенно подтверждающий мои предположения. Докладываю вам и прокуратуре. Я так понимаю, что уважаемая спецслужба установила за мной наблюдение и выявила мою заинтересованность, а если короче — я где-то лопухнулся. Не рядовой оперативник, полковник спецслужбы идет на встречу с предполагаемым киллером, на счету которого не один покойник. К чему бы это? У меня все. Петр Николаевич, разрешите? — Гуров достал сигареты.

Орлов махнул рукой, взглянул на Драча.

— Они колупаются над убийством депу-

тата Сивкова, расследование ведем мы, результатов нет. Обыкновенное кусочество, — ответил прокурорский чиновник.

— Ты сам-то в свои слова веришь? — Орлов щелкнул карандашом по столу. — Не проще было пожаловаться тебе, что менты утаивают важные для раскрытия убийства факты? Вместо этого проводится конспиративная встреча с разрабатываемым. Я Ильина знаю, он начал служить не вчера и понимает, что если Гуров где мажет в «молоко», а Гуров это делает крайне редко, то встреча с Галеем — затея смертельно рискованная. Однако полковник не обращается к тебе, а рискует. Он что, залетный фраерок из бывших комсомольцев или многоопытный оперативник?

— Петр, ругаться и критиковать я тоже большой мастак. — Драч нахмурил седые кустистые брови, неожиданно улыбнулся, даже хихикнул. — Ты, генерал, скажи, у тебя идеи имеются? Может, мы перестанем друг перед другом шибко умных изображать, выскажемся проще и начистоту?

Крячко не сдержался и хмыкнул, зажав рот ладонью, отчего хмыканье прозвучало еще громче.

— Вот Станислав тоже пару дней в сыске болтается, а не слышал, чтобы розыскники с прокуратурой по душам беседовали.

— Я сказал: хватит! — Драч повысил голос. — Вчера отменили сыск, надзор, разделили проще — на людей и блядей. Кончай

бодаться, переходи к делу, иначе звать меня не хера было, копались бы в своем говне и копались!

— Ну, Лева, выкладывай, что у тебя за пазухой, под сердцем схоронено? — сказал Орлов.

— А Лева не волшебник, лишь битый опер. Ничего у меня, кроме боли и сомнений, не припрятано. Я за время работы столько накопал, что начни рассказывать, суток не хватит. Кроме того, я не могу всех по имени называть — испачкать человека просто, отмыть трудно. Хочу сказать лишь о том, в чем убежден. Готовится крупная операция, «соседи» не инициаторы, лишь исполнители, замешаны верха, бьют в президента.

— Чего его бить? — спросил Драч и закашлялся. — Он в Чечне сам шею сломает, если уже не сломал.

— И что у них, стрелков нет, что они наших хотят использовать? — пробурчал Орлов.

— А такому умному не пристало глупые вопросы задавать! — Гуров от злости аж побледнел. — Им нужен чужой человек, чтобы, когда все дерьмо всплывет, они в белых костюмах и перчатках появились как спасители Отечества. А для этого необходимо, чтобы политическое убийство совершил уголовник. И ответит за все ментовка, мы с тобой в первую очередь.

— Кого же они убивать-то намылили? —

растерянно, как-то по-бабьи всплеснул руками помощник прокурора.

— Понятия не имею! — ответил Гуров. — Эту историю не дурак задумал. У меня против Галея ничего нет, уверен, что и у них не больше. Они меня так повязали, что без их ведома я в туалет не зайду. Мне нужны оперативники. Вы, извините, для такой работы староваты. Тот, что в углу хоронится, — сыщик кивнул на Крячко, — один, да и известен, как и я. Людей у меня нет.

— МУР отменили или закрыли на ремонт? — ехидно спросил Драч. — Или в главке уголовного розыска России эпидемия гриппа?

— Федул Иванович, договорились — не подначивать, — ответил Орлов. — Конечно, Лев Иванович сгущает краски, несколько оперативников отыщем. Но я полковника понимаю, нужны опытные, проверенные опера, не мальчики, мужики со стажем.

— Главное, на сто процентов верные, люди хорошо знакомые, — вмешался Крячко. — Чтобы из бочки вытекло все вино, достаточно одной дырки. Лично я поручусь человек за пять, максимум за шесть.

— Ну хорошо, — согласился Гуров. — Наберем мы человек двадцать, добудем транспорт и связь. Контрразведка будет об этом знать если не через час, так к вечеру: менты собирают лучших оперативников. Говорено: предупрежден — значит, вооружен. Наши приготовления от «соседей» не скрыть. Они

напрямую обратятся к генералу Бардину, спросят, к чему готовятся Орлов, Гуров и компания. Вам, Петр Николаевич, необходимо заготовить легенду.

— Хорошо, сменим пластинку. Твоя идея с компьютером, сбором и обработкой данных не оправдалась?

— А как я напал на след Галея?

— Ты не докладывал. Но больше тебе компьютерщик не нужен? Я могу отослать его по месту службы?

— Не торопись, пусть парень побудет у меня. Может, я захочу заглянуть в прошлое.

— Тебе виднее. — Орлов кивнул и подумал, что знает Гурова третий десяток лет, но далеко не всегда понимает. Практически никогда Лева не раскрывается полностью, всегда что-то утаивает. Поначалу его скрытность раздражает, со временем выясняется, что сыщик был прав. Он скрывал Галея, Орлов чувствовал, что скрывает, злился, теперь он понял, что Гуров поступил верно. Знай Орлов все, ему труднее было бы докладывать на коллегии. Гуров не профессионально, но вполне прилично умеет работать с компьютером, а данный факт скрывает. Почему?

Орлов лишь вздохнул и повторил:

— Тебе виднее. Интересно, как ты будешь работать, когда я уйду на пенсию?

— Никак. — Гуров пожал плечами. — Уволюсь в третий, последний раз. Я не собираюсь вам льстить, господин генерал, но

вы единственный человек, которому я служу. А вкалывать в обезьяннике, подчищать за макаками дерьмо я не собираюсь...

— Господа менты, вернитесь на грешную землю, — прервал Гурова прокурорский чин. — Я не так глуп, потому не призываю к откровенности. Скажете, что считаете возможным. Чем вы собираетесь заниматься?

— А я как на духу, у меня от начальства никогда секретов не имеется, — сказал искренне Гуров, и взгляд его был настолько открыт и честен, что присутствующие чуть было не поверили ему.

Крячко ответил простодушной улыбкой деревенского дурачка, Орлов раскладывал на столе свои карандаши, а Драч сердито сказал:

— Давай, только короче.

— Им нужен Галей — значит, кого-то собираются убить. В идеальном случае мы должны выстрел предотвратить, но взять Галея так, чтобы получить против него улики. Учитывая, что мы не знаем ни время, ни мишень и нам будет мешать группа отлично подготовленных профессионалов, такой исход можно исключить. Если мы определимся во времени и пространстве, окажемся в гуще событий, выстрел все равно не предотвратить. Галей не промахивается — значит, мы будем свидетелями убийства. Акт второй: Галея должны взять и увести со сцены мы, а не наши друзья. При этом желательно не перестрелять своих, чужих и по-

сторонних. Я убежден, что, даже зная о нашем присутствии, наши доблестные оппоненты не рискнут привлечь к операции мальчиков из «Альфы», «Омеги» либо иного спецподразделения, так что мы не будем биться с волкодавами, которые нас передавили бы, как котят. Нам будут противостоять оперативники, потому шанс мы имеем. Вот по сути и все...

— А зачем огород городить? — спросил Драч. — Почему не взять Галея заранее и не предотвратить схватку? Я понимаю, предъявить ему нечего, но вы оперативники, придумайте, создайте предлог для задержания. Оно будет на моей, не на вашей совести. Я продержу его как минимум дней десять... Потом, если ничего не раскопаем, извинюсь...

— Вы не продержите его и трех суток, — прервал прокурора Гуров. — На серьезную провокацию я никогда не пойду, если мы задержим его за драку, то через час на вас обрушится телевидение, на следующий день — журналисты, и к вечеру вас снимут, а киллера освободят.

— Петр Николаевич, где ты отыскал такого чистоплюя? — спросил Драч.

— Лет двадцать с лишним назад на улице подобрал. Он с детства больной, — серьезно ответил Орлов. — Ты, Федул, такой старый, не помнишь, нас в те годы учили: коли не доказано обратное, человек невиновен.

— И сколько же ты, великий сыщик, со-

бираешься людей уложить, чтобы доказать, что убийца есть убийца?

— Значительно меньше, чем генералы, правительство и президент уже уложили в Чечне, доказывая вообще неизвестно что.

— С таким языком и на свободе? — Драч поднялся. — Ну, желаю удачи, сыщики.

— Господин помощник прокурора, — Гуров открыл Драчу дверь, — не волнуйтесь, на свободе я временно, исключительно по недосмотру властей предержащих.

Неожиданно Драч обнял сыщика, на мгновение прижал, затем оттолкнул и вышел.

Глава тринадцатая

Гуров расхаживал по своему кабинету, Артем Ермаков лениво шлепал по клавишам, Крячко мастерила из бумаги кораблик.

— Солдат спит, служба идет. — Крячко выставил на стол свое творение. — Артем, хорошо быть подчиненным, скажи? Вторые сутки палец о палец не ударил, сидишь — балдеешь, и совесть ни гу-гу, помалкивает. Она знает: ты приказа ждешь, начальник рядом, ему с горки виднее.

Артем взглянул виновато, молчал. Гуров остановился рядом с Крячко, сказал:

— Станислав, я про твою совесть вообще никогда не слышал. Достань лист чистой бумаги и ручку.

— Момент, господин полковник. — Кряч-

ко открыл папку, выложил ручку. — Выполнено!

— Лейтенант, подождите, может, у вас случайно какая-нибудь завалящая мысль появится.

Ермаков подошел, встал рядом.

— Мне необходимо провести конспиративную встречу у зоопарка. — Гуров нарисовал на листе крестик. — Сколько машин меня «поведут»?

— Наверное, две, — пробормотал Ермаков.

— Одна, — уверенно сказал Крячко, — а через пару минут их станет три.

— Согласен. — Гуров чертил и объяснял: — Сворачиваю на Калинина. Тут, я думаю, они разделятся: одна обгонит, другая останется на хвосте, третья свернет на Герцена, пойдет параллельным курсом. Напротив особняка Морозова я убыстряюсь и тут же ухожу направо, на Воровского...

— Поварская, — поправил Крячко.

— Думаю, за мной никто не свернет, две машины уйдут к Садовому, а третья, что в этот момент должна быть в районе Никитских, двинется параллельным курсом по Герцена. Одна с проспекта свернет в сторону Поварской...

Минут пятнадцать Гуров и Крячко спорили, как обрубить хвосты и с какой стороны выскочить к зоопарку чистенькими, где припарковаться. Ермаков лишь кивал и помалкивал.

Маршрут, который они чертили с Крячко, Гуров нарушил, известными ему дворами ушел от наблюдения и вскоре припарковался неподалеку от дома, где жили Бардины. Если человек столько лет проработал в сыске, то найти исправный телефон-автомат в Москве он сможет, и Гуров его разыскал, позвонил в квартиру свояченицы Бардина, убедился, что Ирина дома, и повесил трубку, опасаясь, что, если спросит разрешение заглянуть, нарвется на отказ.

Сыщик прошел мимо подъезда, еще раз убедился, что сопровождение отсутствует, выждал, когда в дом начала входить компания шумной и рослой молодежи, и миновал дежурную. У квартиры Гуров достал ключи, задумался. Можно интеллигентно позвонить, но нет гарантии, что дверь откроют. Вздорная, взбешенная поведением любовника, мадам могла сменить замок. Попасть в квартиру и встретиться с Ириной более чем желательно. Гуров осторожно вставил ключ, повернул дважды, дверь открылась легко и бесшумно. Тогда он позвонил — два коротких и длинный, как звонила супруга Бардина, — вошел и прикрыл за собой дверь.

— Ты? — Ирина поправила прическу, хотела что-то сказать, но Гуров решительно снял пальто, поцеловал женщине руку и сказал так, словно они виделись вчера:

— Здравствуй, девочка! Дай бедному менту рюмку, а лучше стакан чего-нибудь.

— Да, Гуров, признаю, ты мне не по зу-

бам. — Хозяйка прошла в гостиную, мельком глянув на себя в зеркало. — Ты не бронепоезд, не танк, а нечто непробиваемое. Налей себе сам, начинай врать или, как вы выражаетесь, излагай свою легенду. Надеюсь, ты не опустишься до варианта: мол, ехал мимо и заглянул на огонек?

— Ты будешь очень смеяться, милая, но, когда мне нечего сказать, я всегда говорю правду. — Гуров налил себе солидную порцию виски, выпил, закусил долькой лимона.

— Не смешно. — Ирина подошла к бару и, не желая просить Гурова, налила себе немного коньяку. — Коли нечего придумать, давай свою правду.

— Я соскучился по тебе, на службе у меня нелады, рассчитываю на твою помощь. В свое время я хотел задать тебе несколько вопросов, но отказался от этой мысли, а теперь передумал.

Женщина, даже не взглянув на сыщика, поняла, что он действительно говорит правду, прижалась к нему бедром, сказала:

— Выпьем по второй и решим, с чего начать.

— Мы с тобой люди не стандартные... — Гуров налил напитки, кивнул и выпил. — Сделаем все шиворот-навыворот — сначала сладкое, потом горькое.

Он взял Ирину на руки и отнес в спальню.

Отстонав, покричав, наругавшись матом, она взяла его руку в свои, широкой мозо-

листой мужской ладонью вытерла потные лицо и грудь, сказала:

— Женился бы ты на мне, Гуров.

— Это вряд ли. — Он сел и закурил. — Мы из разных племен, нам вместе не жить. А встречаться можно.

— Не говори о моем отце и воспитании. Насколько мне известно, твои предки тоже не ковыряли землю и не рубали уголек.

— Верно, однако я маму и отца никогда в жизни предками не называл. И давай закроем тему, иначе поссоримся раньше, чем я задам свои вопросы, а ты на них ответишь.

— Понимаю, ты, так сказать, отработал и желаешь получить гонорар.

Взгляд Гурова стал задумчивым, глаза тронуло ледком, он заставил себя улыбнуться.

— Я старомоден, консервативен, никогда не бил женщин. Но в любом правиле существуют исключения.

— Бей! — Женщина подняла лицо, взглянула дерзко.

— С превеликим удовольствием!

Гуров молниеносным движением сдержнул с Ирины простыню, ловко перевернул ее лицом вниз и отвесил по пышной заднице такую затрещину, что казалось, рядом выстрелили. Женщина зашлась в крике, вцепилась зубами в подушку, замолчала.

Гуров поднялся, набросил на Ирину простыню и сказал:

— Накинь на себя что-нибудь, пойдем вы-

пьем и мирно поболтаем. Уверен, тебе расхотелось выходить за меня замуж.

Минут через пятнадцать женщина и мужчина при полном параде, причесанные, благоухающие французским одеколоном, сидели на полукруглом диване в гостиной, пили кофе из изящных чашечек, рядом с которыми стояли пузатенькие рюмочки с французским коньяком. Светские люди, не способные на рукоприкладство и матерную ругань.

— Ну, дорогая, расскажи мне, как вы живете? — Гуров поцеловал Ирине руку. — Положение у меня сложное, возможны скромные похороны. Хотя Россию сейчас этим не удивишь, да и я не тороплюсь в герои данного действия.

Ирина закурила, потянулась к пепельнице, ожог на ягодице дал о себе знать, женщина невольно поморщилась и сказала:

— Никогда бы не поверила.

— Жизнь полна неожиданностей. — Гуров понимающе улыбнулся, подвинул пепельницу, чтобы хозяйке было удобнее. — Человек учится только на своих ошибках, ребенок хватается за утюг, пока не обожжется. Меня интересует все, так что давай сначала. Начни со свояка. Он рвется к власти, чего хочет, на что рассчитывает?

— Министр, член президентского совета.

— Реально, довольно скромно. Он рас-

считывает на смену президента и всей команды?

— А кто сомневается? — фыркнула Ирина. — Нынешняя команда похоронила себя в Чечне, только об этом еще не объявили.

— А зачем Бардину телевизионщик?

— Черт его знает! — искренне ответила Ирина. — Может, рассчитывает на рекламу? Сестренка крутит с ним роман, муж знает, помалкивает.

— А что представляет из себя твой депутат Доронин?

Ирина не смутилась, вздохнула, приподняла рюмку с каплей коньяка.

— Я знаю, что у меня проблемы с этим делом, но давай выпьем, тебе это даже выгодно: я легче разговорюсь.

Гуров погладил Ирину по обнаженному плечу, почувствовал, что она дрожит.

— Накинь что-нибудь шерстяное. — Гуров принес бутылку виски и стаканы. — Будешь пить, сколько налью, а больше не проси, не дам. — Он разлил виски. — Если останусь жив, пойду в наркологи.

Сыщик взял свой стакан, но не пил, не смотрел на дрожащие руки Ирины, понимая, что виной ее состояния в основном является он сам, а спиртное лишь сопутствует. И как можно женщине выпивающей, неуравновешенной доверять хоть какие-то секреты? А может, мне собираются двинуть дезу? Пока красавица ничего интересного не сказала...

— Ну так об Ионе? — Ирина помолчала. — Несовременный, порядочный, потерявшийся, как мальчик без мамы. Бардин велел Иону в дом больше не пускать, как, впрочем, и тебя тоже.

— А кому он подчиняется, министру или кому из президентских прихвостней?

— Не знаю. — Ирина допила свою рюмку. — Ты знаешь, Николай о министре никогда не упоминает. Обмолвится, мол, был у начальства и все, даже имени-отчества не назовет. По-моему, они не ладят и Бардина прислали к вам без ведома министра.

— Случается. А с кем из высших чинов Бардин дружен?

— У нас никто ни с кем не дружен, не школа, стая. Недавно я ненароком слышала, как он говорил по телефону с человеком явно очень высокого ранга. По-моему, это не политик, а финансист, потому что Николай сказал: мол, для вас это не деньги, а я такие суммы вижу только по телевизору. Названия банков для меня пустой звук, я даже не знаю, в каких странах они расположены... Ну как, получится из меня осведомитель?

— Для меня вполне достаточно, что ты красивая женщина. — Гуров плеснул в ее стакан, допил свое виски и встал. — У тебя есть бульонные кубики? Идем на кухню, я сделаю тебе бульон и уложу спать.

Ирина выпрямилась, тряхнула головой, явно хотела ответить дерзко, но опустила

плечи и покорно стала выполнять указания Гурова. Он открыл аптечку, нашел какой-то флакон с белыми таблетками, две бросил в стакан, несколько, аккуратно завернув в фольгу, спрятал в карман. Сделав бульон, он настоял, чтобы Ирина выпила кружку до дна, дал ей таблетку, премировал глотком спиртного, уложил в постель, накрыв вторым одеялом, сел в изголовье и развернул журнал.

Ирина говорила разные слова, в том числе такие, которые не годятся для печати, пыталась сопротивляться, но вскоре затихла.

Убедившись, что хозяйка крепко спит, Гуров оделся, запер входную дверь, не вызывая лифт, спустился по лестнице и вышел на улицу.

Паркуясь у министерства, Гуров увидел «волгу» с ребятами из контрразведки. Машину он не знал, но с одним из оперативников, который сидел рядом с водителем, лет десять назад работал по одному делу. Гуров подошел, постучал зажигалкой по стеклу, спросил:

— Паша, огоньку не найдется?

— Я же не курю, Лев Иванович, — вылезая из машины, смущенно ответил оперативник.

— Ну что вы зря время теряете и бензин жжете? — Гуров закурил. — Неужели вы

рассчитываете, что я второй раз куда-нибудь приведу?

— Лев Иванович, рассчитывает начальство, а мы выполняем приказы.

Из машины вышел парень помоложе, взглянул с любопытством, сказал:

— Здравия желаю, господин полковник! Значит, вы тот самый знаменитый Гуров?

— Здравствуй, парень, здравствуй, — ответил Гуров, оглядывая молодого опера, затем повернулся к старому знакомому. — Паша, приказы начальства следует выполнять. Ребятам приказали, они Грозный сровняли с землей. Потом начальники отправятся на свои фазенды клубничку сажать, цветочки выращивать, а солдатики дальше будут жить, если повезет. Паша, — сыщик взял опера за лацкан кожаной куртки, — прикажут, ты и в меня будешь стрелять?

— Лев Иванович, что вы в душу лезете, и так жить не хочется. — Опер хотел отстраниться, но Гуров держал крепко.

— Я это к тому, чтобы знать, коли увижу у тебя в руках железку, дырявить тебе плечо или медный лоб? — Гуров отпустил парня, бросил сигарету, растер ботинком. — В Чечне друг друга изничтожаем, теперь и в Москве начали? Мы что — оловянные солдатики, ни мозгов, ни совести? Передай Ильину, я его уважал когда-то, если он хочет у меня что узнать, так адрес известен. — Гуров кивнул на здание министерства. — Пусть придет ко мне как человек и спросит. На что

могу, я отвечу, а что не могу, он от меня и так не узнает. А сейчас убирайтесь отсюда, иначе я ребятам шепну, и вы без колес вмиг останетесь, придется аварийку вызывать, людей смешить.

В кабинете Гуров появился веселый и беспечный.

— Порядок, ребята! Правда, место встречи по ходу дела пришлось сменить, но от «друзей» я избавился без осложнений. Сейчас увидел на нашей стоянке этих деятелей, совсем двинулись, словно не сыщика пасут, а в казаки-разбойники играют...

Гуров прервал себя на полуслове и подумал: возможно, не он, сыщик, такой умный, а знакомый опер контрразведки намеренно рядом с водителем сел, умышленно засветился и предупредил. А он, многоопытный Гуров, чуть было не сжег парня. Полковник вынул платок, аккуратно вытер лицо, коря себя за самостоятельность, и тут зазвонил телефон.

— Да! — Крячко снял трубку. — Лично? Самого? Заместитель не годится? Ну что с вами делать, поищем полковника Гурова. — Он постучал пальцем по высветившемуся на аппарате номеру. — Господин полковник, вас просят из контрразведки, думаю, хотят поблагодарить.

Гуров взял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

— Привет, полковник, это некто Ильин беспокоит. Что-то в вашей конторе юмористов развелось...

— Здравствуй, Игорь Трофимович, — ответил Гуров. — Живем весело, потому и шутим. Коллег за горло не берем, совесть у нас чиста, можно и пошутить.

— Не был бы ты, Лев Иванович, таким уважаемым, к тому же старым знакомым, я бы в момент рапорт накатал.

В кабинете начальника отдела контрразведки полковника Ильина находилась группа наблюдения, которую засек Гуров. Майор Павел Кулагин стоял вытянувшись и думал: вот так и закончилась его служба, о которой он мечтал с детства, посмотрев фильм «Подвиг разведчика». А может, все и к лучшему, уж больно не нравилась ему эта работа, особенно в последнее время. А уж когда его группу заставили следить за уважаемым полковником милиции, человеком смелым, умным и, безусловно, не коррумпированным, Павел взбеленился. Спорить с начальством было бесполезно, и опер решил умышленно засветиться перед опытным сыщиком. Что за человек полковник Ильин, так Бог ему судья, но оперативник он настоящий, на козе не объедешь, разобрался в момент.

— Рапорт — идея подходящая, — ответил спокойно Гуров. — Я поначалу решил, ни к чему генералам в разборках оперативников участвовать, теперь понял: иначе мне тебя не остановить.

— Группа выполняла специальное задание, — решительно говорил Ильин. — К тебе никакого отношения. Ты узнал Павла Кулагина, засветил ребят, прогнал с места наблюдения. Паша — человек честный, вместо того...

— Какой еще Паша с «Уралмаша»? — возмутился Гуров. — Я твоих топтунов в гробу видел! Ты оторви задницу от мягкого кресла, взгляни на машину, на которой они работают. Маскируетесь, используете списанные из таксопарка тачки. У их машины крыша другого цвета. Я ее за день раз пять видел! Ты бы еще им флаг в радиатор воткнул, конспиратор херов!

Ильин прикрыл ладонью трубку, спросил:

— Верно, у вас машина цветная?

— Какую дали, Игорь Трофимович. — Павел развел руками.

— Ну ладно, Лев Иванович, не пыли. Коли ты понял, что повисли свои, что по городу как очумелый мотался, заготовленные отходы использовал? Остановился бы да переговорил...

— Да пошел ты! Я на встречу с человеком ехал! Одного ты мне спалил! Ты какое имел право вступать в контакт с чужим человеком? Если у тебя на человека, с которым встречается угро, есть чего, ты обязан связаться с инициатором, посоветоваться. Теперь ты его напугал, он на встречу ко мне не

пришел, ты прекрасную разработку порушил.

— Мы его проверяли, он на учете не состоит. — Ильин натужно закашлялся. Пусть Гуров десять раз врет, но обвинения, что оперативник спалил чужого агента, страшнее не бывает.

— Это вы любой мусор в картотеку засовываете, чтобы лишнюю «галочку» иметь. Да еще нас к своим карточкам не допускаете, а сами в наши без спросу лезете. Я хорошего человека в жизни не регистрирую, не в компьютере, в голове держу. Хватит ляля разводить, кладем трубки, ты своему пишишь, а я своему. У генералов погоны золотые, ума много — рассудят нас по совести.

— Лев Иванович, извини, не пори горячку, я тебе минут через десять перезвоню. — Ильин положил трубку, сказал: — Все выйдите. Павел, задержись.

Когда оперативники вышли, Ильин по-свойски, даже задушевно сказал:

— Да, Паша, кажись, попали мы с тобой под козырной отбой, хоть карты бросай. Врет на все сто, а крыть нечем. Утек, падлюга, ничего не скажешь. Помню, еще лет восемь назад я с ним работал, так зарок себе дал — никогда ему дорогу не перебегать. Подзабыл, старый мудак. — Ильин тяжело вздохнул, выждал, может, парень проговорится, что тоже знаком с Гуровым.

Майор стоял, смотрел в окно, лишь слизнул капельку пота над верхней губой.

— Боишься? Нормальный человек и должен бояться. Этот сумасшедший сыскарь — человек безжалостный, проглотит и не заметит, как косточку от маслины. Ты маслины любишь?

Павел понял, что милицейский полковник победил и его, майора Кулагина, изпод удара вывел. Он посмотрел начальнику в лицо, спросил:

— Какие будут указания, товарищ полковник?

— Товарищей отменили, остались лишь господа, друзья и враги. Так вот я — твой друг, а Гуров — злейший враг. Работу за ним, конечно, бросай, до завтра отдыхайте...

Крячко слышал разговор Гурова по телефону. Когда полковник положил трубку, Станислав вышел из-за стола.

— Лев Иванович, забыл сказать, нас генерал Орлов просил заглянуть.

Гуров глянул на друга, на телефон и, выходя из кабинета, сказал:

— Артем, мне позвонят, скажи: к начальству вышел, скоро вернется.

Крячко шел по коридору быстро, словно действительно спешил, но, свернув к лифтам, остановился. Когда Гуров подошел, Крячко сказал:

— Я сто лет шучу, обзывая тебя гением. А ты просто гений, без всяких шуток.

— Брось, Станислав. — Гуров смущался редко, но сейчас потупился. — Я не заготавливал, случайно слова так сложились.

— Ведь и номер простой: выдать Галея за агента и пусть кто-нибудь проверит. У тебя так слова сложились? Не знаешь, кто колесо придумал? Такая простая штука. У Есенина тоже слова складывались. К примеру: «Лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстоянии!» — Крячко хлопнул Гурова по плечу, повернулся, бросил через плечо: — Иди, находчивый, добывай этого прохвоста.

— Тут у меня еще одна идейка появилась. — Гуров замолчал, так как они вошли в кабинет.

— Минуточку, господин полковник вернулся. — Ермаков протянул Гурову телефонную трубку.

— Слушаю, — сказал Гуров, взглянул на Крячко и кивнул.

— Лев Иванович, мы с тобой люди битые, не стоит размазывать кашу по тарелке. Ты ошибся, я поторопился, пусть останется между нами. — Ильин старался говорить спокойно, даже весело.

— В мультике, по телевизору, кот Леопольд беспрестанно повторяет: «Ребята, давайте жить дружно». Ребята соглашаются и все подлянку подложить норовят. Я не Леопольд, мои условия, полковник, простые. За мной наблюдение снять, если я увижу либо мне покажется, что я увидел... пеняй

на себя. Второе. Ты получил компру на моего человека, ты оперативник — обязан работать. Занимайся, и попутного тебе ветра! Я, вкалывая больше полугода, имею головную боль и кое-какие соображения, которые дали мне возможность наладить контакт. Наблюдай, подслушивай, на уши становись, но никаких личных встреч. Это мой человек, ты меня понял, полковник? Как говорят в Одессе: бью два раза, второй раз — по крышке гроба.

— Но у меня свое начальство, — попробовал возразить Ильин.

— Твое начальство — твоя головная боль.

Гуров положил трубку, взглянул на Крячко, затем на Артема Ермакова и назидательно произнес:

— КГБ, или как их там нынче обзывают, — могучая организация. Но она состоит из людей, каждый из которых отлично знает, что шкура у него только одна.

Совещание финансовых тузов закончилось ничем, к единому мнению не пришли, но Виктор Иванович Якушев понимал, что фактически единомышленники от него отказались. Если отбросить словесную шелуху, которую произносили, щадя самолюбие Якушева и не желая нажать в лице магната личного врага, суть всех выступлений сводилась к нескольким в большинстве своем

повторяющим друг друга позициям. Каждый должен заниматься своим делом. Финансист — финансами, политик — политикой, солдат — чистить свое ружье. Россия — страна богатая, огромная, за столько лет не разворовали, на наш век хватит. Президент пусть балуется своими указами, они никому жить не мешают. Дума пусть думает, так как делать иного не умеет. Интеллигенция разговаривает и возмущается, так было всегда, среди них есть славные ребята, их забавно слушать. «Ящик» работает, для того его и придумали, газеты пишут — все, как в цивилизованных странах. Все хорошо, кроме бандитов. Но их в Россию послал Бог, и не нам противиться Божьей воле. Мы откупимся, а за Россию пусть президент отвечает. В Чечне действительно плохо, поэтому каждый пусть внесет посильную помощь в благотворительный фонд.

Якушев слушал невнимательно, когда заговорили о благотворительных фондах, отключился совсем, даже вышел из кабинета, который они занимали, в общий зал ресторана, пережившего не одну человеческую жизнь. Недавно ресторан вновь реставрировали, красиво, ничего не скажешь, но почему большинство подобных работ выполняют иностранцы? Русские мастеровые перевелись? Вранье, блуд и воровство! Хозяина нет, все эти АО и СП — сплошное блядство и воровство. Хозяин — один человек, который берет подряд, нанимает людей

выполнять работу и кладет прибыль в карман. А здесь делают какие-то турки, значит, русские остаются без работы, не обучаются мастерству, не растут в профессионалов, за которыми не надо следить, деньги можно выдать без бухгалтера и накладных, а под честное слово. А эти козлы, — он оглянулся на дверь кабинета, — кроме денег, ничего не хотят, скоро валютой срыгивать начнут.

Он вернулся в кабинет и, бесцеремонно перебивая кого-то из коллег, сказал:

— Невмешательство в политику, говорите? — Он хохотнул, копируя героя фильма «Белое солнце пустыни». — Придут большевики и поотнимают у вас все к нехорошей матери!

Сначала все опешили, потом кто-то уверенно сказал:

— Большевики уже никогда не придут!

— Во-первых, когда их лишали власти, ты, Иван, держал подпольный цех и готовился к посадке. Во-вторых, придут молодые, зубастые и голодные, а под каким флагом — тебе будет неинтересно. Ты будешь в подвале блевать и молить, чтобы у тебя последнее забрали, а жизнь оставили.

— Не пугай, Виктор Иванович, тридцать седьмой канул в Лету.

— Ты, Лешенька, кто — Господь Бог? Ты знаешь, кто куда канул и надолго ли? Ты на Канарах виллу прикупил, пару миллионов зеленых за «бугром» упрятал... Хочешь, точно

скажу, где и сколько у тебя лежит? Да тебе же дальше Малаховки не дадут уехать.

— Слушай, Иванович, — спокойно и уважительно произнес старший из присутствующих — бритоголовый бизнесмен в солидной тройке и с золотой цепью на животе. — Ты умен, спору нет, силен и ловок, признаю. Но люди скроены не одинаково. Я знаю, чего ты желаешь. Ни скипетр и корона, ни мешок золота тебе не нужны. Ты желаешь видеть Россию в одном ряду с европейцами, а для себя лично гарантию спокойной работы и нормальное человеческое уважение. Тебя тут-то, среди своих, — он оглядел собравшихся, — не все поймут, не каждый поверит. Россия в клочья порвана, где не горит, там тлеет. Если мы сейчас людям все до копейки отдадим, нам не то что спасибо не скажут — не помянут вслед, просто забудут.

— Не говори за всех, Тимур Васильевич, — перебил говорившего молодой человек с ясными спокойными глазами и мягкими уверенными движениями. — Я с вами, Виктор Иванович, но уважаемый Тимур Васильевич прав, мы разные — среди нас нет ни виноватых, ни правых. Я знаю, наше время еще не пришло. Тут вояки не могут два дня не стрелять, чтобы люди могли трупы захоронить, а вы, уважаемые, собрались президента менять и правительство перетасовывать.

— Леша, ну ты из меня клюуна не делай... — Якушев даже смутился.

— Извините. — Молодой оппонент развел руками. — Нам главное — на властителей не походить, иметь каждому свое, но человеческое лицо. Не договорились? Не страшно! Разойдемся уважительно. Кто не хочет политики касаться, пусть так и живёт. Я хочу, но считаю, что надо выждать.

Когда большинство бизнесменов ушли, Якушев взял под руки бритоголового Тимура Васильевича и по-юношески вихрастого Александра Морозкина, сел за еще не убраный стол.

— Вы правы, коллеги, я меры не знаю, способен лошадей загнать. Но ведь никто не знает, состоятся ли выборы в девяносто шестом или Ельцина попытаются заменить в девяносто пятом. Плох он или хорош, я лично его на дух не переношу, но он не фашист и резни не допустит. А вот если Ельцина сменят и посадят на трон безмозглого солдатика, либо «красно-коричневого» типа Зюганова — Невзорова, либо Бесковитого, тогда останется только бежать. Поэтому я и говорю, что мы должны по мере сил участвовать в избрании нового президента. Никого не пытаться свергнуть, ничего не перетасовывать — нам это не под силу, но помочь деньгами людям разумным, уравновешенным, не делающим единственную ставку на силовые министерства.

— А конкретно? — спросил Морозкин.

— Недавно назначен вице-премьером ■

молодой, насколько мне известно, прогрессивно мыслящий человек, Вадим Суриков.

— Люди — терпеть не могу слово «народ», у меня сразу перед глазами табун или стадо, — Тимур огладил бритую голову, — люди, жители России, его не знают.

— Вадиму, — я как раз его знаю, — никак не обойти нынешних зубров и фашистов, — сказал Морозкин.

— Да, Вадима Сурикова не знают. Но он не замазан ни в крови, ни в грязной лжи, — ответил Якушев. — А для чего существуют телевидение, радио, газеты, средства массовой информации — тоже отвратительное словосочетание, ассоциирующееся с радио в парикмахерской, которое играет и говорит как бы само для себя? Здесь наши личные связи и деньги могут сработать и сделать из молодого вице если не знаменитость, то человека достаточно известного и людям симпатичного.

Якушев, конечно, не обмолвился о том, что для воплощения в жизнь задуманного плана уже нанят киллер, что началась борьба между ФСК и МВД и все происходящее сегодня, тем более то, что свершится завтра, не имеет ничего общего ни с демократией, ни с надеждами людей, которые живут здесь, в России.

Поздним вечером в квартире Гурова собрались несколько оперативников, знав-

ших Крячко и тем более Гурова многие годы. Мужчины в возрасте сорока, одетые не бедно, не богато, они не отличались физической мощью и мужественностью лиц, и глаза у них были не пронизательные, а скорее усталые, временами равнодушные. Но каждый из присутствующих, а особенно все вместе они источали спокойную уверенность. Каждый из них принес с собой сверток, пакет, кейс. Когда все выложили на кухонный стол, выяснилось, что принесли еду, большинство — колбасу или ветчину, один даже захватил кастрюльку с еще теплой вареной картошкой и банку маринованных огурцов.

Все знали друг друга, многие не виделись годами, некоторые десятилетиями, но ни объятий, ни восторженных восклицаний — большинство были друг у друга в должниках. Один прикрыл другого от ретивого начальства, другой вытолкнул друга с простреливаемого участка, третий оказался быстрее напарника в стрельбе, а уж таких фактов, как не сказал лишнего, не спросил, не напомнил, и сосчитать было невозможно. Мужики собрались очень разные и очень похожие. Все с любопытством осмотрели квартиру Гурова, одобряя ту или иную вещь, переглядывались, подмигивали, ухмылялись доброжелательно, в конце осмотра полковник Добродеев, — такая вот подходящая фамилия для опера-важняка, — сказал:

— Лев Иванович, квартирка у тебя хоро-

ша. В первый раз смотрю на чужой достаток и не думаю, а на какие, собственно, шиши он приобретен?

— И напрасно, потому как тут моего самая малость, — ответил Гуров, — остальное — дареное.

— Ясное дело, понравился мужик, чего ему трехкомнатную хатку с обстановочкой не подарить, — сказал кто-то.

— Тем более что мужик оказался ловчее убийцы, да и мою нищую коммерсантскую душу от застенка спас.

Смеялись дружно, но хохотнули приглушенно, тихо и коротко. Последняя особенность гостей была в том, что они не говорили разом, друг друга не перебивали, да и вообще разговаривали мало и негромко.

Быстро накрыли на стол, кто-то отыскал стаканы, двухлитровый баллон «Фанты». Гуров оглядел стол, усмехнулся, достал из холодильника бутылку водки и, разливая, сказал:

— Вытащите свои запасы, бросьте в морозильник, иначе потом теплую придется пить.

Когда приказание хозяина выполнили и вновь расселись, Гуров поднял стакан, кивнул и сказал:

— За встречу!

— Ты не болтун, Лев Иванович, — сказал старший из присутствующих полковник Добродеев, за хромоту носивший оригинальную кличку Костыль. — Плесните по вто-

рой кто помоложе, а ты, хозяин, выкладывай. Так как ничего хорошего я от тебя не жду, поклон тебе, что собрал нас, стариков.

Гуров, словно ища поддержки, взглянул на Крячко, который лишь беспомощно развел руками. Учитывая профессионализм слушателей, Гуров изложил суть дела и положение на сегодня.

— Ничего говеннее ты придумать не мог? — после долгой паузы, во время которой оперативники ели-пили без тостов, стараясь не смотреть друг на друга, хрипло спросил Костыль.

Разговор начинался трудно.

— У меня недавно внук родился.

— Когда ты женился, умные тебя упреждали, что торопишься.

— Как они были суками, так и остались.

— Брось, нормальные парни, как мы с тобой, служба у них такая.

— Фото киллера покажи.

Крячко достал конверт, высыпал на стол фотографии Галея: и портретик, и в рост, снимок машины и ее номера отдельно.

Оперативники смотрели снимки без энтузиазма, каждый знал, что опознать человека, находящегося в толпе, если человек опытный, практически невозможно. Ведь киллера не подведут, не поставят рядом. Он будет среди массы людей и в каком обличье — неизвестно.

— А он не сменит пистолет на винтовку с оптикой? Не устроится на чердаке?

— Это вряд ли, — ответил Гуров.

— Новая игра, где каждый может заработать пулю при помощи собственных мозгов. Нам предлагают ответить на вопросы: когда? где? кого?

— Слушай, Гуров, ты эту конфетку сунул за щеку не сегодня.

— Верно, ставь задачу. Выпьем — пойдем думать.

— Считаю, что митинг и обязательно на улице, — ответил Гуров. — Мишень — не президент и не премьер.

— Спасибо.

— Не за что. — Гуров кивнул. — Начнем с исполнителя. Рост — сто семьдесят, вес — семьдесят, возраст не называю, возможен камуфляж. Если замолодится, возможны вязаная шапочка и длинные волосы. В костыли и подобную атрибутику я не верю — его готовят не пацаны. Особая примета: либо забинтованная рука, либо он должен что-то в руке держать, доставать пистолет из кармана он не станет.

— Протезные шины — это из нашей молодости.

— Что-то современное.

— Фототехника, она сейчас бывает огромная.

— Книга, пачка газет — старо, но удобно.

— Узнать его должен я, а показать вам сумеет Станислав. — Гуров кивнул на Крячко. — После чего вы должны киллера блокировать.

— Ну, это просто. Комитетчики расступятся: мол, валяйте ребята, становитесь удобнее.

— И сколько гэбэшников и просто личных амбалов-охранников там соберется?

— Охрану не считайте, они будут толкаться у микрофонов, в толпу не пойдут, — ответил Гуров. — А у наших коллег проблема та же, что и у нас, — чтобы ведро не текло, а значит, людей будет минимум. Полагаю, человек десять, не более...

— Стрелять в толпе не осмелятся, а в рукопашной, в метущейся толпе, два к одному — мы с ними справимся.

— Ты, Филя, как всегда, через пролет шагаешь, — заговорил Крячко. — Лев Иванович случайно устанавливает время и место.

— Слушай, Лева, не темни, у тебя агентурный подход имеется?

— Возможно. — Гуров помялся. — Надеюсь, что будет.

— Агент не комар, не может за сутки родиться, он либо есть, либо его нет!

— Много знаешь. Налейте ему, пусть заткнется.

— Извиняйте, я не старший, но как лицо приближенное, — Крячко поклонился Гурову, — хочу продолжить. Знаем мы время и место, приходим с людьми, кто сумеет, бабку какую-нибудь подхватит. Каждый должен видеть меня. Если Лев Иванович мне просемафорит, надеюсь — я киллера определю. Надо договориться, как я вам его пока-

жу, и вы, бросив своих невест, подтянетесь к герою.

— Если не втянут в драку и не поломают ребра.

— Ребра за счет профсоюза. — Крячко скривился в улыбке. — Кто получит серьезные повреждения, пытается уйти самостоятельно в сторону.

— А как мы тебя-то будем видеть?

— Меня вы будете видеть отлично, гарантирую. Момент настал, киллер стреляет, жертва падает. Выстрела, конечно, никто не услышит и, кроме нас и десятка гэбэшников, ничего не поймет. Люди решат, что человеку стало плохо, стоящие рядом поддержат его.

— Людям интересно, хочется взглянуть. Толпа качнется к ораторам.

— Верно! Это наш момент. Двое, кто окажется ближе, берут убийцу, остальные прикрывают отход. Особого внимания все эти действия не привлекут.

— Стрелка следует вырубить и не дать ему сбросить пушку. Если затопчут, ничего не докажешь.

— Верно, но, если мы до того момента доживем, о нем разговор особый, — сказал Гуров. — Главное — убийцу довести либо донести до нашей машины живым и усадить, уложить, как получится, но тут тоже разговор особый.

— Не пойму, господин полковник, — спросил самый молодой из присутствовавших и

до того момента не проронивший ни слова, — вы нас пригласили за помощью?

— Слушай, Славка, подоткни слюнявчик и не высовывайся, — сказал полковник Добродеев.

— Парень прав, — сказал Гуров. — Играют либо в открытую, либо втемную. А я не знаю, есть у меня агент или его нет, одно обсудим позже, другое... — Он помолчал, оглядел присутствующих, понял, что слова молодого коллеги у многих вертелись на языке. — Вы, дорогие мои сыщики, и знаете меня, и не знаете... Ну, Гуров и Гуров — видели, в деле неплох, слышали, что не дурак. Я вам, друзья, кроме своего честного слова и поручительства Станислава и генерала Орлова, ничего в подтверждение моей искренности предъявить не могу. Я не знаю многого, так работаю, как видите, живой. Ну не могу я ответить, Слава, на твои вопросы, потому как сейчас ответов не имею. В нужный момент у меня все ответы будут, и вы их, конечно, будете знать.

Крячко поднялся, по-блатному щелкнул по зубам, чиркнул большим пальцем по горлу.

— Он добудет все ответы! Чтоб я слепым был! С этого места не встал! Гуров вам все отдаст, главное — вовремя!

— Ну и защитник у меня, сродни воровской сходке, — улыбнулся Гуров. — Я сделаю все от себя зависящее, конечно, но неподвижные обстоятельства не исключая.

— А почему тебя до сих пор не убили? — спокойно, словно говорил о малозначащем, спросил Добродеев.

Наступила тишина, оперативники перестали есть и пить, лишь кто-то натужно сглотнул. Старый полковник задал вопрос, который вертелся на языке у каждого из опытных оперов.

— Я слегка подстраховался, старина, — ответил Гуров.

— Допустим. — Полковник усмехнулся, сверкнул золотым зубом. — Но они профессионалы, браток, не малограмотные «авторитеты»-уголовники. Если все, что ты предполагаешь, действительно готовится, то тебя попросту на место действия не пустят, изолируют до конца операции, а потом обольют такой грязью, что любые твои заготовки станут бессмысленны.

— Это вряд ли, коллега. — Гуров налил соседям и себе. — Давайте выпьем и объявим сухой закон до окончания дела.

— Удачи! Чтоб в тебя промахнулись!

Прозвучало еще несколько подобных тостов, и через несколько минут Гуров и Крячко остались наедине с грязной посудой. Гуров открыл окно, Крячко начал уборку, недовольно бормотал:

— Могли бы и помыть за собой менты-товарищи.

Зазвонил телефон, Гуров снял трубку.

— Слушаю вас внимательно.

— Очень приятно, Лев Иванович. Это

некто Ирина беспокоит, если помните, конечно.

— Припоминаю, здравствуй. — Гуров несколько растерялся. — Загуляла, девочка? Двенадцатый час, пора ложиться в койку.

— Без пошлости, пожалуйста, — ответила Ирина. — Теперь серьезно. Включи «ящик», третью программу, напряги свои ментовские мозги и попытайся понять, что тебе сообщит Сашка Турин. А завтра, часиков в десять утра, позвони. У меня для тебя есть новость. Гуров, не изображай супера, будь серьезным мужиком, позвони обязательно.

— Я всегда серьезен, дурацкая манера говорить подводит...

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — слушая частые гудки, ответил Гуров.

Он позвал из кухни Крячко, рассказал о звонке, включил телевизор. Информационная программа была обычной, как и во все последние дни. Стрельба в Грозном. Известный сыщикам двухзвездный генерал сказал несколько напыщенных слов о солдатах, которые пали в боях, защищая единство России. Президент принял иностранную делегацию... Премьер встречался с одним из лидеров оппозиции Бесковитым. Затем Турин взял короткое интервью у Вадима Сурикова, которого недавно назначили вице-премьером. У него было приятное открытое лицо и подкупающая улыбка. Сурикову еще нет сорока лет, кандидат исто-

рических и экономических наук, готовится к предвыборной кампании.

Когда ведущий заговорил о событиях за рубежом, Гуров выключил телевизор.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил он у Крячко. — Зачем мне звонили? Что нового я узнал из передачи?

— Девушка просто соскучилась, захотела услышать твой голос, поинтриговала, назначила свидание на завтра.

— Не та девушка. — Гуров помял сигарету, сломал, бросил в пепельницу. — Она была абсолютно трезва, что при ее образе жизни и позднем времени несколько странно. Может быть, мне сейчас съездить к ней?

— Ты нетрезв, на улице гололед, дождись утра, которое, как известно, вечера мудренее.

Крячко видел, что друг несколько растерян и подавлен, что случилось с Гуровым крайне редко. Стремясь отвлечь его, Крячко сменил тему:

— А что можно сказать о теленовостях? Каков Турин? Судя по передаче, он не шибко влюблен в нынешних правителей. Начало: Чечня, бои, трупы, которые не желаем убирать и хоронить. И сразу интервью с генералом, ура-патриотом и недоумком. — Крячко соорстил гримасу. — На словах генерал ратовал за правительство, но на фоне трупов необстрелянных ребят демагогия о защите России звучала кощунственно. Далее президент, который за минувший день про-

вел десяток встреч. Нам показывают его в кремлевских покоях, напыщенного, прото-
кольно улыбающегося. Ты запомнил, с кем
он встречался?

— С каким-то премьером или послом, не
помню.

— Вот именно, с каким-то. — Крячко кив-
нул. — Трупы наших солдат лежат незахо-
роненными, а президент, отутюженный, в
белой манишке, проводит протокольную
встречу. Ты думаешь, у Турина не было дру-
гого материала или телеведущий считает
данную встречу важнейшим событием в ра-
бочем дне президента?

Только в этот момент Гуров «включил-
ся» и стал соображать, куда клонит Крячко.

— Затем встреча премьера с неуправляе-
мым Вульфовичем. Самое важное дело пре-
мьера за сегодняшний день? И почему во-
обще первое лицо правительства России
должно встречаться один на один с оголте-
лым фашистом? И зачем такую встречу по-
казывать в вечерних теленовостях? Да потому,
что они оба являются главными соперника-
ми президента на предстоящих выборах. А
последним кого нам показали?

— Симпатичного парня, юриста-эконо-
миста, который тоже выдвинут в кандидаты
и даже имеет некую программу, как вывес-
ти нас из кризиса.

— Видишь, какой ты умный! Тогда ты дол-
жен сообразить, что в теленовостях, воз-
можно, присутствовало ненавязчивое пред-

ставление россиянам будущих претендентов на пост президента. На первом месте ныне правящий, следом в паре премьер и неофашист, а затем неизвестный широкой аудитории, симпатичный, молодой, ничем себя не запятнавший юрист-экономист. Как расклад?

Гуров уже не слышал друга, приняв идею, что называется, с лета, быстро просчитывал варианты.

Версия, не более того, возможно, она яйца выеденного не стоила. Но опытный сыщик знал: если версия появилась, то должна быть максимально просчитана, при возможности проработана.

В сыске случалось всякое: разыскиваешь истину за тридевять земель, когда она у тебя под носом. Случалось, отчаявшись, копанешь там, где искомая истина никоим образом находиться не может, а она именно в самом несуразном месте и прячется.

Теоретически вполне можно себе представить, что, если людям, которым предстоит выбрать четыре фигуры, расположив их в определенном порядке, вбить в сознание и сами фигуры, и порядок, в котором они стоят, то...

— Лев Иванович! — Крячко тряс Гурова за плечо. — Спустишь на грешную землю. Уж коли ты не желаешь мыть посуду, то вытереть и разложить по местам не сочти за труд.

Глава четырнадцатая

На следующее утро Гуров проснулся позже обычного, гимнастику не сделал, побрился, оделся, взглянул на часы, понял, что успеет в кабинет как раз к десяти и позвонит Ирине, которая сейчас наверняка еще спит.

В министерстве полковник не успел дойти до своего кабинета, как из приемной генерала Орлова вылетела секретарша, схватила его за рукав.

— Лев Иванович, родненький, обыскались! К Бардину! Срочно! Что-то там горит или уже сгорело! А они без вас!

— Ну-ну, Верочка, — прервал секретаршу Гуров. — Вот он я, собственной персоной. Петр Николаевич уже у них? Иди вари кофе, а я взгляну на пожарище и тут же вернусь, ведь я еще не завтракал.

Секретарь Бардина отсутствовал, дверь из приемной в кабинет была приоткрыта. Гуров вошел без доклада и увидел Орлова, который стоял у огромного окна, сцепив короткие руки за спиной и выпятив живот. Самого заместителя министра в кабинете не было.

— Здравия желаю, Петр Николаевич! — сказал Гуров. — Я здесь и весь внимание.

— Здравствуй-здравствуй, — ответил генерал, продолжая вытягивать губы трубочкой — верный признак того, что старый сыщик о чем-то напряженно думает.

Гуров пожал плечами, прошелся по кабинету, передвинул массивную пепельницу на столе для совещаний, стоявшую не на месте.

— Николай сейчас выйдет. — Орлов кивнул на портьеру, прикрывавшую дверь в комнату отдыха. — В девять тридцать дежурный сообщил, что у дома Бардина в своей машине убита его свояченица. «КамАЗ», расплющивший ее «пежо», обнаружен в квартале от места катастрофы. Звонил дежурный следователь прокуратуры. «КамАЗ» угнан ночью с Варшавского шоссе, в кабине острый запах алкоголя и бутылка с остатками спирта «Роял». Николай хочет, чтобы ты подъехал туда.

— Зачем? — спросил Гуров, тяжело сглотнул, налил из графина воды, выпил. — Если бы я ночью подъехал, она осталась бы жива.

Орлов не выразил удивления, спросил:

— А должен был подъехать?

— Сейчас ясно, что должен был, ночью собирался... Что теперь мусолить, не поехал...

Из-за портьеры быстро вышел Бардин, кивнул Гурову, занял свое место за столом, без нужды переложил бумаги.

— Лев Иванович, вы в курсе происшедшего, подъезжайте, разберитесь. Я хочу знать, это несчастный случай или... Ну, ты сам понимаешь.

Из комнаты отдыха неслышно вышла, на ходу застегивая саквояж, медсестра. Орлов

подхватил ее под руку, вывел в приемную, спросил:

— Что у него?

— Вы врач? Ему необходимо лежать, лучше в госпитале.

— Я профессор, дочка. Парню сто грамм можно выпить?

Медсестра вырвала руку, хотела возмутиться, но неожиданно протянула саквояж.

— Спирт, дайте ему немного.

— Спасибо, мы найдем. — Орлов вернулся в кабинет.

— Не забываетесь, полковник! — Бардин оперся кулаками о стол.

— А ну-ка сядь и не изображай! — негромко произнес приказным тоном Орлов. — Мы с Левой людей теряли, различные реакции видели. Ты сейчас не генерал, а обычный мужик...

Орлов подошел к одному из шкафов, открыл, брякнул посудой, принес Бардину треть стакана коньяку и дольку лимона.

— Пей и не разговаривай. Если Лева считает, что на месте происшествия ему делать нечего, значит, у него есть на то основания.

Бардин послушно выпил коньяк, пожевал лимон.

— Посиди пять минут и домой, врача я тебе пришлю. Позже я позвоню, может, мы подъедем. — Орлов выглянул в приемную, жестом подозвал дежурного офицера. — Дру-

жок, отвези Николая Ильича домой. Если там еще не все убрали, толпится народ, не подпускай генерала. Журналистов направляй ко мне. Потребуется — примени силу.

В кабинете Орлова Гуров заставил себя съесть приготовленные Верочкой бутерброды, выпил чашку кофе, рассказал о ночном звонке и разговоре с Ириной.

— Не кори себя, я бы тоже не поехал, — сказал Орлов. — Значит, ей было что тебе сообщить, она ждала твоего звонка в десять, но ее выманили...

— Вот я над этим и думаю, — перебил Гуров. — Если в девять с минутами Ирина вышла из дома, то встать она должна была не позже восьми тридцати. Кто и под каким предлогом мог поднять ее в столь раннее время?

— Родители ее живы?

— Живы, но они на даче и никакое сообщение об их здоровье не могло заставить Ирину вскочить с постели и броситься в машину. Она была женщина не сентиментальная, не трусливая, умная, конечно, хитрая.

— Слушай, когда она с тобой последний раз разговаривала, ты не почувствовал, что рядом с ней кто-то был?

— Вроде нет, — невнятно произнес Гуров, восстанавливая ночной разговор. — Головой не поручусь... Женщина... Я в них постоянно ошибаюсь, но полагаю, что она

была одна. — Гуров замолчал, потер ладонями осунувшееся лицо.

Орлов вздохнул и глянул на друга недовольно, даже осуждающе.

— Соберись, не мальчик, потеря не первая и, к сожалению, не последняя.

— Меня поражает, даже возмущает реакция людей на убийства, — медленно произнес Гуров. — Убили молодого журналиста — газеты в трауре, с экранов стенания и проклятия, дело берет под контроль президент. Почему такие вопли, стоны и возмущение? Любая жизнь бесценна, будь то жизнь корреспондента или водопроводчика. Парень был практически воином, знал, что делает, как рискует. А в Грозном ежедневно хоронят детские трупы. Так по всем убитым в Чечне детям не плакали столько, сколько по парню, который сознательно рисковал жизнью.

— Ты это к чему? — спросил Орлов, выливая из кофейника остатки кофе.

— Не знаю. Я думаю о смерти Ирины, копаюсь в своих чувствах, понимаю, что жалею-то я не ее, а Льва Ивановича Гурова, который не разобрался, не сумел, не успел и потому виноват. Если я разучился плакать, то скорбеть я должен не столько об этой женщине или военном корреспонденте, а обо всех варварски убиенных невинных людях. А о сыщике Гурове забыть и не вспоминать... А я не могу, все о нем думаю, сейчас говорю только о нем, сволочь!

Орлов словно и не слышал полковника, заговорил спокойно, уверенно:

— Ты достанешь их, Лева, не сомневаюсь, достанешь. Они попали в цейтнот, сделали грубую ошибку. Они не могли допустить вашей встречи, но убийство не могло быть спланировано заранее, лепилось на скорую руку. Расколоть такое дело для сыщика экстра-класса — несерьезный пустяк. Ты говоришь, что ее трудно было поднять утром, а заставить куда-то поехать ненакрашенной просто невозможно. Какую и где схватила она смертельную информацию? Кто и на каком крючке затащил женщину под колеса «КамАЗа»? Ты эти вопросы должен разъединить. Нелогично? Я повторяю, они торопились. А ты не спеши, у тебя времени уйма. — Орлов почмокал, привычно почесал в затылке. — Ты мне доложишь часикам к двадцати, а сейчас только одиннадцать сорок. Больше восьми часов на то, чтобы подумать и кое-что проверить. Я тебя непозволительно балую...

Гуров посмотрел в простецкое, мужиковатое лицо генерала. Хотел сказать что-нибудь ехидное, насмешливое, но вместо этого произнес:

— Я вот только закурю и на один вопрос отвечу. — Гуров закурил, занял привычное место у окна. — Информацию она схватила в своем доме, больше нигде. Бардин либо знает ее, либо, если его использовали втем-

ную, теперь догадывается. Он не сыщик, но и не дурак.

Гуров встретился взглядом с генералом, вспомнил, какую бурную деятельность проявил Петр в кабинете замминистра, и лишний раз убедился, что порой его начальник и друг соображает быстрее.

— Мы не можем допрашивать...

— Побеседуем, — перебил Орлов. — Ты же слышал, я обмолвился, что вечером позвоню и мы навестим болящего.

— То-то ты суетился, заботу изображал, коньячку поднес...

— Конечно, я не хочу, чтобы он знал о моих предположениях, — миролюбиво ответил Орлов, а затем продолжил неприязненно: — Тебе пятый десяток, а ты человека в одной плоскости меряешь. Стыдоба, полковник. Какую бы роль в убийстве Николай ни исполнял, никто не запретит мне по-человечески ему сочувствовать. И коньяк можно дать, как мужик здоровый дает закурить мужику раненому, даже врагу, который только что пытался его убить.

— Я пойду, — неуверенно произнес Гуров, погасил сигарету, пепельницу вытряхнул в корзину, протер.

— Да, тебя слишком много, я устал.

— Буду звонить, в девятнадцать часов доложу.

— Подожди. — Орлов остановил Гурова, который уже взялся за ручку двери. — Будешь искать крючок, на который утром под-

МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

цепили девушку, учти мое мнение. Это не политика, не ты, в каких бы взаимоотношениях вы ни находились. Это чисто бабский крючок, таким в старину носки вязали. Иди и учти, что я сегодня тобой недоволен.

В свой кабинет Гуров вошел так резко, что едва не зашиб дверь отпиравшего заставы Артема Ермакова. Крячко, сидя за столом, писал, поздоровался и перевернул страницу.

— Артем, срочно отправляйся к ребятам, которые слушают квартиру Галеев. Могут быть новости не для телефонных разговоров. Вернешься, нас не будет, отпиши рапорт на мое имя и запи в сейф.

— Я ночью совершил ошибку, когда не пустил тебя, — отложив ручку, сказал Крячко.

— Виноват всегда старший. — Гуров снял телефонную трубку, повертел, оглядел кабинет. — Сходим в буфет, перекусим.

Выйдя из кабинета и заперев замки, они прошли коридором до лестницы, остановились на площадке.

— Я уже не верю ни телефону, ни собственному кабинету, — сказал Гуров.

— Слушай, мне Артем не очень нравится...

— Молодой, прости парня. Такое дело, Станислав, ты, конечно, понял, что Ирину убили. У меня на сегодня было дело, но я должен переключиться на убийство. Вместо

меня на встречу с опером контрразведки пойдешь ты.

— С каким опером? — несколько опешил Крячко.

— Помнишь мой разговор с контрразведкой по телефону, когда я им подбросил идею, что Галей — мой человек?

— Не забуду до гробовой доски.

— Так я в тот момент не только им руки укоротил, но одного ихнего парня от плахи спас. В тринадцать у меня с Павлом Кулагиным назначена встреча.

Гуров объяснил, где, в какой машине будет находиться контрразведчик.

— Он тебя знает, о том, что мы друзья, тоже знает. Сядешь к нему в «волгу», предъяви удостоверение, на его ксиву тоже взгляни. Значит, Павел Кулагин. Объясни, что Гурова бросили на дело по нынешнему убийству. Парень, конечно, уже в курсе. Так скажи ему, что у Гурова к нему есть лишь один вопрос.

— Он мне скажет, что на твои вопросы он будет отвечать только тебе.

— Вполне возможно. Ты еще скажи: мол, выслушайте вопрос, захотите — ответите, а нет, так я передам Гурову, что вы отвечать отказались.

— Понял, продолжай. Вопрос?

— Спроси: мол, Лев Иванович интересуется, будет ли Павел Кулагин стрелять в полковника Гурова, если получит подобный приказ?

Крячко смотрел на друга с любопытством, будто давно его не видел или вдруг заметил в нем что-то новое и чрезвычайно интересное.

— Ты надеешься склонить его на свою сторону?

— Я уже это сделал, — ответил Гуров. — Теперь хочу, чтобы он данный факт осознал. И в случае, если начальство поставит его перед выбором, Павел должен быть к ответу готов, а не начинать его искать. В острой ситуации можно принять неправильное решение.

— Значит, вербуешь, — утвердительно сказал Крячко.

На лестничную площадку выскочила девушка с папкой в руках, стрельнула удивленным взглядом на мужчин, которые стояли у окна, застучала каблуками по ступенькам, спустившись на один пролет.

Гуров проводил девушку взглядом, хотел сказать сердито, но сдержался, заговорил ровно, с паузами:

— Нас работа совсем доконала. Я пытаюсь установить с человеком нормальные дружеские отношения и только. Павел Кулагин приличный парень, хороший оперативник...

— Я попытаюсь выполнить, но за результат не ручаюсь, — перебил Крячко.

Он не поверил Гурову, прекрасно понимая: хорошие, доверительные отношения с офицером, который служит в подразделе-

нии противника, — пусть и не вербовка в полном смысле слова, но уж точно ход оперативника, а не соседа по лестничной площадке, который за спичками зашел.

— Вот и попытайся, а я двину в другую сторону. Встречаемся после восемнадцати.

Генерал Барсук подписал лежавшие перед ним документы, закрыл папку, разглядел, взглянул на сидевшего напротив Еланчука, спросил:

— Собрался, Юрий Петрович? Все в порядке?

— Мне собрать чемодан часа хватит, — ответил Еланчук, с удивлением поглядывая на генерала. — Командировка в Австрию на три года. Люди годами, как волки грызутся, а тут два хода — и в дамки. Я такого за всю службу ни разу не встречал.

— Умный очень. В жизни все случается, абсолютно все. — Барсук протянул папку, даже вылез из кресла. — Семью пришем быстро, не сомневайся.

— Спасибо, Степан Акимович.

— Самолет у тебя в двадцать два, время есть, но ты с Гуровым не встречайся и не звони. Это моя личная просьба. Договорились? — Генерал пожал полковнику руку, даже проводил до дверей.

Оставшись один, генерал прошелся по ковру, постоял у запотевшего окна, затем вынул из шкафа бутылку коньяка, тяжело

МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

вздохнул, убрал, шкаф запер, а ключ швырнул под стол для совещаний.

«Это пока я с силами соберусь и на карачках со своей толстой жопой за ключиком полезу, так уйма времени пройдет, — рассуждал он, усаживаясь в жесткое кресло. — Эх, сопляки вы, хотя мозгами многих Бог не обидел».

Еланчук знал, что недавно генерал Барсук дал своему новому молодому начальнику бой. Новоиспеченному начальнику, минуя генерала Барсука, доложили, что разрабатываемый полковник милиции Гуров дружит с полковником Еланчуком. Еланчук не имеет к разработке отношения, однако лучше перестраховаться. Молодой зампред вызвал Барсука и приказал сослать Еланчука к чертовой матери. И тут «старик» проявил нор и неожиданную смелость, заявив, что такими профессионалами не бросаются. А уж коли Еланчук в Москве сейчас лишний, то следует его сослать в Европу и там «законсервировать» до лучших времен. А коли в верхах считают иначе, то у них власть, могут обойтись и без его, генерала Барсука, помощи.

Молодой генерал поначалу вспылil, однако быстро отошел, сказал, что согласен, профессионалов следует ценить, мол, решайте вопрос сами, но полковника Еланчука срочно из Москвы убрать. Вакансия в Вене открылась еще три месяца назад, но австрийцы не принимали кандидатуры Москвы.

Еланчук лет десять назад в Вене работал, был известен спецслужбам досконально, и вопрос с кандидатурой Еланчука решили быстро, рассудив, что на вакантную должность русские все равно пришлют разведчика, так уж лучше иметь под боком человека известного.

Так полковник Еланчук убрался с линии огня в тихую благодатную заводь, а полковник Гуров лишился профессионального консультанта, на которого имел серьезные виды.

Не без труда, но довольно быстро Гуров разыскал депутата Думы Иону Пантелеевича Доронина. Он был уже не трезв, но еще не пьян, бесцельно разгуливал у дома Бардиных, где его и подобрал Гуров, понимая, в каком состоянии должен находиться депутат, и полагая его притяжение к данному дому вполне логичным. Доронин молча обнял Гурова, безропотно уселся в машину.

Недолго думая, Гуров привез Доронина к себе домой, благо, еды да и выпивки со вчерашнего вечера оставалось много, а в случае необходимости Иону можно и спать уложить.

Иона был молчалив, к окружающему равнодушен, подчиняясь хозяину, сел за стол, выпил рюмку водки, съел тарелку пельменей и неожиданно спросил:

— Несчастный случай или ее убили?

— Глупости все это, выбросьте из головы.

Доронин взглянул на Гурова трезво и пытливо, неожиданно перешел на «ты», бутылку водки отставил на дальний конец стола.

— Ты, Лев Иванович, человек умный, проницательный, а простых вещей не понимаешь, потому часто ошибаешься. Я не про твою чертову профессию, а про быт, простую жизнь, без хитростей, ловушек и сложных комбинаций. Лева, жизнь проще, а может, и сложнее, черт не разберет! Я вконец запутался! Как ты полагаешь, мне еще можно выпить? Я не превращусь в свинью?

Гуров переставил бутылку, улыбнулся.

— Самое простое в нашей жизни — это давать советы. — Он наполнил рюмки. — Проживи сегодня и завтра, потом попробуй эту проблему решить. Кроме тебя самого, тебе никто не поможет.

Доронин согласно кивнул, взглянул на рюмку, но не тронул ее и сказал:

— Ты умный, меня считаешь человеком недалеким и алкоголиком. На самом деле я далеко не глуп, два года назад я практически не пил. Я любил Ирину, знал, что мы с ней никогда не будем вместе. Ты прекрасно понимаешь, почему. Ее убили. Я подумал об этом, когда узнал об аварии, потом засомневался. Когда я увидел тебя у ее дома, понял: Ирину наверняка убили. Ведь ты туда приехал в поисках меня, ты сыщик, ■ знаешь, кого и где следует искать. Верно?

— Верно. — Гуров выпил, закурил.

— Виноват Николай, тщеславный дурак, считающий себя хитрым, опытным политиком. Я знаю свои недостатки, не все, конечно, всего человек о себе не знает. Кончится срок, я уйду из этого... — Доронин не нашел подходящего слова и выпил. — Я вчера около семи вечера приехал к Ирине, без предупреждения, трезвый, понял, она кого-то ждет, посидел для приличия минут десять и уехал. Никто не звонил, никаких разговоров о политике не было. Спрашивай, что тебя интересует?

— Что или кто мог заставить Ирину встать в начале девятого и вынудить ее в такую рань и скверную погоду выйти из дома и сесть за руль? — спросил Гуров.

— В десять с минутами из Шереметьева улетала ее любимая сестренка. Ты наверняка догадался, что сестры терпеть друг друга не могли.

— Я даже не думал об этом, — признался Гуров. — Я слышал, что близнецы в большинстве случаев обожают друг друга.

— Я же говорю, ты в житейских делах, если они не касаются твоей работы, не шибко сообразителен. Две молодые красивые женщины. Одна замужем. Приемы, деловые встречи мужа, его подчиненные и прихлебатели увиваются, постоянные поездки. У другой — два неудачных замужества. — Доронин помолчал. — Но у нее больше мужиков и свободы. Разные они, сестры.

Нет, не имеет значения. Женщина по своей природе завистлива.

— Супруга Бардина улетела, — задумчиво произнес Гуров. — Случайно не знаешь, куда?

— Точно не знаю, но в теплые страны, слышал разговор о купальниках.

«Поездка на курорт одной и убийство другой — просто совпадение, — подумал Гуров. — А не могла Алла из машины позвонить сестре, сказать, мол, что-то забыла, попросить привезти? Не годится — одна не попросит, другая не поедет. А если следовало подвезти нечто взаимовыгодное?»

Гуров вспомнил опись вещей, обнаруженных при погибшей. Он видел эту бумажку на столе у Орлова, когда зашел к генералу перед самым выездом. В сумке Ирины лежали две тысячи долларов. Находившиеся в кабинете следователи и оперативники рассуждали, могли ли эти доллары иметь отношение к убийству. Сумма незначительная, да и попытки ими завладеть не было. «КамАЗ» разбил легковушку и умчался. Следователь предположил, что погибшая кому-то везла доллары. Ребята не знали, что сестра убитой находится по дороге в Шереметьево, а Гуров сейчас знает. Сестры жили в одном доме, но это, как говорится, дело десятое, предлог придумать легко. Например, обещала что-то купить сестре, а деньги забыла, мол, хочешь получить желаемое, привези. В таком случае выстраивается убийство с заранее

обдуманном намерением, в котором принимали участие и Бардин, и его супруга.

— Да будь они прокляты! — сказал Гуров.

— Что-то нехорошее ты придумал, сыщик! — Доронин наполнил рюмку Гурова.

Тот взглянул на часы и рюмку отодвинул.

— Придумать в нашем деле каждый может. Сказочка, которую я сочинил, не доказывается. Ты шибко умный, Иона, так скажи мне, что собиралась сообщить мне Ирина? Что она могла узнать вчера вечером, если ее тут же решили ликвидировать?

— Николай при всей своей самонадеянности лишнего не скажет, его супружница ничего лишнего не знает. Я же тебе говорю, Ирина кого-то ждала. Человек, которого она дождалась, и мог сообщить ей сенсационную новость. Ирина — женщина, ей необходимо поделиться... Узнай, кто у нее был...

— Посиди, выпей чайку, я сейчас вернусь. — Гуров взял со стола бутылку водки — хотел забрать с собой, но вспомнил, что в холодильнике стоят еще две, и бутылку оставил. — Я тебя убедительно прошу не пить без меня.

Он взял с собой телефон, вышел из кухни, плотно прикрыл дверь, позвонил Орлову, услышав недовольный голос друга, спросил:

— Ты один?

— Продолжай.

— Ребята из МУРа и прокуратуры осматривали квартиру?

— Естественно.

— А от «соседей» кто при осмотре присутствовал?

— Приезжали отметить, для протокола, так сказать...

— По делу приезжали. Сняли слухачи, квартира прослушивалась. Петр, мне таким делом заниматься нельзя, найди толкового парня, пошли его на телецентр. Необходимо узнать: вечерние теленовости, которые вел Александр Турин, шли в записи или он работал в прямом эфире? Если записывали, то в каком часу, если был прямой эфир, то в каком часу ведущий появляется на студии?

— Слушаюсь! — буквально рявкнул Орлов и положил трубку.

Гуров, как ни скверно было на душе, улыбнулся, вновь набрал номер. Когда Орлов ответил, укоризненно сказал:

— Когда ты меня о чем-то просишь, я трубку не бросаю. Найдите дежурную, которая работала вчера, узнайте, не видела ли она Турина. Он парень знаменитый, могла обратить внимание. Спасибо, господин генерал, извините... — Гуров вновь услышал частые гудки.

Телевизионный ведущий Александр Турин вывел свой «мерседес» на проспект

Мира, лукаво взглянул на сидевшего рядом Гурова и сказал:

— То вас днем с огнем не разыщешь, то вы, словно нечистая сила, материализуетесь из воздуха.

— Профессия... — ответил Гуров и, глядя в жизнерадостное лицо телезвезды, понял, тот еще не знает о смерти Ирины. — Припаркуйтесь где-нибудь в сторонке.

Когда машина остановилась, Гуров равнодушно спросил:

— Постарайтесь вспомнить, во сколько часов вы вчера приехали к Ирине?

— Лев Иванович, неужели ревнуете? — Турин обаятельно улыбнулся.

— У нее никого не было? — спросил Гуров.

— Я квартиру не обыскивал! — Телезвезда начинал раздражаться. — Вы следите за мной или за ней? Противно! Или привыкли?

«Визит не отрицает. Говорить о смерти или подождать?» — размышлял Гуров.

— Александр, помните, я обещал, что, если у меня появится сенсация, вы о ней узнаете первый?

— Помнить и верить — понятия разные, господин полковник.

Гуров рассматривал свои пальцы, как разглядывает свои пальцы женщина, решая, делать ей маникюр или можно подождать, и думал о том, почему парень зашел к Ирине, а не к ее сестре, за которой ухаживал? Тем

более что близкая женщина назавтра уезжала. А если, зная о близости Ирины и сыщика Гурова, парень умышленно сообщил женщине секретную информацию и посоветовал внимательно посмотреть программу теленовостей?

— Простите, но я деньги получаю за работу. — Турин взглянул на часы.

— Вчера видел вас в вечерней передаче, выглядите превосходно, говорите недурственно, а содержание... — Гуров пожал плечами. — Вы материал отбираете сами или этим делом занимается режиссер, а вы лишь озвучиваете?

Турин потупился или сыщику показалось?

— У вас отвратительная манера не отвечать на вопросы и резко менять тему разговора. — Турин взглянул вызывающе.

— Профессия... — Гуров старался удержать взгляд собеседника. — Вы во время работы тоже всегда спрашиваете и никогда не отвечаете.

Тележурналист вынул ключи из замка зажигания, поигрывая брелоком, явно начал нервничать. «Кажется, я угадал, — решил Гуров. — Парень через Ирину решил мне что-то передать, теперь раскаивается, не знает, на чьей я стороне. А если он ведет на свой страх и риск журналистское расследование? Некто решил использовать телезвезду, приоткрылся, прощупывая парня? И тот решил вести двойную игру?»

— Все, нас вырубили из эфира, мне надо ехать по своим делам. — Турин вернул ключи на место, включил зажигание.

— Это вряд ли, парень. Сначала ты отвезешь меня назад, к моей машине.

— Со мной министры разговаривают на «ВЫ»...

— Я не министр, а обыкновенный мент. Давай-давай, крути направо. Ты, Саша, как все нормальные пацаны, в детстве играл в казаки-разбойники? Хочу тебе напомнить, что детство кончилось, а разбойники остались. Сегодня утром они убили Ирину, с которой ты беседовал вчера вечером.

Турин остановил машину так резко, что едущие позади взорвались возмущенными сигналами, а самый возмущенный выскочил из-за руля и подбежал выяснять отношения.

— Двигай, Саша, могут морду набить. Я человек тренированный, а твое лицо чуть ли не национальное достояние.

Турин включил передачу. «Мерседес», машина не слабая, легко уехала от преследователей и через несколько минут остановилась рядом с «жигулями» Гурова.

— Как убили? Почему? Кто? Когда? — Турин попытался схватить Гурова за лацкан пальто, но сыщик перехватил протянутую руку, подвернул кисть.

— Наехали «КамАЗом», в девять двадцать утра. Дешевый наемник, который сейчас вряд ли жив. А почему, это мы поймем, ■

когда ты расскажешь, что конкретно ты сказал Ирине вчера вечером.

— Вы уверены, Лев Иванович?

— Обязательно.

— Еще до нашей первой встречи один человек рассказывал мне о вас.

— Кто, если не секрет?

— Пожилой человек, сейчас пенсионер, когда-то вы работали под его началом. Он просил меня не называть его имени. Он говорил о вас только в превосходной степени. Что вы за всю его долгую службу в органах ну самый-самый, просто нет слов. Я хотел сделать передачу об этом человеке, он отказался, утверждая, что говорить стоит только о Леве Гурове.

Гуров рассмеялся. Он давно понял: Турин встречался с Константином Константиновичем Турилиным, генералом на пенсии, с которым Гуров проработал более десяти лет. А уж когда услышал, что инкогнито называет полковника Гурова Левой, не выдержал:

— Хорошо, будем живы, мы с тобой сделаем передачу об этом человеке. Теперь рассказывай. Повторяю, что детство кончилось, а разбойники остались.

Журналист рассказывал, сыщик слушал.

— Я недоговаривал, больше намекал, в конце сообразил, что женщина просто не понимает меня. Я сорвался и, похваляясь, закончил, что никогда против президента не пойду, а господа на мне далеко не уедут.

А если и уедут, то совсем не в ту сторону, в которую рассчитывают.

— Ты большой молодец, — произнес Гуров таким тоном, что знающий полковника человек мгновенно бы понял издевку и презрение, но журналист принял похвалу за чистую монету и скромно потупился.

— Может, и не стоило так прямолинейно...

— Чего теперь воду толочь? Уж коли ты решил довериться женщине, так и кандидатуру, и тон выбрал правильные. Теперь мы имеем то, что имеем.

— Вы хотите сказать, что из-за этих слов...

Гуров жестом прервал журналиста, спросил:

— Ты родом откуда? Москвич?

— Москвич, — растерянно ответил Турин.

— А родители?

— Я вас не понимаю... Родители родились в глубинке, сейчас живут и работают в Москве.

— Кто-нибудь из близкой родни вне Москвы сейчас проживает?

— Пока вы не объясните цель ваших вопросов...

— Обязательно. — Гуров сжал руку журналиста так сильно, что парень вздрогнул. — Тебе следует из Москвы срочно убраться, и я ищу легенду. К примеру, серьезно заболела бабушка, которая живет в дальней глухомани.

— Раз убили Ирину, могут убить и меня?

— Не могут. Должны. Они не рассчитывали, что я так быстро доберусь до тебя. Им очень нужна телезвезда.

— Я никуда не уеду, и не будем об этом. Мои коллеги сейчас работают в Грозном, а я сбегу из Москвы, потому что трус, недоумок, болтун?

Гуров посмотрел вокруг.

— Насколько я понимаю, нас еще не засекли. Но завтра с утра ты будешь уже под наблюдением. То ли они тебя сразу, то ли захотят еще раз поговорить, неизвестно... Ты живешь один?

— С женой. Мы, правда, еще не зарегистрировались...

— Прекрасно. У тебя острый приступ радикулита, обмотайся платком, сиди дома. Жена пусть не выходит из квартиры, пригласи друга, найди объяснение. Звони начальству, снимайся с эфира. В квартире все время должны быть люди. Никто не захочет сейчас лезть в квартиру, устраивать бойню.

В восемнадцать Гуров вошел в свой кабинет. Дверь отпер Крячко, сказал:

— Парень оставил рапорт и отправился к зубному врачу.

Гуров прочитал рапорт Ермакова. Борис Галей третьи сутки дома не появляется, ему никто не звонил, к младшему заходят соседи да выпивохи из окрugi.

— У нас барахлил телефон, я вызвал мастера, он исправил шнур, сказал, мы можем жить спокойно. — Крячко взглянул вопросительно.

— Докладывай. — Гуров махнул рукой. — Все едино, не можем же мы из сортира не вылезать.

— Встреча прошла нормально. Парень держался уверенно, сказал, что знает меня. На твой вопрос ответил с юмором, мол, стреляет отвратительно, а в человека и с пяти метров не попадет. В конце разговора, который продолжался около пяти минут, сказал, что в ихней казарме солдаты крайне недовольны жизнью, посылают все начальство по известным адресам, чуть ли не половина личного состава взяла бюллетени. Что у тебя?

— Позвони Петру, узнай, примет нас или ждать?

Крячко просьба явно не понравилась, он взглянул на друга неприязненно. Однако пододвинул аппарат, соединился с начальством.

— Господин генерал, господин полковник Гуров спрашивает разрешение зайти. — Крячко выслушал ответ, подмигнул Гурову, который видеть товарища не мог, так как тупо смотрел в окно. — Вы, как всегда, правы, господин генерал, только ни в цирк, ни на эстраду в условиях нынешней конкуренции меня не возьмут. Я, конечно, передам, только боюсь, они нас не услышат. Нет, те-

лесно они приветствуют, но разум их отбыл. Понял. — Крячко положил трубку. — Велено прибыть минут через двадцать.

— Станислав, тебе не надоело паясничать?

— Надоело, только ежели я это дело брошу, вскоре устроюсь в дурдом. У меня же нет таких нервов, как у некоторых.

— У них тоже плохо, Станислав. Я утром на секунду вожжи бросил, Петр тут же объявил, что мной недоволен.

— Так и сказал? — Крячко дернул щекой, как это случается у нервнобольных. — В первое чаепитие я ему генеральскую морду набью.

— Ты полагаешь, что Петр из цельного железа скроен? Порой думаешь: так плохо, что хуже не бывает. Немного время откапает, убедишься, что бывает и хуже. — Гуров закурил и со свойственной ему парадоксальностью мышления спросил: — Как считаешь, Бардин похож на убийцу?

— Убийца? Кто такой? Извини, встречал несколько... — замялся Крячко и после паузы добавил: — десятков несколько, так знаешь, среди них, пожалуй, — он цыкнул языком, качнул головой, стал серьезен и закончил: — один походил на убийцу, а другие вполне нормальные, даже обаятельные встречались. Помнишь?..

— Помню, Станислав, я, к сожалению, все помню, — перебил Гуров, хотя понятия не имел, что хотел спросить Крячко. — Ска-

жи, если бы Господь даровал тебе возможность четко слышать мысли другого человека так, словно человек говорит вслух, ты бы принял такой подарок? Ты, сыщик? Станислав, ты бы стал лучшим сыщиком в мире!

— Полагаешь? — Крячко оглядел приятеля, даже чуть отошел, чтобы разглядывать в рост. — Про дурдом я уже говорил. Лева, а за что так круто Господь меня? Я про рай молчу, не заслужил, да и одиноко слишком. Но и ад я не заслужил. Я однажды ребенка спас. Помнишь? Мое место в чистилище. Там хорошо, знакомых уйма. Одних жуликов разных мастей! И каждый тебе: «Здрасьте! Как здоровьице?» Ну, может, кто и кулак покажет, не без этого.

Крячко подошел, взял Гурова под руку, просительно сказал:

— Пойдем, Лев Иванович, а то ты еще чего спросишь. А мне генерал тоже прибыть велел. Еще один твой вопрос, и я до генеральского кабинета не доберусь. Пойдем?

Генерал Орлов махнул рукой, мол, заходите, располагайтесь, закрыл лежавшую перед ним папку, отодвинул, вздохнул тяжело, словно собирался не выслушивать доклады подчиненных, а землю копать, и закрыл глаза. Выдержав значительную паузу, собрался с силами, взглянул на Крячко.

— Ну, у тебе дерьма поменьше, выкладывай.

Станислав доложил о результатах встречи с оперативником контрразведки, о рапорте Артема Ермакова, что Борис Галей исчез.

— Хорошо. — Орлов кивнул. — Полагаю, Галей мы увидим, если увидим вообще, только под занавес, — и перевел взгляд на Гурова.

Тот старался говорить как можно короче, поэтому делал значительные паузы, аккуратно подбирая слова и вопросы, на которые следует найти ответы.

Орлов сидел почти неподвижно, лишь изредка смахивая со стола несуществующую пылинку. Крячко дважды вставал, затем вновь садился, так и не решившись высказаться.

— Доказательств, как всегда, никаких, — сказал Орлов. — Хорошо работаем, продуктивно.

— Как всегда? — возмутился Крячко. — Случалось, мы добывали и доказательства.

— Профессионалы, Петр Николаевич, — спокойно ответил Гуров, — они не обязаны оставлять нам доказательства. Но они явно готовятся. Когда начнут действовать, появятся и доказательства.

— Старый, как мир, анекдот. — Орлов тихо рассмеялся. — Приходит женщина в милицию, жалуется, что сосед угрожает убийством. А дежурный в ответ: мол, все это

слова, тетя, вот убьют, тогда зайдете... — Он взял лежавшую на углу стола газету. — Друзья мои, вы «Правду» давно не читали? Давно. Очень плохо. — Орлов развернул газету. — Либерал-демократы и коммунисты обратились в мэрию с просьбой разрешить им провести митинг... Много слов о том, какой митинг и почему. Нам безразлично, о чем они будут говорить, важно, что на данном митинге вы, Лев Иванович, получите кое-какие доказательства.

Генерал перелистал газету, поправил очки.

— Имеется обращение и непосредственно к вам, господин полковник, — улыбнулся он Гурову. — Вот... «В беседе с нашим корреспондентом высокопоставленный чиновник из аппарата президента сообщил, что органами контрразведки после длительной и кропотливой работы выявлен киллер, совершивший за прошедший год ряд заказных убийств». Ну, тут перечисляется то, что нам известно, — генерал вновь заглянул в газету, — «...в том числе и убийство журналиста, которое вызвало бурное негодование среди так называемой интеллигенции. После проведения оперативных мероприятий мы сообщим подробности».

Орлов смял газету, швырнул в корзину для мусора.

— А Галей исчез! Мог он взять на себя журналиста?

— Это вряд ли, — усмехнулся Гуров. — ■

Он не то что чужого не возьмет, он от своего кровного отопрется, а доказательств — ноль.

— А если он сохранил пресловутый «вальтер» и его нашли?

— Ежедневно в Москве продают и покупают десятки различных стволов, — ответил Гуров. — Убийца человек обученный, опытный, прекрасно знает, что является доказательством прямым, а что — лишь косвенным. Он заявит: мол, творится беспредел, купил у неизвестного лица кавказского происхождения пистолет для личной самообороны, а о прошлом «вальтера» ничего не знаю и знать не хочу, требую адвоката. В контрразведке и прокуратуре работают тоже люди опытные. Имея один пистолет, никто рта не раскроет. Знают, что пресса сегодня таких обвинителей на куски разорвет. Так что, господин генерал, ваша «Правда» обращается не к моей скромной персоне, а к жаждущему сенсаций обывателю. А мое мнение, — продолжал Гуров, — что статья является не обращением, а первым открытым ходом в готовящейся сложной операции.

— Переспорить тебя, Лева, мне в жизни не удавалось. — Орлов снял очки, потер переносицу. — Я могу лишь приказать. Поэтому выкладывай, что ты про запас оставил. Я же не могу, дружок, поверить, что ты собираешься сидеть сложа руки и ждать.

— Позвоните, пожалуйста, Бардину, спросите...

— Не могу, — перебил Орлов. — Бардина забрали в госпиталь, телефон, конечно, имеется, но просили не беспокоить.

— Паршиво. Необходимо найти водителя, который отвозил жену Бардина в аэропорт. Не думаю, что Бардин отдал свою персоналку, наверняка вызвал из гаража...

— Так позвони в гараж и спроси у диспетчера. Скорее всего использовали разгонную и она еще работает. А зачем? Какая идея?

— Объясню. Надо поговорить с водителем, но так, чтобы об этом не знали сто человек.

Орлов вызвал секретаршу и, когда Верочка вошла, сказал:

— Девочка, позвони в наш гараж, узнай у диспетчера, кто сегодня утром отвозил в Шереметьево супругу замминистра Бардина. Объясни, что она обронила в машине женскую безделушку, попроси водителя тебе перезвонить, соедини со мной.

— Хорошо, Петр Николаевич. — Верочка озорно улыбнулась. — И кто бедной девушке за переработку платить станет?

— Полковник Гуров, — успел сказать Крячко, прежде чем девушка вышла из кабинета.

— Распустил я вас. — Орлов вновь обратился к Гурову: — Так какова идея?

— Чудится мне, мадам ехала в аэропорт ■

не одна, прямо у дома в машину подсел мужчина. Если я прав, то человек этот нас очень интересуется.

— Кто подсел, если не секрет?

— Подождем водителя. Подтвердит — скажу, иначе смеяться будете.

Зазвонил один из стоявших на столе генерала аппаратов. Орлов снял трубку и сказал:

— Слушаю, старина, чего стряслось? — и, прикрыв трубку ладонью, пояснил: — Дежурный. Да, есть такой. — Орлов взглянул на Гурова. — Как? Когда? Кто выехал? Кто сообщил? Понимаю, будь здоров, мягкого тебе дежурства. Крепитесь, мужики...

Гуров отошел от окна, встал, широко расставив ноги. Крячко поднялся со стула, спросил:

— Кого?

— Парня вашего, как его?

— Ермакова, — подсказал Крячко. — Убили? Где? Когда?

Гуров повел себя более чем странно: облегченно вздохнув, перекрестился.

— Слава Богу! Кошунственно, конечно, тоже человек. Но я испугался за водителя.

— А пацана так и не жаль? Твой пацан!

— Он ихний пацан. — Гуров вновь перекрестился и закурил. — Ну, Ильин! Ну, сука! Узнаю орла по полету, а добра молодца по крови. Своих начал убивать — значит, началась чистка, значит, до финала рукой подать!

Орлов не понимал Гурова, но не хотел в этом признаваться, злился, вышел из-за стола, открыл дверь в приемную:

— Чайник включи, пожалуйста. Нашли водителя?

— Так точно. Был у подъезда, сейчас явится. — Верочка вытянулась, попыталась щелкнуть туфлями, но, так как была на высоких каблуках, чуть не упала.

— Стой, дуреха, нос расшибешь. — Орлов подставил секретарше стул. — Я же просил, чтобы он позвонил.

— Не могу знать, господин генерал! — Верочка вновь вскочила. — Позвонил мужчина, представился: водитель машины номер такой-то, через минуту будет у генерала.

— У Станислава научилась? — Орлов покачал головой. — Не главк, а балаган. Ну так, будь любезен, поясни! — Вернувшись в кабинет, ткнул пальцем Гурову в грудь. — Коротко и простыми словами.

— Я заподозрил Ермакова с первой же минуты. Высококвалифицированный компьютерщик! Что вы, ребятенки? Это же кадры не наши, не ментовские. И вдруг сразу лучшего на блюдечке. О покойниках плохо не говорят. Кстати, как и где?

— В собственном подъезде, выстрел в затылок, в упор, — ответил Орлов.

— Ликвидатор. Конечно, жаль парня, но, если бы он мне признался, я бы его уберег. Я его пару раз проверил по мелочам, он прокололся. Артем работал на Ильина, снял

копию с дискеты, передал. Мы с тобой, Станислав, пахали по-черному, а они получили чистенький, обработанный материал. Они вышли на Галеев вместе с нами, возможно, на день раньше. Ну, когда я убедился, то покойному серьезный материал давать перестал, а дезу Ильину протолкнул.

— Какую? — быстро спросил Крячко.

— Не скажу. Это, между прочим, в твоём присутствии происходило.

Дверь приоткрылась, и Верочка спросила:

— Прибыл водитель. Разрешите?

Орлов кивнул, Верочка открыла дверь шире, и в кабинет вошел Василий Иванович Светлов, бывший опер МУРа, работавший в группе Гурова и знавший присутствующих не один десяток лет.

— Чапаев! — Крячко вскочил. — Василий Иванович, какими судьбами?

Орлов вышел из-за стола, пожал старому товарищу руку. Гуров чуть было не обнял Светлова, сдержался, но руку тряс долго.

— Станислав, ты уволился — меня на пенсию вытолкнули, — несколько смущаясь столь бурной встречи, бормотал Светлов. — Ну, поболтался я на вольных хлебах, однако мент, он и есть мент, устроился вольнонаемным в наш гараж. Хотел зайти к тебе, — он кивнул Орлову, — но как-то неловко, ты — генерал, я — водила... Ну, понимаешь... Сейчас, когда диспетчер мне сказал о какой-то бронзулетке, якобы оброченной в маши-

не, и чтобы я позвонил твоей секретарше, я понял, что лучше прибыть, чем выслушивать ваше вранье по телефону. Так что вас, господа сыщики, интересует?

Орлов оглядел Светлова, вернулся в свое кресло, кивнул Гурову.

— Присядь, Василий, сейчас чай дадут, — сказал Гуров и прошелся по тесному кабинету. — Ты утром отвозил в аэропорт супругу Бардина. Она ехала одна?

Светлов улыбался, опустил на предложенный стул.

— Я не зря с вами работал, друзья, чутье сыщика не потерял. Ты, как всегда, прав, Лев Иванович. Только мы уложили вещички и тронулись, как мадам, увидев мужчину, который голосовал, стоя у соседнего дома, попросила остановиться. Я решил, что сосед просит подбросить куда-нибудь. Но мужчина лишь поздоровался, сел не на переднее сиденье, а позади. Мне показалось, что он прикрыл лицо и на сиденье устроился в углу, который не просматривается в зеркало заднего вида. Мне это сразу не понравилось. Хотя я видел его мельком, на любовника он не похож. Они шептались, мужчина в чем-то мадам убеждал, когда мы на Ленинградском проспекте миновали «Динамо», мадам попросила остановиться у супермаркета. Они вышли вдвоем, а вернулась мадам одна, мужчина испарился. Как я понимаю, он вас интересует?

— Очень, — сказал Гуров. — Но сам факт, ■

что мужчина в машину подсаживался, уже очень важен. Ты его разглядеть не мог, опиши, как можешь.

— Лет сорока, сутулый, прихрамывает на левую ногу, одет...

— Спасибо, Василий, ты старый сыщик, понимаешь, человек может сутулиться, хромать, надевать на себя что угодно, — сказал Гуров. — Рост, вес?

— Рост примерно сто семьдесят пять, худощавый, тут не прикинешься. Был он в вязаной шапочке, но думаю, что темно-русый, речь культурная, может говорить быстро, слов не подбирает.

— На таких салазках далеко не уедешь, — усмехнулся Крячко.

— Может, мне его сюда привезти, чтобы ты, Станислав, его внимательно разглядел? — огрызнулся Светлов.

— Спасибо тебе огромное. — Гуров принял у Верочки поднос с чашками и кофейником, поставил на угол стола. — Василий, ты с возрастом не мажешь, он не может быть моложе?

— Исключено, командир, — ответил Светлов. — Когда он из машины вылезал, отвернулся, но левую руку на спинку переднего сиденья положил. Кисть я видел отлично. Немолодой, пальцы худые, цепкие, неухаженные.

— Мадам вернулась в машину со свертком? — спросил Орлов. — Сколько времени отсутствовала?

— В руках у нее был лишь ее ридикюльчик. Вернулась она минут через семь-восемь, за такой срок в нашем магазине ничего и не купишь. Почему-то я думаю, она выходила позвонить.

— Ты превосходно думаешь, Василий Иванович. Нам крупно повезло, что за рулем оказался старый сыщик. — Гуров налил в чашки кофе.

— Ну? — Орлов смотрел на Гурова требовательно. — Говори, здесь все свои.

— Предположительно мужчина уговорил мадам позвонить сестре, чтобы Ирина привезла в Шереметьево доллары. Когда Василий отъехал, мужчина сел в машину, которая следовала за ними от самого дома, последовала команда перегнать «КамАЗ», угнанный ранее, к дому Бардиных.

— Спасибо, Лева, но об этом мы догадались. Мужчину ты опознать можешь? — спросил Орлов.

— Возможно, — ответил Гуров, не удержался и добавил: — По таким приметам грех не опознать.

Глава пятнадцатая

Известно, сегодня в Подмоскovie развернулось бурное строительство. Человек землю получает, покупает, кто шесть соток за двести верст от кольцевой, иной соток поболе, зато и верст от Кремля поменьше. Один бытовку ладит, иной на хозблок собрал, не-

которые кирпичные замки сооружают, ограду высокую успели возвести. Известно, коммунизм: от каждого — по возможности, каждому — по потребностям. Но и тот, у кого возможностей и потребностей больше, тот и получает соответственно. В большинстве случаев люди строились кучками: скромные владельцы бытовок и хозблоков — своей компанией, те, кто отдавал предпочтение многоэтажным виллам или коттеджам из камня либо кирпича, строили свой загородный мир отдельно.

На одной из таких вилл, расположенной хотя и на природе, но неподалеку от Лубянской площади, третий день жил Борис Сергеевич Галей. Нельзя сказать, что его схватили, а теперь держали под замком и охраной в заточении. Но приехал он на виллу не на своем «жигуленке», и, хотя ни у дверей, ни в воротах ограды часовые с ружьем не стояли, Галей не мог надеть дубленку и отправиться куда глаза глядят.

Все произошло не эффектно, а, можно сказать, буднично. Третьего дня он вышел из своего дома, сел в «жигули» и не успел доехать до родного «Динамо», как его остановил гаишник. Представившись по форме, розовощекий сержант равнодушно взял водительские права и техпаспорт, вежливо козырнул, попросил открыть багажник, тихо матюгнувшись в адрес лейтенанта, который сидел в милицейских «жигулях», стоявших неподалеку.

— Все под Богом да начальством, — сочувственно и одновременно насмешливо сказал Галей, выскочил из машины и отпер багажник. — Извини, командир, я «калашников» дома оставил. — Он сегодня был в настроении и необычно словоохотлив.

К «жигулям» подошел ладно скроенный парень, забрал у гаишника документы Галея, и только в этот момент киллер понял, что дела его хреновые. Парень сунул документы в карман, профессионально проверил, нет ли в карманах Галея чего лишнего, и сказал:

— Борис Сергеевич, присядь на минутку в машину, — и указал на стоявшую позади «жигулей» «волгу». — Разговор имеется.

Галей глянул на «прохожего», который докуривал сигарету в метре от «жигулей», затем на водителя «волги», пинавшего безвинные колеса, и, будучи человеком опытным и не любившим насилия, сел в «волгу».

Гаишник и милицейский «жигуль» давно исчезли, машины ехали по проезжей части, пешеходы вышагивали по тротуарам, жизнь шла своим чередом. Водитель сел за руль, «прохожий» устроился на переднем сиденье, парень, столь ловко отшмонавший Галея, сел рядом.

— Борис, я знаю, ты человек обученный, понимаешь, что мы лишь извозчики, разговаривать с тобой — дело не наше. Дай-ка ключи от машины, тебе после домой ехать.

Галей отдал ключи, сидевший на переднем сиденье их молча взял, перешел в «жигули», и обе машины быстро покатались по улицам столицы. Галей откинулся на сиденье, закрыл глаза, пытаясь сообразить, какая контора его замела и что ему может быть предъявлено.

Когда выехали за кольцевую, Галей понял, что в камеру его сажать не собираются. К чему бензин жечь, камеры имеются и поближе. Вскоре «волга» свернула с шоссе, а еще через несколько минут остановилась.

— Приехали, вылезай! — весело объявил сопровождавший и выскочил из «волги».

Галей сам был хваток, оценил движение спутника, вышел, не торопясь, огляделся. Дачный поселок, новостройка — определил Галей, хотя вычурной архитектурой трехэтажные строения не походили на дачи, а два десятка таких замков нельзя было называть поселком.

«Жигули» Галея загоняли в гараж, значит, не на чашку кофе привезли, понял киллер, следуя за водителем, который махнул ему рукой и начал подниматься на крыльцо.

Сызмальства аккуратный, Галей переступил порог, тщательно вытер ноги, повесил дубленку на вешалку, отметив, что верхней одежды на ней немного, прошел в просторную комнату, где у горящего камина в кресле сидел мужчина, читал журнал.

Услышав шаги, мужчина отложил журнал, поднялся и сказал:

— Вот и свиделись, Борис Сергеевич. Здравствуй, рад видеть тебя спокойным, не тычешь пушкой под ребро. — Хозяин указал на кресло, стоявшее напротив. — Присаживайся. Знаю, не пьешь, не куришь, может, чай, кофе?

Галей, конечно, сразу узнал «мужичка», который однажды подсаживался в его «жигули», хотя полковник Ильин сегодня не рядился под приезжего, был одет в дорогой костюм и остальной гардероб соответствовал — от сверкающих туфель до белоснежной рубашки и слегка приспущенного галстука.

— Я в прошлый раз не представился, так зовут меня — Игорь Трофимович, а остальное тебе не интересно. Верно? Ведь ты, Борис Сергеевич, человек деловой.

Привезший Галея парень вкатил столик с чашками, кофейником и легкой закуской, на второй полке стояла и бутылка коньяка с рюмками.

— Приятного аппетита, — сказал парень, поправил салфеточку и спросил: — Я больше не нужен, господин полковник?

— Свободен, спасибо, можешь расслабиться, — ответил Ильин.

Галей чуть заметно скривил тонкие губы, прекрасно понимая, что оперативник проговорился, обратившись к хозяину по званию.

— А «господин» не жмет, пообвык? — Галей налил себе кофе.

— Борис, я знаю, что после нашей нечаянной встречи с тобой беседовали, ты обещал подумать. — Ильин тоже взял чашку с кофе. — И что ты надумал? И не нашел ли ты случайно кем-то оброненный «вальтер» девятого калибра?

— Полковник, на пустой крючок кильку ловят, — раздраженно ответил Галей. — Я тебе не верю, потому искать, кто, где и чего обронил, не собираюсь.

— Пятьсот тысяч зеленых — плохая наживка? — удивился Ильин. — Ты меня не знаешь, вправе не верить. Твой хозяин, человек солидный, поручился за меня и ранее тебя не подводил.

— Я сам себе хозяин! — огрызнулся Галей и, заметив, как сжал пальцы и напрягся хозяин, миролюбиво добавил: — Ты жизнь в своей конторе отслужил, всякое видел и должен понимать, что, если я себя не уберегу, меня никто не убережет.

— Не умею говорить красиво и пугать тебя не хочу, но либо мы договариваемся, либо нет. Подумай, как себя подстраховать, какие желаешь гарантии. Поживи здесь в покое и тишине, суток трое я могу обождать.

— Игорь Трофимович, может, вы меня в запас переведете? Очень мне ваше предложение не по душе. Такой, как я, и через полгода, и через год может понадобится. А? —

Галей достал носовой платок, аккуратно промокнул пот со лба.

— Сам понимаешь, дорога ложка к обеду. Я полковник, а обед готовят чины покруче.

Галей взял себя в руки, убрал платок и вновь заговорил жестко:

— Коли ты мне объяснишь, почему именно в меня уперся, я буду думать.

— Вроде не дурак, а вопрос задаешь идиотский. — Ильин взял бутылку коньяка, плеснул себе в бокал, Галею не предложил. — Никто ничего тебе объяснять не собирается. Ты ликвидировал банкира Белоуса, дельца Исилина, депутата Сивкова и вопросов не задавал. Тебе предлагают выполнить твою работу и получить большие деньги. Я не понимаю тебя, Борис Сергеевич. В чем проблема?

Галей молчал, думал о Сашке, который хотя и живет в роскошной квартире, но без старшего пропадет.

Ильин пригубил коньяк, пытаясь понять, как он, многоопытный профессионал, залез в дерьмо по самые уши, попал в зависимость от прямолинейного, упрямого убийцы. Ведь практически все уже было в руках, в прошлый раз пистолет лежал у Галея в кармане. Хотел сделать все своими руками и наверняка. Но пистолета могло при убийце не оказаться, начал оправдывать себя Ильин. Либо в кармане убийцы находился пистолет, но не тот «вальтер», который был

необходим, и тогда все пошло бы насмарку. Ну, задержали бы человека с оружием. Кого удивил, чем отличился? Нет, в тот момент он, полковник Ильин, рассуждал правильно. Имеется наемный убийца, которого его хозяин отдает со всеми потрохами. Зачем хватать, рисковать втемную, когда можно киллеру сделать нормальный заказ? Кто мог предположить, что парень окажется столь упрям и неуправляем?

Можно отказаться от задуманной и просчитанной операции, спустить малого в канализацию и найти другого исполнителя. Нет, начальство не согласится, они хотят одним выстрелом убить двух зайцев и реабилитировать себя. Такой выстрел можно произвести только из одного пистолета, который, возможно, уже и в природе не существует, разобран и выброшен. Однако и поведение Галея, когда вопрос касался «вальтера», и чутье профессионала подсказывало, что киллер не уничтожил любимое оружие. Необходимо во что бы то ни стало засвеченный пистолет разыскать и последний раз из него выстрелить — и все будет в шоколаде. Высокое начальство станет решать свои проблемы, а он разделается с Гуровым.

Ильин лишь однажды в разговоре с начальством упомянул имя ментовского полковника. Какое дело большим генералам до блядового мента? Гвоздь в ботинке? Выдержи гвоздь или выброси ботинки — так рас-

суждает начальство, но отнюдь не полковник Ильин. Гурова необходимо уничтожить. Не просто убить, что отнюдь не просто, но вполне выполнимо. Его надо превратить в дерьмо, размазать, посмотреть в глаза живому, терзаемому газетчиками, возможно, ожидающему суда. Посмотреть в глаза и ничего не сказать — он умный, все поймет.

Ильин никогда не думал, что может так возненавидеть человека. Они были знакомы давно, даже работали по одному делу. Ильин относился к сыщику угро без симпатии, но отдавал ему должное как профессионалу. В этом году, когда их интересы переклестнулись, Ильин был недоволен, в ментовке можно найти противника и попроще. Но, когда удалось быстро, без хлопот ввести в группу Гурова своего человека, Ильин успокоился, даже был доволен, что утрет нос не безымянному менту, а известному сыщику. И как могло быть иначе, если свой парень работает в штабе противника и не рядовым оперативником, а собирает во единое и группирует полученную информацию. И все шло нормально. Ильин получил копию дискеты Гурова, аналитики вычислили Галея как возможного кандидата на место искомого киллера, наружка засекла Гурова при выходе из дома подозреваемого. Казалось, круг замкнулся. И тут начались сбои. Гуров придумал фантастическую историю об агенте. Наглая ложь — не более, но опытный сыщик просчитал верно, что

на уровне министров не разбираются, кто из подчиненных лжет, а кто говорит правду. Министрам главное, чтобы их не сталкивали друг с другом, не поднимали шум, не дай Бог, проводят газетчики. Гуров не сомневался, что противник такого поворота испугается, и Ильин испугался. Гуров расколол сопляка, молча отстранил его от компьютера, превратил в оперативника-бегунка. Гуров влез в семью Бардина, и что сыщик там нашел — неизвестно, но он встал Ильину поперек горла.

— Господин полковник, вроде бы вы не уснули, но я тут, а вас нет, — сказал Галей, возвращая Ильина к действительности. — Понятно, чем выше кресло, тем тяжелее шапка. Отпустил бы ты меня, сам говорил, три дня подождать можешь. Я не сопляк безмозглый, в бега не брошусь.

— Ты мужик серьезный. — Ильин согласен кивнул. — Но ты баксов подкопил, а человеку с валютой необязательно бегать, можно и летать. У меня нет лишних людей, чтобы круглосуточно за тобой и братцем наблюдать.

Галей лишь сморгнул при упоминании брата, но Ильин почувствовал, что ткнул пальцем в больное место, и вспомнил, как, читая собранные по Галею материалы, отчеркнул карандашом строчки, где говорилось о необыкновенной любви братьев друг к другу.

— Так что ты поживи здесь, в тепле и

уюте, пораскинь мозгами. Надеюсь, мы сговоримся. — Ильин отставил бокал. — Особой охраны мы не держим, но, если тебе шлея под хвост попадет, мы братца твоего возьмем в одночасье. Сам знаешь, был бы человек, а статья в УК всегда найдется. Брата вроде Александром зовут, и он не очень здоров?

Галей угрожающе привстал. Ильин ногой нажал кнопку звонка, дверь мгновенно открылась.

— Слушаю вас, Игорь Трофимович, — сказал опер, который перегонял «жигули» Галея.

— Я уезжаю, а Борис Сергеевич решил здесь несколько дней отдохнуть. — Ильин кивнул Галею, направился к дверям. — Покажи гостю комнату, бильярдную, библиотеку, может, в картишки переброситесь, в отношении выпивки он не партнер. На озере лунки насверлили, можете рыбку вместе поудить, а в Москве Борису Сергеевичу пока делать совершенно нечего.

Ильин кивнул и, довольный собой, удалился.

Шли третьи сутки. Галей жил спокойной, размеренной жизнью, но спокойствие это было лишь внешней оболочкой. Как известно, жизнь Бориса Галея до этих дней была несладкой. Он начал бой за выживание в детстве, вел его ожесточенно, дошел до убийства людей. Они с братом вполне могли прожить без «мокрых» дел, но Борис встал

на свой путь, никогда не задумывался о цене чужой жизни, не знал бессонницы, всегда был спокоен.

Находясь в роскошном особняке, первую ночь он спал нормально, вторую — урывками, последнюю не спал. Брился он, ел, гулял у дома или листал журналы, смотрел телевизор или беззлобно переругивался с оперативниками охраны, он непрерывно думал, искал выход. Кубик-рубик не складывался.

Существовали факты бесспорные, понятные. Где-то он засветился, и спецслужба, как она называется, вышла на него. Доказательств у них нет — тоже факт. Вспоминая, — а память у него была превосходная, — все разговоры, Галей уяснил, что крайне нужен всесильной службе, но больше самого Галея им необходим его «вальтер». Пока он не попал в руки полковника, жизнь Бориса Галея вне опасности. Готовится убийство политического лидера, убийство хотят связать с ранее совершенными и еще черт знает с чем, что Галею неизвестно. Возьмется он за выполнение задания, выполнит его или нет, он, Борис Галей, не жилец. Это они решили, существует с миллион причин, по которым его нельзя оставлять в живых. Засвечена сама спецслужба, полковник, оперативники, эта хаза, в которой Галея сейчас держат. Он знает о заговоре, и не имеет значения, сам Галей пришьет политического

болтуна или это сделает другой, Бориса Галея убьют непременно.

Ясно, что существует день и даже час, когда «вальтер» должен выстрелить. И этот день спецслужба передвинуть не может. Значит, рассуждал Галей, следует тянуть как можно дольше, чтобы до последнего момента они не теряли надежды на успех, иначе они придумают, как обойтись без Галея и его «вальтера», а тогда конец.

Доказательств нет, но хозяевам они и не нужны, никто не собирается возбуждать уголовное дело, передавать его в суд. Спецслужба всесильна, она и следствие, и прокуратура, и суд, что надобно, то с человеком и сотворят. А надо Бориса Галея использовать и убрать из жизни, что сделать в данной ситуации легче легкого. К примеру, прострелить башку, посадить в собственные «жигули», отвезти на проселок и бросить. Таких случаев по столице и области уйма, никто и внимания не обратит, лишь для проформы составят протокол осмотра, нарисуют на тонкой папочке номер и забудут в милицейском сейфе. Милиция. Тут Галей неожиданно для себя подумал об угрозыске с надеждой. Если попасть к ним, ситуация изменится. Оперы утро, конечно, вцепились бы в него, начали мотать, крутить, вязать Галею свои «висячки», могли и бока намять в камере, но убивать не стали бы, им это ни к чему.

И тут Галей вспомнил, как недавно Сашка

рассказывал о странном мужике, который заходил, назвался новым участковым, явно из утробы, интересовался Мишкой Захарченко, который из Москвы неожиданно исчез. Борис тогда расспросил брата о госте подробно, прикидывая, не по его ли, Бориса, душу заскочил сыщик. Сашка описал гостя, и портрет совпал с тем, что рисовал Мишка, когда описывал мента, на которого напал в переулке, а потом еле ноги унес, случайно поранив сыщика. Галей знал, что сыщик тот — не простой опер, личность очень известная, полковник и о нем сложилась легенда, что полковник «не берет», держит слово и признан самыми крутыми «авторитетами». Может, придумали люди, среди преступников сочинять легенды и сказки — дело обычное. А может, и есть такой, неподкупный и принципиальный, чем черт не шутит? Борис очень считался с мнением брата, все калеки — люди наблюдательные, потому как не собой любуются, а на людей смотрят и видят в них много такого, на что здоровый и внимания не обратит. Так, Сашка оценивал гостя очень высоко. Спокойный, сильный, уверенный и, что Сашка о человеке говорил крайне редко, людей уважает. И, что немаловажно, гость левую руку явно оберегал, а со слов Мишки, он полоснул мента именно по левой клешне.

Тогда, хоть и толковали братья, не торопясь, Борис в основном думал о том, что ничего конкретного против него нет и, будь

залетный гость даже полковником Гуровым, из пустого места доказательств не добудешь. Сегодня Галей на тот разговор глянул иначе. Сыщик такого класса самолично не будет разыскивать сопливого гопстопника, даже если последний и поранил полковника. Значит, он приходил по мою душу, рассуждал Галей, видно, вычислил меня сыскарь, а спецслужба ему дорогу перешла. Но по закону я — клиент розысника, а не службы безопасности, которая замышляла убийство.

Киллер и не заметил, как начал апеллировать к закону, который сам нарушал в главной человеческой заповеди — не убий!

Менты с гэбэшниками живут недружно. Если полковник розыска, такой сильный и принципиальный, каким его рисуют деловые, узнает, что его клиента незаконно — доказательств-то нет — перехватила спецслужба, сыщик вздыбится. Слабенькая, но надежда. За такую тонкую ниточку цеплялась мысль киллера, когда он после бессонной ночи гонял бильярдные шары с опером, которого звали Вадимом. Тот был парень беззлобный, равнодушный, явно не знал истинной сути поднадзорного и, забывая очередной шар, плоско шутил:

— Опять ты приехал, вылезай и сдавайся, — мелил кий и продолжал: — И чего ты с шефом стойку держишь? Он уже звонил, велел передать, что к обеду будет и срок истек.

— Твоя взяла. — Галей бросил кий. —

Пошли к телефону, хочу с брательником покалякать.

Ему было разрешено раз в день звонить домой, говорить с братом. Ильин решил, что вреда от таких подконтрольных разговоров быть не может, а польза очевидная. Получая послабление, Галей решит, что к нему относятся с уважением в расчете на дальнейшее сотрудничество. И калека, поговорив с братом, не станет трепать языком, что Борис пропал. Братья — в округе люди известные, ни к чему лишние разговоры да сплетни.

Опер и Галей поднялись в кабинет, где имелся телефон с отводной трубкой. В который уже раз Галей оглядел книжные полки, заставленные разноцветными томами, и подумал, что хаза эта явно для служебного пользования и никто книжки в руки не возьмет, а ведь не поленились, завезли, расставили — пусть все, как в нормальном доме, выглядит.

Опер знал номер, набрал, услышав гудок, отдал трубку Галею, отводную снял сам, положил палец на кнопку, нажатием которой мог прервать разговор, если он покажется подозрительным.

— Слушаю, — ответил младший.

— Привет, Сашок, — сказал старший.

Братья справились о здоровье друг друга, перемолвились о погоде, после чего Борис перешел к главному вопросу.

— Участковый мусор не заходил, тот, что

однажды в штатском появился и о Мишке расспрашивал?

— Бог миловал, — ответил младший и насторожился. Он после первого звонка понял, что старший попал в переделку и разговор наверняка прослушивается.

— Понимаешь, я того мента позже видел, он меня по тухлому делу свидетелем тянет. Я не хочу, чтобы мент подумал, что я сбежал, подумает: раз испугался Галей — значит, виноват. Ты его повидай обязательно, скажи: брат не сбежал, а отъехал по делам, звонит. Ты понял, малый? Вопрос серьезный, мент должен знать.

— Не дурак, будет сделано, — ответил Александр, пытаясь вспомнить, как зовут того штатского и где его искать.

— Будь здоров, — сказал Борис и отсоединился.

Сашка положил трубку, опираясь на костыль, постоял, раздумывая. Значит, Борис попал в тяжкую, коли у ментовки помощи просит, значит, братан в петле. И где того штатского начальника искать? Позвонить дежурному по МУРу, назвать свою фамилию, адрес, сказать, мол, кто из оперов интересуется, пусть срочно объявится? А может, тот мужик не с Петровки, а я шум подниму!

Александр прошел на кухню, где Мишка Захарченко чистил картошку. Мишка объявился вчера вечером и заночевал. Старый корешок объяснил, что ездил в деревню к

бабке, убег от местных бугров, которых побаивается. После разборки морда только зажила и струпья сошли, бугры вроде смиловались, но сегодня у них одно, а завтра другое появится. В деревне сидеть сил нет, податься некуда. Сашка пожалел парня, разрешил переночевать, о менте в штатском, который заходил, интересовался, не сказал.

— Вот, Сашок, почистил. — Мишка подвинул кастрюльку с картошкой, руки вытер о штаны.

Сашка одобрительно кивнул, решая, как начать разговор и стоит ли его вообще начинать? Ни хера Мишка знать о том сыщике не может, но и другого пути нет, решил хозяин и спросил:

— Тот мусор, что тебя чуть не прихватил, а ты его порезал и ушел, каков из себя был?

— Да я говорил, и чего тебе? — Захарченко напрягся, разговор поворачивался не в ту степь.

— Заходил один, интересовался, твое имя обронил. — Александр взял с мраморной полки соль, сыпанул в кастрюльку. — Куда, мол, пацан запропал? Мне с него должок получить требуется.

— Еще один хер моржовый выискался! — недовольно сказал Михаил, а нутром потеплел. Лев Иванович никак сюда заявиться не мог, да и слов таких тем более не скажет.

— А может, твой крестник, которого ты порезал?

— С каких дел? Он ни имени моего не знает, ни району, где я обитаю.

— Он левую руку неловко держал, потому я и подумал, — небрежно продолжал Александр. — Лет сорока, высокий, плечистый, шатенистый, виски седые, глаза голубые, одет фартово, речь культурная.

— Я с ним сшибся, рядом в темноте полсотни метров прошиндыбал! Чего я рассмотреть мог? — сказал как можно насмешливее Михаил, ощущая, как по вискам и между лопаток струится пот. Сашка описал полковника точно. «Ну зачем я мог срочно понадобиться Льву Ивановичу?» — нервничал Захарченко, не подозревая, что визит Гурова в данную квартиру не имел к нему, Михаилу, никакого отношения.

А Галей-младший наконец собрался с силами и задал главный вопрос:

— Очень он мне нужен, этот мент. Понимаешь, Мишка, заговорили мы о моей ноге, и мент сказал, что ихний госпиталь получил из Америки какой-то аппарат, облучающий человека. Говорит, чудеса творит. Может, попробовать? Американцы — сила, чего угодно придумать могут. Я тогда его слова мимо пропустил, ждал, чтобы убрался он скорее, а теперь жалею. Где теперь его найти, узнать точнее, где аппарат, кто там главный? Ты же знаешь, у братана деньги имеются.

— Да, жаль, лопухнулся ты. Ментов много — не разыщешь. В нашем участке наверняка его не знают. Раз он начальник, не пойдет он в районный околоток представляться. Я могу спросить у одного «авторитета», умный мужик, поймет: коли беда такая, можно и к менту, и к черту обратиться. Я спрошу, но ты не надейся особенно, главное — не трепись, люди неправильно понять могут.

— У меня нога больная, а не голова, — обиделся Александр. — Может, сегодня и спросишь, а то болит — сил нет.

— Если найду того человека, — неуверенно ответил Захарченко. Он прекрасно помнил телефон Гурова и очень хотел помочь другу.

Гуров узнал о разговоре от службы прослушивания, так что, когда позвонил Захарченко, полковник уже просчитывал варианты, но действительного положения вещей, конечно, определить не мог.

Записали разговоры в квартире Галея и контрразведчики, но для них, не знавших всей предыстории, болтовня пацанов не представилась заслуживающей внимания, потому как участковый регулярно навещался в квартиру.

Разговор братьев Галеев между собой был записан непосредственно и на загородной вилле. Когда полковник Ильин приехал для

решающей встречи с Галеем, то первым делом прослушал запись, но и опытный контрразведчик не нашел в записи ничего интересного.

Виктор Иванович Якушев, как простой смертный, прошел через таможенную и пограничный контроль в международном аэропорту Шереметьево. Пожелай он, и с такими формальностями можно было справиться без труда, но у Якушева существовал принцип: пользоваться привилегиями лишь в тех случаях, когда без них обойтись невозможно. Это в какой-нибудь задрипанной буржуазной стране вроде Франции перед законом все равны, а в России к серьезным людям относятся серьезно и с должным уважением. И лишь пожелай Якушев, так его бы с низким поклоном провели мимо таможенников и пограничников. Но, как уже было сказано, у миллиардера существовали принципы, и он, как и все, выполнил необходимые формальности.

Рейс немного задерживался, и Якушев прошел в ресторан и взял пиво, что позволял себе крайне редко, так как боялся располнеть. Настроение у него было какое-то противоречивое. С одной стороны, вырваться из круговорота деловых забот было приятно, можно расслабиться и ни о чем не думать. С другой — ни о чем не думать практически невозможно.

Он читал, что в основе любого крупного состояния, возьми хоть Ротшильдов, хоть Морганов, лежит преступление. Почему он, Виктор Якушев, должен составить исключение? Вернуть Россию на подобающее ей место в мире могут лишь дисциплина, порядок и труд, в основе же, безусловно, должен лежать капитал. Очень красиво и значимо, только зачем людей убивать? И не надо себя оправдывать, что нынешние правители убили в сотни раз больше.

Якушев не получал удовольствия от пива, не ощущал его вкуса. Вырвавшись из потока дел, которые ежедневно захлестывали его, оставив в кабинетах телефоны, телетайпы и факсы, он оказался наедине с собой. Приглядевшись к себе, Якушев не содрогнулся, но остался крайне недоволен. Нанял киллера, приказал убить неудобного депутата Владлена Сивкова, избавляясь от опасного свидетеля, оплатил убийство бизнесмена Карасика, теперь отдал киллера спецслужбе. Они нащупали Галея и без меня, пытался оправдаться новоиспеченный магнат. Теперь киллер будет убивать не по моему указанию, вскоре его, конечно, тоже ликвидируют. Будь хотя бы перед собой честен, ты, организатор одного убийства, соучастник другого, готовящегося, еще не свершившегося, струсил и улетаешь из Москвы, бежишь. Ни следователь, ни суд тебе не грозит, можно не прятаться, но от себя самого ■ никуда не денешься. От столь мрачных мыс-

лей Якушев так расстроился, что потерял над собой всякий контроль и, оставив бокал с пивом, вытер губы ладонью. Поймав себя на таком плебейском жесте, Якушев расстроился еще больше, облегченно вздохнул, услышав, что объявлена посадка на его рейс, белоснежным платком вытер губы и, окончательно успокоившись, вышел из ресторана.

Гуров и Саша Галей сидели в убогой комнатухе бабки-знахарки, жившей неподалеку от дома Галеев, которая травами и заговорами безуспешно лечила ногу младшего. Идею встретиться именно здесь подсказал Гурову оперативник, ведущий за домом наблюдение, когда докладывал, что Александр ежедневно выходит на улицу и ковыляет в дом по соседству. Идея прилась как нельзя кстати. Гуров как раз решал вопрос, каким образом, а главное — где встретиться с парнем.

Гуров смотрел на худое, нервное лицо Александра Галея, который, сидя в кресле, бесцельно ковырял заскорузлым ногтем свой костыль, и не знал, что сказать больному, несчастному парню.

Саша рассказал о звонке Бориса, пытался доказать менту, что брат попал в какую-то историю, видимо, опасается за свою жизнь, иначе никогда бы не обратился за помощью в ментовку. Гуров дал парню выговориться, ■

прекрасно понимая, кто схватил киллера, что держат его на конспиративной квартире, но где она расположена, полковник не имел понятия. Сыщик не знал также, что он может в создавшейся ситуации предпринять.

Судя по звонку Бориса Галея, он отказывается от предложения, ищет выход. Раз киллера сразу не ликвидировали, даже разрешают звонить — значит, хозяева надежды на «сотрудничество» не теряют, пытаются уговорить либо добиваются иного. Чего они добиваются?

— Моя милиция меня бережет, — сказал Сашка, попытался взглянуть на Гурова вызывающе, но не получилось. — Попал бы в беду чей-нибудь сынок, так все бы на уши встали.

— Когда квартиру ремонтировали, полы меняли, а стены переставляли? — спросил Гуров.

— Чего? — опешил парень.

— Ты знаешь, что твой брат убийца, я решаю, где у него тайник находится, — ответил Гуров. — Наверняка очень хитро изготовлено и найти трудно.

— Какой еще убийца? — Сашка заплакал.

— Врагу я не пожелаю такой работы! — Гуров поднялся, хотел пройти по комнатшке, но лишь шагнул к окну, занавешенному линиялыми шторами.

Сашка плакал молча, слезы сочились из

широко открытых глаз, Гуров стоял к нему спиной, накручивал себя, стараясь разозлиться. Нашел несчастненьких, расчувствовался мент, словно горя человеческого никогда не видел. Трудно парни жили, так тысячи и тысячи людей живут значительно труднее. Борис Галей — киллер, человек, спокойно убивающий себе подобных. Брат без ноги остался? Так люди и без двух ног остаются людьми. Ну, этот мальчишка за дела брата не в ответе.

Гуров повернулся, посмотрел в уже сухие, лихорадочно блестящие глаза парня и спросил:

— Так что ты от меня хочешь?

Сашка смотрел на Гурова, явно не видя его, прошептал:

— Не мог братан убивать, никак не мог!

— Ты кого пытаешься обмануть? Меня или себя? Или весь белый свет? Ведь никаких билетов «МММ» у вас не было! Ты это знаешь прекрасно. Деньги с неба не падают, даже копейками не сыплются. Так откуда Борис добыл миллионы? Я веду с тобой детский разговор, ты беду чувствовал, а признаваться даже себе не хотел. Я ищу твоего брата давно...

— Найдите его сейчас! — жарко зашептал Александр. — Иначе его убьют.

— Сначала я должен лишить его пистолета, который спрятан в вашей квартире.

— Ищите, я ничего не знаю, — упрямо повторил парень.

Без техники тайник не найти, рассуждал Гуров. Если я вызову бригаду, специалисты начнут работать, Ильин узнает мгновенно. Галея убьют тоже мгновенно, он станет не нужен, опасен. Он убивал, его убьют — вроде бы даже справедливо. За что сражаться? Почему «вальтер» должен находиться в квартире, разве мало других мест? Делали капитальный ремонт, у Галея большие деньги, он должен был заказать изготовить тайник. Убийца не мог упустить такой шанс, просто не мог.

А если Галея взяли с «вальтером» в кармане и я вообще ищу вчерашний день? Нет, тогда киллеру не позволили бы звонить брату. Имей Ильин пистолет, который находится в розыске, он сделал бы Галею предложение, а получив отказ, вел бы игру иначе. Гэбэшник заигрывает с Галеем, у спецслужбы нет пистолета, за которым числится несколько трупов, — это однозначно.

— Саша, на тебе крови нет и соучастия не докажешь, — заговорил через силу Гуров. — Я понимаю, ты печешься не о себе... Решай: если ты мне укажешь тайник, я найду нужный мне пистолет и попробую захватить твоего брата. У меня будут для этого законные основания.

Сыщик обманывал не только парня-калеку, но и себя самого. Полковник не разрешал себе думать о том, что, даже получив пистолет и имея заключение баллистической экспертизы, что убийство бизнесмена

Карасика и депутата Думы Сивкова были совершены из данного оружия, он дальше не продвинется и Бориса Галея не получит. Спецслужба никогда не признается, что захватила киллера и держит его у себя. Парня ликвидируют и начнут искать иное решение.

Гуровым руководил уже не разум и трезвый расчет, а тупое упрямство, нежелание отступить, признать свое бессилие.

— Если Бориса захвачу я, брата ждет следствие и суд. Останется он в руках, в которых сейчас находится, — его убьют. Однозначно. И он это прекрасно понимает, потому и позвонил тебе, попросил найти меня. Твой брат не дурак, отлично понимает, что милиция его определит не на курорт, а в камеру. Борис сделал выбор, ты встаешь поперек воли брата.

— Я ничего не знаю, — прошептал Александр, пододвинул костыль, оперся на него и встал.

Борис Галей дал согласие ликвидировать человека, которого ему укажут, признал, что «вальтер» целехонек. Полковник Ильин внутренне ликовав, но внешне воспринял согласие киллера равнодушно, обронив:

— Я знал, что ты разумный мужик, Борис Сергеевич. Каждый делает свою работу. ■

За обедом они разговаривали мало, каждый думал о своем.

Если доверить решающий выстрел киллеру, то и брать его следует на месте, шумно, привлекая внимание окружающих. Ну, а тот факт, что в руках правоохранительных органов окажется труп, — накладка, конечно, но уж больно «неожиданно» все произошло, ребята не виноваты, рассуждал Ильин и, позволив себе выпить рюмку водки, взглянул на Галея с симпатией.

Когда я достану «вальтер», сразу меня не убьют, тогда надо будет и Сашку решать, а полковник — чистодел, ему такая морока ни к чему, прикидывал Галей, доедая плов, и привычно вытер тарелку корочкой хлеба. Они меня подведут на позицию, укажут мишень, дадут выстрелить. Тут-то мне и каюк. Киллер перехватил взгляд гэбэшника, улыбнулся. Он быстро успокоился, обрел форму, правда, клонило в сон. Я получил отсрочку, не может быть, чтобы, завладев пистолетом, я не нашел выхода.

Они подошли к камину. Вошел охранник, принес Ильину коньяк, Галею — кофе. Наступило время обсудить детали.

— «Вальтер» в квартире, но тебе туда идти не следует, — сказал Ильин. — За домом наблюдают, тебя захватят на выходе с «горячим» пистолетом в кармане и упекут в камеру, осудят и расстреляют. Ты скажешь, где пистолет взять. Я пошлю парня, он все выполнит аккуратно. Ты только позвони

брату, скажи, чтобы он человека пустил и шум не поднимал.

Ильин говорил, Галей согласно кивал, усмешливо спросил:

— Все? Ты, Игорь Трофимович, — профессионал, а меня за придурка держишь. Кто же «горячую» пушку в своем доме хранить будет? Она лежит в ином месте. Заехать домой я должен обязательно. Таково мое условие. Мы все толковали, что я должен, но у тебя тоже есть обязательства. Когда люди договариваются, они идут навстречу друг другу.

— Ты можешь сначала взять оружие...

— Не перебивай. Я первый раз в жизни ночь не спал, все обдумал. — Тон у киллера был столь повелительный, что Ильин решил выслушать Галея, и тот продолжал: — Тебе не понять, но я соглашаюсь ради спокойствия брата. Мне нужно приехать домой, переодеться в чистое, исподнее прилипает, ведь я хоть и не верующий, но крещеный. Надо проститься с братом, а уж потом в дорогу. Главное — я могу войти в свой дом так, что ни один мент меня не заметит. В моей квартире имеется потайной выход.

— Очень убедительно. Особенно меня тронуло сообщение, что ты крещеный. — Ильин отставил рюмку, которую держал, не пригубив ни разу за все время разговора. — Чистое белье тоже трогательно. Однако одного я тебя не отпущу.

— Твое право. — Галей пожал плечами.

Александр Галей спал, как всегда, чутко, когда из кухни донесся скрип отодвигаемой потайной двери. Он включил бра, нащупал костыли, громко крикнул:

— Борис? — Сашка снова закричал, опираясь на костыли: — Старшой, ты?

— Дух мой! — ответил Борис, зажигая торшер, и сдержанно обнял брата. — Тут гости со мной. — Он кивнул на стоявших на пороге двух крепких парней. — Чайку поставь, я пока переоденусь. Да, я поутру звонил тебе в отношении участкового, так ты забудь, не беспокойся. И чего мне взбрело, сам не пойму.

Он начал переодеваться, решая, что предпринять дальше. Как и предполагали Гуров и Ильин, пистолет находился в квартире. Тайник был вмонтирован с обратной стороны потайной двери и изнутри квартиры обнаружить его было невозможно, но сейчас, когда дверь была сдвинута, забрать «вальтер» не представляло труда.

Забрал пушку, пришел двух придурков, что дальше? Из Москвы следует уйти немедленно, вся спецслужба поднимется, здесь не схорониться, не отсидеться. Уйти можно в Чечню, где не только человек, бронепоезд затеряется, никто не найдет. Сашку оставить на растерзание, так они его сразу посадят как сообщника убийцы.

Этот вариант Галей отмел сразу. И брата он не отдаст, и превращаться в бомжа не со-

бирается. При таком раскладе его жизнь становилась бессмысленной.

Охранники разделились. Один наблюдал за Борисом, другой за Александром.

— Сашка, брось возиться с чаем, некогда! — крикнул Борис, выдвигая ящик, где лежали носки.

Оперативник мгновенно оказался рядом, отстранил хозяина, вынул ящик, вытряхнул содержимое в кресло.

Борис никак не реагировал, продолжал переодеваться. Сашка пришел из кухни, сел рядом, спросил:

— Когда вернешься?

— Через недельку, — как можно беспечнее ответил Борис, надевая высокие ботинки на толстой рифленой подошве. — А ты не скучай, читай своих «Мушкетеров» и будь за меня спокоен.

— Не бойсь, братан, у меня порядок, — ответил Сашка, прекрасно зная, что в толстом томе «Трех мушкетеров» уложены плотные пачки долларов.

Через несколько минут Борис полностью переоделся. Братья попрощались сдержанно, без эмоций. Сашка сдвинул панель стены, отомкнул потайную дверь, сказал:

— Удачи, братан! Звони.

— Будь здоров! — Борис шагнул к дверям, но оперативник вышел первым, сверкнул карманным фонариком, скомандовал:

— Идем!

Борис шагнул на площадку черной лест-

ницы, пропустил второго оперативника, сказал:

— Минуту, дверь замыкается только с этой стороны.

Наступил главный момент. Тайник находился в стене рядом с потайной дверью. Охранники, уверенные, что «клиент» без оружия, спустились на несколько ступенек, откуда подсвечивали на Галея фонарем. Борис чуть переместился, закрывая собой тайник и изображая, что возится с хитрым устройством двери, нажал в нужном месте, стальная пластинка бесшумно отодвинулась. Борис взял «вальтер», закрыл тайник, поворачиваясь, опустил оружие в карман, который тоже имел секрет, хорошо знакомый вору, особенно «щипачам». Карман был вроде обыкновенный, но по внутреннему шву не прошит и походил на портмоне, состоящее из двух отделений. Внешнее отделение было коротким, то есть обыкновенным карманом, внутреннее — длинным, дно которого было чуть ниже пояса. Таким образом, предмет, опущенный во внутренний карман, как бы проваливался и человеком несведущим, шмонавшим подозреваемого, не прощупывался. Вдобавок вор демонстративно выворачивал карман, показывая пустые руки, и возмущался. Подобным хитростям было сто лет в обед, нормального опера-розыска такими штучками не обманешь, лишь насмешишь.

Опер контрразведки выше мелких во-

ровских хитростей. Когда Галей сажился в машину, охранник, перестраховываясь, похлопал Бориса по карманам и, довольный собой, сел рядом с убийцей. Не изменил бы Галей свои планы, так бы гэбэшников и схоронили, но убийца перерешил и самоуверенные парни остались живы.

Взглянув на беспомощного брата, на благоустроенную квартиру, новые костюмы и прочие атрибуты спокойного, благополучного бытия, убийца от стрельбы и побега отказался. Он придумал другую комбинацию, которая в случае успеха гарантировала ему прежнюю жизнь, а может, и лучше.

— Куда едем? — спросил оперативник, сидевший за рулем, так как начальство предупредило, что после квартиры они должны заехать еще в одно место.

— На вашу хаверу, — ответил Галей, зевая. — Мне требуется переговорить с Игорем Трофимовичем.

— Крутишь, за старое принялся?

— Руль в твоих руках, — лениво ответил Галей, зевнул и взаправду задремал. Вторая бессонная ночь и нервная встряска брали свое.

Прибыли на место. Галей повесил дубленку с «вальтером» рядом с одеждой телохранителей, сел в кресло у камина и в первый раз в жизни пожалел, что не приучен пить.

Ильин вышел из гостиной, молча выслушал доклад подчиненных, вернулся и, устроившись в кресле напротив убийцы, срывающимся голосом спросил:

— Как тебя понимать, Борис Сергеевич?

— Уважаемый Игорь Трофимович, мне интересная мысль пришла. Почему бы вам меня к себе на службу не взять? Образование у меня специальное имеется, через кадры меня проводить не требуется, так как ни на звание, ни на оклад я не претендую, на свои гонорары проживу. У вас негласных сотрудников до хера, но и толку от них столько же.

Неприлично о полковнике контрразведки говорить, что он обомлел, но с Ильиным подобное произошло. Он настолько растерялся, что взглянул на Галея под предложенным углом зрения. Обучен, как положено, умен, физически вынослив, внешность неприметная, нервы в полном порядке, отлично стреляет, главное — никаких моральных принципов: убить, что в сортир сходить.

Ильин вернулся на землю. Человек этот неуправляем, его надо все время держать за горло, иначе загрызет. Сейчас он сотрудничество предлагает, а представится возможность — пристрелит в момент.

— Ты кое-что обещал, а не выполнил. Как понимать?

— Как не выполнил? — удивился Галей. —

Я слово свое всегда держу. — Он пересек гостиную, открыл дверь в прихожую.

Ильин напряженно следил за убийцей, когда он исчез из поля зрения, почему-то занервничал. Из прихожей донесся смех Галей и его сухой, словно выстрел, окрик:

— Стоять, мать твою!

Полковник вскочил, но Галей уже вернулся. В руке у него был пистолет с глушителем.

— Подбери сопли, мудака! — бросил он небрежно через плечо охраннику, который, стоя в дверях, рвал из-под пиджака запутавшийся в «сбруе» пистолет. — Кто не успел, тот опоздал.

Галей положил свой «вальтер» на стол, подтолкнул его к Ильину.

— Я свое слово держу, господин полковник.

Тут он снова повернулся к охраннику, который наконец достал оружие, наставил его на Галей:

— Ты с приятелями скинься, купи свечку, поставь в храме да поклонись в ножки своему шефу. Исключительно из уважения к господину полковнику я оставил вам жизнь, педерасты.

— Класс признаю. — Ильин махнул рукой на охранника, опустил в кресло, выдержал марку, до «вальтера» не дотронулся. — Как же тебе удалось?

— Я так же, как и вы, Игорь Трофимо-

вич, профессионал. — Галей налил в бокал минеральной воды.

— Интересно мне взглянуть на человека, который тебя уволил.

— Разве увольняет человек? — Галей усмехнулся. — Будто вы не знаете, что исполняет чиновник, а сокращают единицу. Человеки в таком деле не участвуют. Сейчас, извините, я спать пойду, а вы решайте, как дальше жить будем. Не положено младшему давать советы своему начальству, но, ежели вы данную пушку в свою контору на экспертизу пошлете, то жизнь себе сильно усложните. Вы же не думаете, что я имел два «вальтера» одного калибра.

Галей поднялся на второй этаж, где находилась его спальня, и сразу заснул. Ильин продолжать сидеть у камина, размышляя. Убийца абсолютно прав — отдавать «вальтер» экспертам нельзя. Они отстреляют пистолет, проведут сравнительную экспертизу, установят, что «вальтер» в розыске, информация о том, что найдено оружие, из которого был убит депутат Сивков, может уйти на сторону. Какой-нибудь выскочка, стремясь выслужиться, доложит наверх.

Хорошо, с пистолетом повременим, рассуждал полковник, а что делать с Галеем? Уж больно заманчиво его предложение. Сегодняшней ночью жизнь не кончается, парню цены нет, никто не режет курицу, несущую золотые яйца.

Полковник Ильин не заметил, как пере-

стал называть убийцу убийцей, и отношение контрразведчика к Борису Галею в корне изменилось.

Глава шестнадцатая

Выяснилось, что у Бардина был микроинфаркт, врачи не разрешили ему переехать на квартиру, держали в госпитале, тем более что время совпало с похоронами Ирины и боялись нервной встряски и рецидива. На похороны Гуров не поехал, понимая, что поступает безнравственно, но после недолгой борьбы профессионал оказался сильнее человека. Сыщик не хотел светиться перед людьми Ильина, которые на кладбище обязательно будут. Полковнику милиции, пусть он и знаком с погибшей в автомобильной катастрофе, — а такова была официальная версия, — нечего делать на похоронах, если между покойной и Гуровым не было ничего больше, чем просто знакомство.

Звонил Иона Доронин, приглашал на поминки, получив вежливый отказ, возмущался, заявил, что ошибся в Гурове, который обыкновенный мент, и бросил трубку.

Звезда телеэкрана Александр Турин послушно «болел» радикулитом, лежал дома, и никто его не беспокоил. Он даже возмущался: мол, как быстро проходит земная слава. Гуров посоветовал ему сплюнуть через левое плечо, намекнул, что славу в отличие от

жизни можно вернуть, а радикулит — болезнь не смертельная.

Ни Галея, ни его «жигулей» Гуров не искал. Тот факт, что труп и машина не обнаружены, доказывал, что Ильин и его компания от своего замысла не отказались и наступившее затишье следует расценивать как затишье перед бурей.

На кладбище, где хоронили Ирину, сыщик не поехал, а в Митино, к гробу Артема Ермакова, и Гурову, и Крячко ехать пришлось. Убили члена группы, и отсутствие на кремации полковников не поняли бы ни свои, ни чужие.

Друзья соблюли все приличия, Крячко даже обнял отца погибшего — растерянного мужчину лет пятидесяти, и они незаметно удалились.

— Он был нормальный парень, — сказал Крячко, усаживаясь за руль своего «мерседеса». — Он был честен и служил как положено.

— Откройся он мне, остался бы жив, — ответил Гуров и поспешно добавил: — Извини, ты, конечно, прав. Мальчик служил своему начальнику, думаю, покойный этого подонка и убийцу никогда в глаза не видел. Ничего, придет время, мы его достанем. Нас политика не касается, мы обязаны людей охранять, убийц разыскивать.

— Слова говоришь, начальник. — Крячко вырулил на окружную. — Не грызи себя,

всех людей охранить и всех убийц достать невозможно.

— Я не про всех, я только о своих собственных пекусь. Чуть глубже копнуть, выясняется, что Артема подставил я, когда снял с компьютера, стал использовать как рядового оперативника.

— Слушай, Достоевский, а ты к бойне в Чечне никаким краем не примазался?

— Все мы той кровью измазаны, все россияне.

— Знаешь, пошел бы ты, господин полковник!.. Я от тебя устал больше, чем от всех смертей, что рядом происходят.

— Извини, Станислав, извини, — сказал Гуров. — Поедем ко мне, помянем парня согласно христианскому обычаю. Ты прав, он свою службу нес исправно, и мы на него обиду держать не смеем...

Особый цинизм происходящего удесятелялся тем, что розыск убийцы Артема Ермакова взяли в свое производство сами убийцы.

На следующий день Гурову позвонил Иона Пантелеевич Доронин.

— Извини меня, Лев Иванович, — сказал он сиплым голосом. — Конечно же, я неправ. Извини.

— Да ладно, случается, — ответил Гуров. — Как здоровье? Что-то ты сипишь больно?

— На кладбище просквозило, затем под-

дал, теперь отхожу. Может, заглянешь на чашку чая? Помню, при нашем знакомстве я тебя приглашал в гости, чтобы ты взглянул, как жирно живут народные избранники. Я ведь после кончины супруги живу один, сейчас тяжело мне, выбери часок...

— Договорились, сегодня буду, — ответил Гуров, положил трубку, взглянул на Крячко и пояснил: — Доронин... Вроде приболел, на чай зовет.

— Двигай, тортик купить не забудь.

Доронин встретил гостя, кутаясь то ли в женский платок, то ли в плед.

— Раздевайся, проходи, мне в прихожей мерзко. — Хозяин ушел в комнату.

Еще только подъехав к дому, расположенному в одном из переулков Замоскворечья, Гуров обратил внимание на грязь и запустение. Подъезд и лестница были не чище, чем переулок и двор. Такие трущобы Гуров в основном видел во времена работы в МУРе.

Снимая пальто, Гуров оглядел маленькую полутемную прихожую, дощатый, некогда крашеный пол, прошел следом за хозяином и оказался в просторной светлой комнате с двумя огромными окнами, высоким лепным потолком, уставленной старинной мебелью. Гуров не был специалистом, не мог определить, когда сделаны огромный стол, стулья с высокими резными спинками, комод, тоже резного дерева.

■ В такой комнате обязательно должен быть

фикус, он и стоял меж двух окон, большой, с яркими глянцевыми листьями.

Доронин сидел в кресле-качалке, подобрал лоскутное одеяло, на столе перед ним лежала ультрасовременная кинокамера.

— Ты по-аглицки понимаешь? Увлёкся на старости лет, а чего нажимать, не пойму. — Иона отодвинул яркую книжицу, видимо, инструкцию. — Присаживайся, сейчас чай пить будем, если хочешь, кофе возьми. — Он кивнул на комод. — Я завязал, трезвенник теперь.

Доронин вышел на кухню. Гуров продолжил осмотр комнаты. Обои, видимо, не менялись десятилетиями, на одной из стен висело несколько фотографий. Четыре из них были в старинных рамках красного дерева и, судя по всему — причёсам, покрою одежды, позам, в которых их запечатлели фотографы, являли собой мать, отца, бабушку и деда нынешнего депутата. Наверняка это были люди не голубых кровей, но и не крестьяне, все неуловимо походили друг на друга спокойными лицами и чувством собственного достоинства. Иона был похож больше на деда, чем на отца: тот же хрящеватый нос, редкие волосы тщательно прикрывают лысину.

Одна фотография была сравнительно недавнего происхождения. Некрасивая молодая женщина натянуто улыбалась, но глаза у нее были прекрасные — огромные, с легкой грустинкой. Это, конечно, жена, понял

Гуров. Он слышал, что молодая женщина скоропостижно скончалась от инфаркта. Трагедия произошла во время предвыборной кампании Ионы Доронина, и он тогда хотел снять свою кандидатуру. Но друзья и команда поддержки уговорили кандидата не делать этого, справедливо рассуждая, что в такой тяжелый период жизни опасно оставаться одному, а людская суета, дела и заботы, которые и составляют суть предвыборной кампании, помогут Ионе пережить тяжелую потерю.

Гуров услышал шаркающие шаги хозяина и вернулся на свое место. Хозяин принес чайник с кипятком, выставил на стол большие прозрачного фарфора чашки, серебряную сахарницу и тарелочку с печеньем.

Догадываясь, что приглашен в гости не просто так, Гуров пил кофе, помалкивал, предлагая хозяину сделать первый ход: мол, объясни, чего это ты после столь резких высказываний на мировую пошел и чего ты желаешь услышать от меня, грешного?

В конце января морозы пошли на убыль, вскоре погода совсем рассопливилась. Гуров и Крячко, как обычные чиновники, отписывали необходимые бумаги, чуть ли не впервые в жизни привели в порядок свою канцелярию. Гуров чуть ли не ежедневно занимался в спортзале, забавляясь, обыгрывал самолюбивых пацанов в различных прожимани-

ях, иных упражнениях, прикидываясь старым и немощным. Тренер, ровесник Гурова, в прошлом известный мастер спорта по штанге, знал сыщика не один год и, посмеиваясь, всегда поддерживал полковника в различных розыгрышах.

Крячко вечерами отдыхал душой и телом, восстановил в семье мир и покой, быстро вернул свой животик и округлые щеки на место, а улыбка у него не исчезала и в трудные дни.

Оперативники, привыкшие сутками быть на пределе нервного напряжения, получили передышку. Так во время войны отдыхают солдаты, когда их часть выводят из окопов для переформирования, и люди расслабляются, смеются, хотя прекрасно осведомлены, что завтра, а возможно, и сегодня вечером их вернут в окопы передовой линии.

Дошло до того, что Крячко начал разгадывать кроссворд, а Гуров увлекся маникюром, когда зазвонил давно молчавший телефон.

— В ружье! — прокомментировал звонок Крячко.

Гуров отложил пилочку, лизнул палец, снял трубку и только успел сказать:

— Здравствуйте, вас...

Договорить ему не дали, знакомый голос перебил:

— Срочно подъезжай на стоянку перед «Известиями», — и трубку повесили.

— Накаркал! — Гуров поднялся. — Будь ■

на месте, готовь свое ружье, — схватил пальто и вышел из кабинета.

Машин у «Известий» было, как всегда, много. Гуров только успел воткнуть свои грязные «жигули» между сверкающими черными «волгами», как передняя дверца открылась и рядом уселся полковник Еланчук.

— Здравствуй, рад тебя видеть. — Гуров пожал тонкую руку разведчика. — Я уже подумал...

— Я в Европе, — перебил Еланчук. — Выдворили из Москвы в двадцать четыре часа, звонить тебе запретили, сегодня улетаю назад. Заскочил в контору, мне передали ответ на мой запрос месячной давности. — Он протянул Гурову конверт. — Оказалось, что твой приятель совсем не тот человек, за которого себя выдает. Если ты с данным материалом проколешься, меня мгновенно ликвидируют. Удачи.

Еланчук выскользнул из машины и через несколько секунд пропал в людском потоке. Гуров не спеша убрал конверт во внутренний карман пиджака, закурил, приспустил боковое стекло и, только выкурив сигарету, тронулся с места.

Вернувшись в кабинет, Гуров задвинул засов, который был установлен, когда в группу приносили розыскные дела по нераскрытым убийствам, снял пальто, сел на свое

место и вынул из кармана полученный документ.

Крячко решал свой кроссворд, никак не реагировал. Телефонный звонок, неожиданный отъезд, быстрое возвращение, засов на двери, изучение какой-то бумаги — все однозначно свидетельствовало о том, что Гуров схватил секретную информацию. Оперативники даже ближайших друзей о секретах не расспрашивают.

Гуров читал копию с документа, в правом верхнем углу которого было написано: «Совершенно секретно», а весь лист по диагонали пересекала темная полоса. Гуров знал, что на оригинале эта полоса красного цвета.

Сыщик прочитал текст, выкурил сигарету, вновь прочитал, скомкал бумагу, положил в пепельницу, поджег, поворошил ручкой ежившуюся в огне, словно не желавшую сгорать бумагу.

По сложившейся оперативной обстановке на запрос Еланчука должен был прийти однозначный ответ: «Не значитя», «Не проходит». Человека за связь со мной высылают из страны, но в то же время отвечают на его запрос в полном объеме, и такая бумага лежит в канцелярии чуть ли не месяц. Бардак, да и только! В такой конторе правая рука не знает, что делает левая. И как Еланчук решился копию снять и мне привезти?

— Я когда такие сцены на экране вижу, — сказал Крячко, вытряхивая пепел и вытирая

пепельницу, — всегда думаю: ох, гонится за эффектом киношник! Чего жечь, когда можно порвать, бросить в унитаз и спустить воду? Знаешь, почему горела плохо? Бумагу в Финляндии изготавливали, они, финны, такие дотошные, с ума двинуться, чего ни делают, все на совесть.

— Ты помнишь, как Василий Иванович описывал мужчину, который подсел к мадам Бардиной в машину?

— Особенно удачно у Чапаева получилось описание кисти руки, — ответил Крячко и понял, что ничего больше Гуров о полученном сообщении не скажет.

Крячко догадывался, что друг ездил на встречу с полковником Еланчуком, которого спас в прошлом году, когда они разгромили группу, что, используя фирму Юдина как прикрытие, переправляла наркотик в Европу. Вот почему в прошлом году Гуров в перестрелке с Жеволубом не ранил его, а убил. Он был единственным человеком, который знал, что Еланчук в деле замешан, пусть самым краем, но замешан. И, останься Жеволуб в живых, он бы Еланчука спалил. Тюрьма не тюрьма, но на карьере полковника был бы поставлен окончательный крест. Год назад Гуров, спасая человека, рисковал жизнью, сегодня человек отдал свой долг. Ясно, Еланчук засветил главную фигуру по нашему делу.

Обо всем этом Крячко догадывался, но сказал иное:

— Ты намерен в кабинете Петра обмолвился, что догадываешься, кто был сутулый незнакомец...

— Догадываться и знать точно — вещи разные. Потом я предполагал, что человека используют втемную, он злодей и одновременно жертва. Оказалось, что он фигура центральная, убийца. Так что нам предстоит перестраиваться. Первым делом необходимо убедить шефа принять участие в предстоящих событиях, чтобы он обязательно надел форму, нам необходим генерал. Что ни говори, а золотые погоны на людей действуют магнетически. Ну, надо помочь телезвезде Александру Турину, пусть перестанет «болеть», покажется на людях, иначе его неожиданное появление в финале может быть расценено неверно.

— Очень интересно, как, находясь в первых рядах толпы, убийце удастся достать пистолет и прицелиться? — задумчиво произнес Крячко. — «Вальтер» с глушителем — не авторучка, не трость, в конце концов.

— Мне тоже интересно, — признался Гуров. — В таких вопросах гбэшники нас опередили...

— Знаешь анекдот? Спрашивает русский у японца, мол, как считаете, на сколько в техническом развитии вы нас опередили? А японец отвечает: навсегда. Спецслужбы защищают государство, а менты человека.

— Ты пессимист, Станислав.

— Я реалист, а ты не от мира сего. Ну, гений, решай, что мы теперь делать будем?

— Почему-то вы с Петром решили, что Гуров всегда все знает. Ты мне анекдот, я тебе пословицу. Можно сколько хочешь повторять слово «халва», от этого во рту слаще не станет. Ты можешь меня дразнить и обзывать гением с утра до вечера, но я от этого умнее не стану.

— Станешь! Ты злишься, а злой ты становишься жутко умным... Ты газет не читаешь, а иногда не мешает. — Крячко перебросил через стол газету. — Я позвоню пока, напомню нашему приятелю, что мы живы и здоровы.

Крячко разговаривал по телефону, Гуров, думая о полученном сообщении, небрежно листал газету и увидел карикатуру, на которой были изображены четыре лошади, соревнующиеся в бешеной гонке. Над каждой лошадкой развевался флаг с надписями. Две первые именовались «Президент» и «Премьер», чуть поотставшая несла флаг со свастикой, в шаге за ней мчался явно молодой жеребец, над ним развевался флаг с надписью «Люди, будьте бдительны» и подпись — Вадим Суриков. Под копытами первых трех лошадей корчились умирающие люди, а Суриков скакал по чистому полю.

— Да-да, понял. — Крячко положил трубку, кивнул на газету, спросил: — Ну как тебе?

— Меня политические интриги не инте-

ресуют. Я офицер криминальной полиции. Сыщик. Ты бы еще послал меня в Чечню...

— Кстати, в субботу перед зданием мэрии состоится митинг в защиту чеченского народа и русских солдат. Организуют митинг коммунисты, фашисты и примкнувшие к ним. Наши демократы совсем руки опустили, инициативу отдали.

— Митинг у мэрии — место подходящее. Станислав, скажи... — Гуров замолчал, рассматривал свою ладонь. — Ведь стоит руки испачкать, хотя бы цветочный горшок перекопать, как пальцы станут выглядеть неухоженными.

— Суббота, пятнадцать часов, начнут собираться за час, а то и раньше. Сегодня у нас вторник. Отправляйся к Петру, докладывай.

Полковник Ильин, сидя в своем служебном кабинете за столом, на котором одиноко лежала лишь тонкая папка, поглядывал на сидевших вдоль стен оперативников недовольно.

— Господа-товарищи офицеры, дела у нас, прямо скажем, дерьмовые. Приказы руководства обсуждать не положено, но я не только начальник, но и человек, потому говорю с вами по-людски. Мы контрразведчики, а используют нас словно вертухов из охраны. Я крайне недоволен, отлично понимаю, что и вы недовольны. Нас обязали

бороться с коррупцией и организованной преступностью? Обязали. Значит, должны мы данный приказ выполнять. По поводу субботнего мероприятия наш генерал тоже не прыгает от радости, однако пойдет и сам лично.

— На трибуну...

— Под охрану ОМОНа!

— А нам в толпе бока намнут или морду набьют.

— Офицеры, профсоюзное собрание окончено. — Голос Ильина изменился, оперативники приумолкли. — В верха поступил сигнал, что на митинге готовится теракт. — Полковник, который лично готовил убийство, демонстрируя отличные актерские данные, беспомощно развел руками, как бы говоря: мол, мы люди маленькие, нам приказывают, мы выполняем. — Кто чего собирается совершить — покрыто тайной. Наше дело на митинге присутствовать и предотвратить. Ну а если, не дай Бог, что случится, так преступника задержать. Площадь, конечно, будет забита ментами, так вы поосторожнее, без эксцессов.

— Господин полковник, разрешите вопрос? — поднялся парнишка, недавно неизвестно кем назначенный в отдел.

— Спрашивай, коли невтерпеж.

— Почему бы нам с ребятами из утра не собраться в субботу утром, не познакомиться да разделить площадь, хотя бы условно?

— Если мы начнем с ментами тесно сотрудничать, то в один прекрасный момент нас с ментами соединят в одно управление да проведут сокращение, переведут в подчинение МВД и уменьшат оклады. — Ильин нашел взгляд Павла Кулагина, скривил губы: — Твой пацан?

— Так точно, господин полковник!

— Так объясни ему, чтобы не задавал дурацких вопросов. Все свободны.

Оставшись один, Ильин долго сидел неподвижно, размышляя о развивающейся операции, был недоволен собой, клял и правых, и виноватых. Многолетняя служба давно избавила его от сентиментальности, но до последнего времени он строго соблюдал правила, в частности, защищал своих подчиненных, если они были верны и выполняли его приказы исправно.

Артем Ермаков был неплох, особых заслуг не имел, но, работая в группе Гурова, принес ощутимый результат. Парня ликвидировали без ведома полковника Ильина. Раньше такое было просто невозможно. Сегодня, когда службы разделились, образовались самостоятельные отделы, подчиняющиеся неизвестно кому, полковник даже не знал, какая служба конкретно ликвидировала Ермакова.

Когда Ильин уяснил, что Гуров парня раскрыл, играет с ним в кошки-мышки, то доложил об этом генералу.

— Значит, парень спалился? Нам совер-

шенно ни к чему выслушивать обвинения МВД, что мы негласно внедряем своих людей в их службу. Значит, твой парень стал нам не нужен, главное — опасен.

Ильин пытался объяснить, что Артем и так продержался в группе самого Гурова черт знает сколько времени. И никакой вины парнишки в том, что опытный сыщик в конце концов ситуацию просек, нет. За свое выступление Ильин получил выволочку, его обвинили, что он боится какого-то паршивого мента. И начальство не желает слышать даже имени этого сыскаря.

Таким образом, участь Артема Ермакова была решена, а Ильин в очередной раз получил по физиономии. И виновен во всем вновь оказался полковник Гуров.

Ныне покойный Ермаков в свое время доложил Ильину, что сыщик написал нечто типа завещания в нескольких экземплярах, которые в случае смерти Гурова попадут в газеты и канцелярию президента.

Ильин долго обдумывал данное сообщение. Очень похоже, что сыщик элементарно запугивает, блефует, страхуясь от покушения. Ведь будь у Гурова конкретный компромат против опасных конкурентов, можно переслать его в различные адреса, не ожидая выстрела. Такое решение вполне логично. Гурова можно спокойно вывести из игры, даже не убивать, просто отправить в госпиталь. Но надо знать Гурова, поэтому решение, лежавшее на поверхности, почти на-

верняка неверно. Он может обладать компроматом, но не вполне достаточным, пока полковник Гуров жив и здоров. Однако в случае его смерти те же факты, которые требовали тщательной проверки, мгновенно превращаются в неоспоримые доказательства.

В эти дни Ильин, окончательно запутавшись, твердо решил против Гурова лично ничего не предпринимать. Сегодня совершенно неожиданно Ильина вызвали на ковер и спросили:

— Как мы понимаем, у вас все готово, полковник?

— Так точно, господин генерал, — ответил Ильин, прекрасно осознав, что в обращении к нему слово «господин» было опущено.

— А как поживает ваш друг, этот сыскарь из ментовки, запоматывал фамилию?

— Служит.

— Так вот, в субботу на митинге чтоб его не было. Вы сами утверждаете, что он слишком шустрый. Все неожиданности и сюрпризы совершенно ни к чему.

Вспоминая утренний разговор, Ильин про себя матерился. Как легко руководство раздает задания: «Чтобы полковника Гурова на митинге не было!» И как генерал это представляет себе конкретно? Кто не пустит полковника милиции на митинг, куда свободно проходит любой пьяный, хромая бабка с непристойным плакатом в дрожа-

щих руках? Можно организовать автомобильную аварию. Но она требует тщательной подготовки, о таком деле предупреждают не за сутки.

Ильин, снова матюгнувшись, открыл лежащую перед ним тоненькую папочку. Конечно, это сопли, а не компромат, но лучшего не имеется. Он снял телефонную трубку, позвонил в городскую прокуратуру.

Генерал Орлов выслушал Гурова, взглянул на привычно молчавшего Крячко и сказал:

— А что если нам не ввязываться в данную историю? Пусть свершится Божья воля, правительственные чиновники и контрразведка копаются в своей грязи. Главк уголовного розыска не обязан присутствовать на митинге. Лично я не имею никаких указаний по данному поводу.

— Я так же, как и каждый россиянин, полагаю, что раз мою хату не трогают, так и сиди на печи, — сказал Крячко.

Гуров молчал. Орлов на злые слова Станислава не обратил внимания.

— Имеем: исчез киллер. Полагаем: киллера используют для громкого политического убийства. Таковы факты, все остальное — домыслы.

— Киллера наняли дровишки на даче поколоть, — не унимался Крячко.

— Твоего телевизионщика никто не тро-

нул и трогать не собирается. — Орлов обращался к Гурову, на реплики Крячко не реагировал.

— Я телезвезду из-под домашнего ареста освободил. — Гуров глянул на Крячко как бы между прочим, но Орлов этот взгляд засек, насупился.

— Снова секреты, — буркнул недовольно, вынул из папки бумагу, протянул Гурову. — Телефонограмма из прокуратуры, тебя приглашают к следователю Семенюку. Завтра в двенадцать, в качестве свидетеля.

Гуров взял телефонограмму, убрал в карман.

— Буду непременно. Так что предпримем, Петр Николаевич?

— Думать, едрена корень! Окромя думанья, у нас другого дела сейчас нет. Зачем тебя этот депутат в гости зазвал?

— Болеет, одиноко мужику, он водку употреблять бросил, а пить чай в одиночестве не научился.

— Все! — Орлов похлопал ладонью по столу. Чувствовалось, что он не столько призывает к порядку подчиненных, сколько успокаивает себя. — Шуточки отставили, иначе рассержусь. Так зачем приглашал?

— Не скажу, что ночь не спал, но думаю об этом непрестанно, — ответил Гуров. — Не могу понять, и все тут, мозги заколдобило. Ясно, что не на чашку чая, к тому же Иона Пантелеевич позже водку выставил. Живет он скромно, привилегиями не пользуется. Только не ради демонстрации своей чест-

ности он меня пригласил. Нутром чую, что комбинацию проглотил, какую конкретно — не пойму.

Гуров с Крячко вновь обменялись быстрыми взглядами, и Станислав сказал:

— А если они тебя втихую сфотографировали, хотят связать с Дорониным?

— И что это дает? О нашем знакомстве знают десятки людей. Ни фотография, ни кинопленка ничего не прибавят. — Гуров отрицательно покачал головой.

— Оставим. Я верю, что ты разобраться не можешь. Но как они собираются использовать киллера, если он известен в лицо? Что, они его рядить собираются?

— А вы, Петр Николаевич, на митинге когда-нибудь присутствовали? — вмешался Крячко. — Вы представляете себе количество людей и как плотно они стоят? Нужен хороший выстрел, стрелок никого уже не интересует.

— Допустим, кому-то нужен лишь точный выстрел, — согласился Орлов. — Но стрелку собственная судьба безразлична. Борис Галей — сумасшедший или камикадзе? — Он посмотрел на Гурова. — Ты разрабатывал человека, должен его знать.

— Галей, человек обученный, крайне аккуратный, ни за какие деньги не полезет в дело, если не уверен в своей безопасности.

— А если ему скажут: либо ты рискнешь, либо тебя закопают здесь, наверняка и без всякого риска? — спросил Орлов.

— Галей сразу согласится. — Гуров неожиданно рассмеялся. — Оказавшись на площади, среди людей, он тут же полезет на трибуну, в объятия милиции. Он же уверен, что доказательств против него нет, пусть держат, мурьжат, допрашивают, даже судят. Все можно пережить, а смерть пережить невозможно. Известный вам Игорь Трофимович Ильин, человек опытный, все варианты просчитает не хуже нас с вами. Галей никто принуждать не станет, он пойдет добровольно, застрахованный надежнее, чем в любом нынешнем банке.

— Ясно, где взлетели, там и сели. Теперь, господа офицеры, расскажите мне свои тайны. Гуров, ты умный мальчик и не станешь отрицать, что тайны имеются. Имеются?

— Обязательно, — легко согласился Гуров. — Любой опытный оперативник своему начальству что-то недоговаривает. Сегодня вы не договариваете на коллегии, вчера, когда мы вместе работали в МУРе, вы не договаривали генералу Турилину. Подожди, Петр, не перебивай! — Гуров заговорил резко. — Отвечает всегда старший. Сейчас старший я, если ошибусь, то я и отвечу. Коли я тебе болтану лишнего, старшим автоматически становишься ты — генерал Орлов. Ты будешь очень смеяться, но объяснение такое: этот генерал — мой ближайший друг, а подставить своего лучшего друга я никак не могу, не обучен.

Лицо Орлова покрылось пятнами. Кряч-ко быстро подвинул начальнику стакан воды. Гуров сказал:

— Клянусь твоим здоровьем, Петр, что никакими материалами, имеющими отношение к предполагаемому покушению, я на данный момент не располагаю.

День выдался не ясный и не пасмурный — так себе, обычный для конца января. Вроде морозит, а под ногами лужи да лед. Народ разгуливал у здания мэрии разный, много пожилых, слегка подвыпивших, попадалась и молодежь, которая смотрела на происходящее с любопытством, явно не зная, что тут будет. Но что-то будет, это было ясно и по тому, что соорудили небольшую трибуну с косо торчащим российским флагом, и по количеству молоденьких ментов, суетившихся пока без толку.

Чуть в стороне неказистый мужичонка, взгромоздившись на шаткий ящик, сипел в матюгальник нечленораздельное, но явно к чему-то яростно призывая.

Только минуло час дня, все события были еще впереди.

Орлов облачился в генеральский мундир, секретарша Верочка крутилась рядом с щеткой в руке.

— Отстань, егоза. Я же сверху шинель надену, — недовольно говорил генерал. — Гуров не звонил?

— Обязательно, — сверкнув зубами, ответила Верочка. — Вы были на коллегии, они звонили в одиннадцать, доложили, что отправляются в прокуратуру и прибудут на место вовремя.

— И ты ему поверила?

Верочка хотела сказать, что Лев Иванович никогда без острой нужды не врет, но тут в приоткрытую дверь постучали. Верочка распахнула дверь настежь.

— Здравия желаю, господин генерал! — бодро произнес мужчина лет тридцати и, хотя был в штатском, щелкнул каблуками.

— Здравствуйте, — ответил Орлов, войти не пригласил. — Кто вы и что вам надо?

— Извините, Петр Николаевич, но нам срочно нужен полковник Гуров.

У Орлова чуть было не сорвался привычный для Крячко вопрос: «Как нужен, лично?», но генерал сдержался, коротко ответил:

— Гуров в прокуратуре, — и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

— Видите ли, Гурова в прокуратуре нет. — «Штатский» мялся на пороге. — Нам позволили...

— А вы кто, собственно, будете? Почему не представились? Ваши документы! — Орлов говорил тоном, которого Верочка за многие годы работы ни разу не слышала.

— Виноват! — Мужчина протянул удостоверение.

Орлов взял, развернул, глянул мельком, бросил красную книжечку себе на стол.

— Я сказал, ваши документы! — побагровев, буквально зарычал Орлов. — А не милицейское прикрытие, которое вы суете под нос фраерам!

— Виноват, господин генерал! — Гэбэшник покорно протянул другое удостоверение.

Орлов внимательно изучил полученный документ, вернул и насмешливо сказал:

— Очумел от безделья, майор? Сейчас тринадцать часов тридцать четыре минуты. Гурова пригласили в прокуратуру к двенадцати. В половине первого следователь понял, что Гуров задерживается. К слову сказать, полковник Гуров — старший оперуполномоченный по особо важным делам и у него в отличие от тебя могут вскрыться неожиданные обстоятельства. Ну нету в половине первого Гурова в прокуратуре. Почему следователь не позвонил моему секретарю и сообщает не куда-нибудь, а в контрразведку? Я проверю, звонил ли следователь в вашу контору.

— Мне приказали, я офицер и обязан...

— Очень быстро тебе приказали, слишком быстро ты явился. Все, иди, я занят.

— Удостоверение, господин генерал. — Гэбэшник указал на стол Орлова.

— Это удостоверение сотрудника мили-

ции. Кто тебе его выдал, пусть он у меня и получит. Разговор окончен, иди.

Гэбэшник, опустив голову, вышел в приемную, когда услышал голос Орлова.

— Стой! — И генерал тоже вышел в приемную. — Не знаю, почему, но ты, пацан, мне симпатичен. Если ты случайно столкнешься с полковником Гуровым, учти, что я груб только на словах, а он очень груб в деле.

По связи ГАИ сообщали:

— Разыскиваются «жигули» вишневого цвета седьмой модели, горзнак номер... При обнаружении машину не останавливать, если она стоит, к машине не подходить. Срочно сообщить ее местоположение либо маршрут движения дежурному.

В машине Гурова имелся аппарат связи с ГАИ, но в момент передачи, что его машина разыскивается, полковник зашел в пункт обмена валюты. Деньги кончились, и он зашел обменять сто долларов, которые у него остались еще со времен службы у Юдина. Это была не последняя сотня, но доллары кончались, и вскоре Гурову предстояло, как обыкновенному менту, жить на милицкий оклад.

Все живут, и я проживу, успокаивал он себя, направляясь к «жигулям», хотя за время

работы в коммерческой структуре избаловался изрядно. Он был так огорчен предстоящим бытом, что не обратил внимания на двух мужчин в штатском и бойца ОМОНа в камуфляже и с автоматом, висевшим на плече, которые осматривали шикарную иномарку, стоявшую неподалеку от машины Гурова. Он достал ключи, думая об осклизлых пельменях, которые вскоре станут мечтой его холостяцкого существования, когда почувствовал, что его взяли под руки, и услышал мужской голос со знакомой интонацией:

— Только без глупостей, Лев Иванович. Вас просили подъехать в прокуратуру.

Конечно, оперативники могли взять Гурова так, что ему пришлось бы падать на мокрый тротуар, устраивать бой, который неизвестно чем бы кончился. Ведь омоновец в таком случае оставался на ногах, а приклад «калашникова» штука твердая.

Но гэбэшники получили приказ разыскать полковника милиции и доставить его в прокуратуру. И хотя старший группы недавно беседовал с генералом Орловым и был предупрежден, что полковника следует опасаться, он не ожидал, что реакция на достаточно вежливое предложение окажется столь бурной. Тем более что генерал не счел своим долгом предупредить, что подходить к Гурову сзади вообще опасно для жизни.

Для своего возраста Гуров был очень быстр и прекрасно координирован. Гэбист еще не

договорил, как сыщик, слегка присев, развернулся на сто восемьдесят градусов, одновременно нанося удары. Одному штатскому досталось ребром ладони чуть ниже уха, второму ребром ботинка по голени. Оба упали, получивший удар по ноге зашелся криком, другой свалился молча. Молодой омоновец, который вообще был не в курсе происходящего, не знал, что задерживают старшего офицера, застыл в нелепой позе, так как на последнем шаге поскользнулся.

— Возьми свою пукалку за ремень и аккуратно опусти на землю, иначе я продырявлю тебе правое плечо, — сказал Гуров. В одной руке он держал слетевшую шляпу, в другой — пистолет.

Дело происходило в два часа дня на Цветном бульваре, рядом с Центральным рынком. Секунду назад народу здесь было — не протолкнуться. Но москвичи, да и гости столицы тем более, приобрели, а точнее, вернули данный им от рождения инстинкт самосохранения. Оперативники только падали, Гуров ловил соскользнувшую шляпу и вынимал «вальтер», а люди уже брызнули в разные стороны.

— Ты в Чечне еще не был? — спросил омоновца Гуров, опрокидывая ногой приподнявшегося было оперативника.

— Никак нет! — Омоновец заворуженно смотрел на вороненый ствол «вальтера».

— Значит, стрелять в городе не научился. Помоги начальникам, а я на секунду отъеду.

Гуров сел в свои «жигули», которые тут же затерялись в потоке машин.

У них радиосвязь, меня к мэрии не подпустят, рассуждал Гуров, сворачивая с Цветного на Петровский бульвар. Тут же ожила внутренняя линия:

— Разыскиваемые «жигули» двигаются по Петровскому бульвару в сторону Пушкинской площади.

Гуров выключил переговорник, свернул направо в переулок, выкатился к желтому, некогда родному дому, известному на всю Россию как Петровка, 38. Он припарковался в гуще машин, пошел вдоль, разглядывая водителей, в надежде увидеть знакомое лицо. Но прошло слишком много времени с того момента, как сыщик покинул альма-матер: за рулем сидели сплошь молодые ребята.

Наглость — второе счастье, вспомнил Гуров присказку известного рецидивиста, открывая дверцу милицейского «мерседеса». Падая на заднее сиденье, он протянул удостоверение к самому лицу опешившего водителя.

— Главк! Полковник Гуров. Быстро к зданию мэрии!

— Товарищ полковник, хозяина жду!

— Ты обернешься прежде, чем твой хозяин почистит ботинки! Двигай, парень, ты ждешь начищенные ботинки, а у меня особо опасный уходит.

Водитель включил всю иллюминацию, выехал со стоянки, рванул к Садовому, нарушая все, что удавалось нарушить.

А у мэрии народ уже толпился вовсю, еще не создавая единой непроходимой массы, так как трибуна пустовала, приветствовать, клеймить, просто глазеть было не на кого.

Крячко стоял с оперативниками неподалеку от ограды «Белого дома», наблюдая за происходящим. На легком ветру трепыхались довольно жалкие плакатики с крикливыми прыгающими буквами. Содержание их было различно, часто прямо противоположно, пересказывать долго и бессмысленно. Крячко отметил, что по сравнению с недавним прошлым при всем различии лозунгов существует и определенное единство. Отсутствуют слова: «Да здравствует!», «Слава!», «Приветствуем!», «Единство!», «Счастье!». Вместо них можно было прочесть: «Позор!», «Долой!», «Убийцы!», «Смерть!». И все это вместе, рядом, держат плакаты одинаковые люди, хотя Крячко, как опытный опер, разделил митингующих на группы.

Пьяные, плохо одетые мужики, едва державшиеся на ногах женщины неопределенного возраста — эти пришли сюда из ближайших кварталов просто поглазеть, выпить с «дружком», которого минуту назад не знали вовсе.

Особую жалость вызывали две группы противоположного пола. Женщины, которые и в комитетах никаких не состояли, объединенные материнским горем, требовали вернуть сыновей. Мужчины, ветераны войны, почти никто из них не приколот боевого наград на верхнюю одежку, но их легко было определить по седине, морщинам и потерянности. Были среди них и сильно поддавшие, которые невнятно что-то кричали, разевая беззубые рты. Другие, трезвые, одетые поприличнее, отличались молчаливой сосредоточенностью и походили на состарившихся детей, которые силятся вникнуть в происходящее, но ничего не понимают.

Стоявшая поодаль, ближе к своим иномаркам молодежь, покурив и перебросившись с окружающими несколькими словами, не задерживаясь, покидала площадь. Они выделялись не только молодостью и одеждой, но и ростом. Новое поколение обогнало отцов и матерей по всем статьям. Ребят не интересует, кто кого и с какой целью, у них свои заботы.

— Вот перевернется власть, возьмут вас каленым железом за больное место, враз политиками станете, — сказал кто-то из оперативников, глядя на молодежь.

— Рассказывают, что во время войны героями становились люди, совсем не боевые в обычной жизни.

— Где же Гуров?

— Я же предупреждал, что Леву тормознут, — сказал старший из оперов. — В ихнем главке ни одни мудаки служат, имеются такие головастики — позавидуешь.

— Гуров сейчас прибудет. — Крячко взглянул на часы.

— Лева отличный опер, но живой человек, — возразил ветеран. — Так что, Станислав, хватай вожжи и правь.

Вдалеке завывала сирена, звук налетел, сверкнул лакированным боком «мерседес», остановился, из роскошной машины вышел Гуров, надел шляпу и направился к друзьям-коллегам.

— Ты, старина, с Гуровым десяток лет назад работал, а я с ним ежедневно сплю в обнимку, — торжествующе произнес Крячко.

— Здорово, парни! — сказал Гуров и снял шляпу. — Я вырядился, потому как стоять собираюсь среди иностранных корреспондентов, — и приколот на лацкан пальто карточку «Пресса».

Александр Турин шел по бесконечным коридорам Останкинского телецентра, постоянно раскланивался с коллегами, просто знакомыми и абсолютно не знакомыми людьми — такова участь телезвезды. Стоит не ответить на чье-то приветствие, начинаются обиды, обвинения в зазнайстве, иная злобная трепотня. Любой человек имеет право на плохое настроение, элементарную рассе-

янность, популярный телеведущий такого права лишен. Поэтому Турин был собран и внимателен, словно шел не полутемными коридорами, а находился перед камерой. Однако вынырнувшего из-за угла зава редакцией Турин не заметил, и начальник схватил его за рукав.

— Саня, привет! Как здоровьице? — Зав смотрел цепко, испытующе. — Кто-то из великих актеров сказал, что уважительной причиной неявки на спектакль может служить только смерть.

— Я не помню автора, но убежден, что великий не употреблял слова «явка». Извини, я жив, можешь записать мне прогул.

— Черт с тобой! Учти, мы готовим для тебя материал — сенсацию! — Зав сложил пальцы в щепоть, поднес к губам и чмокнул.

— Признателен, надеюсь увидеть пленку не за час до эфира.

— Снимали не мы, пленку привезут с минуты на минуту. Да, старина, что Бог не делает, все к лучшему. Помнишь, ты соби-
рался делать передачу о каком-то менте? Фамилия вылетела из головы. Ты ругался, что мент от съемок отказался. Было? Так вот, мне передали, что тот мент обосрался по самые уши. Если о нем чего снято, то тащи ко мне, велено передать наверх.

— У меня о сотрудниках милиции никаких материалов нет. А если бы и были? —
■ Турин развел руками. — Что я могу тебе

передать, если у тебя из головы фамилия вылетела?

Турин кивнул и пошел дальше, за спиной тихо выругались, затем крикнули:

— Гуров! Его фамилия — Гуров!

Турин не ожидал услышать фамилию полковника, будучи убежден, что раз материал сенсационный и пленки еще нет, то дело касается Чечни. Услышав фамилию сыщика, журналист неожиданно вспомнил слова Высоцкого:

«...Идет охота на волков... Идет охота!»

Ясно, встретиться с полковником в открытой схватке они слабаки. Расстрелять с вертолета — смелости хватит.

А Гуров стоял неподалеку от импровизированной трибуны в группе журналистов. Кругом кипели страсти. Выступающие натужно кричали в микрофоны, словно боялись, что их не услышат, а люди пытались докричаться до человека, стоящего в задних рядах толпы, и дальше — до «Белого Дома», Кремля, до далеких деревень России.

Журналисты с фото- и кинокамерами бегали вдоль оцепления, состоящего из молоденьких милиционеров и их ровесников, облаченных в пятнистую форму опытных бойцов. Пишущая братия вела себя спокойнее, прикрепив микрофоны своих магнитофонов кто как сумел, они курили, обменивались репликами, изредка хлопали.

Лишь Гуров, подняв воротник своего легкого не по сезону пальто, засунув руки в карманы, стоял неподвижно, ни с кем не разговаривал, не слышал ругани выступающих, слепо смотрел в лица митингующих, но самое страшное, что он к тому же ни о чем конкретном и не думал. Мысли путались, короткие, необязательные, они сбивали друг друга, одни вопросы, вопросы... Ни одного ответа.

Где Галей? Если здесь, то должен стоять в первых рядах... Пистолет не достать. Не выстрелить, тем более не уйти... И зачем тут стою я? На что рассчитывал? Зачем привел людей? Зачем Ильин захватил Галея? Жив киллер или давно уже мертв? Он искал меня. Он умен и осторожен. Он не полезет в толпу.

Изредка Гурова толкали, но он не реагировал. Журналистам надоели одни и те же речи, однако уйти было невозможно — толпа перекрыла все выходы. Кто-то из скучающих журналистов обратил внимание на элегантную неподвижную фигуру.

— Кто это? — спросил журналист у приятеля.

— Охранник, наверное, — равнодушно ответил тот.

— Какой охранник! — возмутился любопытный. — Его самого можно украсть, он и не заметит.

— А может, он умер?

— Он ждет троллейбуса, — вмешался третий.

— Скажешь, в таком-то пальто и в шляпе в троллейбусах не ездят.

— Не знал, что тут соберется пара человек, и назначил встречу даме.

— Чего мучиться? Легче спросить, — сказал молодой парень в плотной кожаной куртке с видеокамерой в руке.

— Извините, у вас не найдется закурить? — Парень тронул Гурова за плечо.

— Не курю! — огрызнулся Гуров, который только-только зацепился за какую-то стоящую мысль.

— А сигареточку к губе для красоты прилепили?

Стоявшие рядом и прислушивавшиеся к разговору журналисты рассмеялись так громко, что на миг заглушили выступающего.

Гуров сплюнул давно погасшую сигарету, вынул из кармана пачку, протянул журналисту, увидел у него видеокамеру, схватил ее.

— Эй, такой обмен не годится, приятель!

— Как эта штука называется? — быстро спросил Гуров, отнимая видеокамеру у растерявшегося журналиста. — А побольше они бывают?

— Как? — не понял журналист.

— Внутри она пустая?

— Приятель, ты болен, это же видеокамера!

— Извини! — Гуров оттолкнул журналиста.

Парень, возмущенный необъяснимой грубостью, шагнул к Гурову, хотел высказаться, но увидел его глаза и попятился. Глаза походили на голубые льдинки, мертвые.

Гуров увидел комнату Ионы Доронина, старинный стол, видеокамеру. Вот он, ответ на мучивший сыщика вопрос, зачем Иона пригласил его в гости. Он хотел показать полковнику видеокамеру, чтобы, увидев депутата на митинге с камерой, сыщик не удивился. Еще Гуров увидел документ, полученный от Еланчука. В сознании Гурова замелькали надоевшие вопросы, затем хаотичное движение прекратилось, возникла ясная и четкая картина. Так случается, когда барахлит телевизор. На экране мельтешат полосы, кривые, неясные фигуры — щелчок, и все становится четким и ясным до мельчайших подробностей.

Гуров снял шляпу, провел ладонью по волосам, что означало: приступаю к задержанию, создайте коридор для отхода. Оперативники утро, уставшие разыскивать Галея в многочисленной толпе, разуверившиеся в успехе проводимой операции, уже давно не сводили глаз с этой шляпы. Розыскники, буравя толпу, бросились к Гурову. Они не имели понятия, кого и как будет брать полковник, их задача — вывести сыщика к стоявшим неподалеку машинам.

Орлов разговаривал с молодым очень важ-

ным человеком, имени и должности которого не знал, но безошибочно определил, что парнишка — лицо приближенное. Генерал слушал его болтовню о переустройстве столицы, поглядывал на стоявшего неподалеку Гурова и, когда Лева снял шляпу, буркнул: «Извините!» — но не последовал за кинувшимися к Гурову розыскниками, а начал двигаться в сторону машин.

Осознав картину происходящего, Гуров быстро нашел взглядом Иону Доронина, который находился, конечно, внутри оцепления, неподалеку от ораторов. Гуров не знал, сколько у него времени, может, более чем достаточно, а может, истекают последние секунды.

К микрофону вышел Владимир Бесковитый, вскинул руки, словно футболист, забивший победный гол. Толпа заревела и засвистела. Рядом с «фюрером» суетился громила охранник, который зачем-то поднялся с шефом, а теперь, оправдывая свое присутствие, начал передвигать микрофон, крутить его тонкую шею, так как предыдущий оратор был повыше Вульфовича.

Гуров понял, что опаздывает. До Доронина оставалось метров десять, но журналисты и охрана сгрудились в плотную массу и каждый шаг давался с трудом. Полковник наткнулся на здорового парня, кого уж тот охранял — не имело значения, но уступить дорогу он не собирался, смотрел с насмешливым вызовом, даже ковырнул паль-

цем карточку «Пресса» на груди полковника. Тот, упершись взглядом в глаза охранника, сорвал свою карточку, сунул ее в карман и тихо, еле слышно сказал:

— Отойди. Когда буду выводить, прикрой.

Сорванная карточка, которая являлась защитой, взгляд, скрежещущий шепот сделали свое дело. Охранник отодвинул рядом стоявших, пропустил Гурова, двинулся следом. У парня не было сомнений, что мужик в шляпе очень большой начальник.

Иона Доронин поднял камеру, навел на Бесковитого, вдавил красную кнопку до упора. В этот момент его толкнули, жесткие пальцы сдавили горло.

Произошло одновременно несколько событий. Позади здания мэрии ударила автоматная очередь. И хотя стреляли далеко и никакой опасности не было, люди испугались, шарахнулись от трибуны. Тем более что находившиеся близко к трибуне увидели, как, неловко взмахнув руками, начал падать стоявший рядом с Бесковитым громила охранник.

— Помоги, подхвати ноги! — скомандовал Гуров, сорвал с себя шарф, обернул выпавшую из рук Доронина камеру и сунул ее себе за пазуху.

Журналисты обогнули Гурова, Доронина и здорового парня, который старательно помогал полковнику. Те выволокли бесчувственного Доронина, оказались перед жиденьким оцеплением, отделявшим «простой»

народ от избранных. Люди уже не рвались дружно к трибуне, толкали и колошматили друг друга. Стоявшие впереди стремились уйти, а находившиеся сзади проталкивались вперед, им было интересно узнать, что же происходит.

Гуров со своей ношей оказался как бы на нейтральной полосе, склонился над Дорониным, опасаясь, не сломал ли ему в горячке позвонки. Депутат шевельнулся, приподнял голову. Гуров успел облегченно вздохнуть, как вдруг рядом с его ботинком в асфальт впилась пуля. Депутата хотят убить, понял Гуров и оторопел, не зная, что предпринять. Ведь не закрывать же собой? — в отчаянии подумал сыщик и услышал знакомый голос:

— Спокойно, Лева. — Сверкая генеральскими погонами, рядом стоял Орлов.

Через оцепление проталкивались оперативники, их было немного, но и пять человек создавали для невидимого стрелка непреодолимую преграду. Плотнo обступив Доронина, его понесли к машинам.

Подошел Павел Кулагин, с ним еще два парня. Перехватив настороженный взгляд Гурова, майор контрразведки сказал:

— Не бойсь, Лев Иванович, свои. Не знаю, кого ты волочишь, но верю, Акела не промахнулся. Кажется, так говорят у вас в группе?

— Паша, мы с тобой одной крови, ты и я, — ответил Гуров.

Когда началась заваруха, Крячко находился на другой стороне площади. Сейчас

он, подбежав, двигался перед генералом Орловым, повторяя громко:

— Господа-товарищи, пропустите, человеку плохо, счет идет на секунды!

Уже пришедшего в себя Доронина усадили в «волгу», подперев с двух сторон оперативниками, рядом с водителем сел Орлов.

Гуров, Крячко и еще несколько человек из розыска внимательно осмотрелись. Орлов приоткрыл дверцу, сказал:

— Благодарю за службу! — И машина тронулась.

— Нам будет не так комфортно, — сказал Гуров, открывая дверцу второй «волги», — но вы меня берегите, ведь главный и единственный вешдок у меня. Что бы ни случилось, камеру доставьте Орлову.

Под недовольное ворчание водителя оперативники набились в машину и без происшествий доехали до министерства.

— А где же главный? Чью карточку ты нам показывал? Такой молодой, лобастый, с прижатыми ушами? — спросил ветеран.

— Того малого мы уже не увидим. — Даже стоя у здания МВД, Гуров настороженно оглядывался. — Парни, два дня на передачу материалов в прокуратуру, затем вновь собираемся у меня. Ребята, прошу, не приносите с собой. — Он кивнул на особняком стоявшего Крячко: — Станислав богатенький, он побеспокоится.

■ Распрощавшись с коллегами, Гуров и Кряч-

ко прошли в министерство, оказались в лифте одни, и лишь тогда Станислав спросил:

— Я что-то не пойму, он что же, из камеры стрелял?

— Камера не стреляет, умница. Но изготовить из нее кобуру для пистолета специалисту несложно.

— А как ты догадался?

— Выходи, приехали. — Гуров вытолкнул друга из лифта.

«Видеокамеру» вскрыли, внутри, как и ожидалось, был вмонтирован «вальтер» девятого калибра. Эксперты установили, что камуфляж изготовлен не кустарным способом, видимо, иностранного происхождения, но рассчитан на пистолет меньшего размера, так что русским умельцам пришлось слегка потрудиться, вгоняя «вальтер» в это прокрустово ложе. Ствол пистолета был уложен в объектив, а выходное отверстие закрыто специальной пленкой, со стороны очень похожей на стекло. В общем все было изготовлено по классу люкс, видеокамера как видеокамера.

Пальцевые отпечатки Ионы Пантелеевича Доронина были обнаружены на футляре в большом количестве.

Охранник, схвативший пулю, предназначенную Владимиру Бесковитому, оказался лишь ранен, жизни его ничто не угрожало. Таким образом, Доронину могли предъявить

лишь покушение на убийство. Контрразведка мгновенно устранилась: мол, дело не наше, милиция задержала преступника, следствие ведет прокуратура, никакой коррупции или организованной преступности — наше дело сторона.

Тело Бориса Галея было обнаружено в принадлежавших ему «жигулях», которые, потеряв управление, вылетели с окружной и разбились об опору моста. Чтобы извлечь труп, машину резали автогенном.

Человека, стрелявшего в Доронина во время его задержания, не нашли, да, по правде сказать, и не искали.

Баллистическая экспертиза дала однозначное заключение, что убийства М.М. Карасика и В.С.Сивкова были совершены из изъятых у Доронина «вальтера». Но И.П. Доронин во время совершенных убийств имел стопроцентное алиби.

На первом допросе в прокуратуре Доронин тупо молчал, на другой день заявил, что занимался лишь видеосъемкой и ни о каком пистолете понятия не имеет. Когда следователь доходчиво объяснил, что Доронин гордит чушь, последний впал в истерику, начал «косить» на сумасшествие.

Сначала Гуров хотел встретиться с арестованным, но, узнав о его поведении, махнул рукой, пришел к Орлову и сказал:

— Уволь, Петр Николаевич, я данным делом больше не занимаюсь. Мавр сделал свое...

— Я тебя понимаю, однако одобрить решение не могу. Ты же отлично понимаешь, сколько хвостов у данной истории. Ты от прессы скрываешься, а меня они рвут на части. Твой друг, телезвезда, требует эксклюзивного интервью...

— Дорогой друг и начальник, — перебил Гуров и, нарушая многолетнюю традицию, опустился в низкое кресло для гостей, — требовать Саша Турин у меня ничего не может. Пусть снимает тебя. Генерал Орлов в полный рост встал над задержанным и закрыл обзор снайперу. Если будешь особо приставать, я растроблю о данном факте на всех углах, тогда ты поймешь, что такое газеты и телевидение.

— Лева! — Орлов взмахнул руками. — Наивный голубоглазый мальчик докатился до шантажа!

— Пока только самооборона, Петр, давай жить мирно. Лучше я тебе расскажу, что я скрывал от тебя в последние дни.

— Ну? — Орлов оперся на стол кулаками, на них положил подбородок и стал походить на сфинкса.

— Я получил сообщение, что, судя по всему, Доронин убил свою жену, а за два года до этого убил собственную мать. Обе женщины скончались якобы от инфаркта. Обе ранее никогда на сердце не жаловались. В обоих случаях вскрытие не производили, оба тела кремировали. Смерть матери — полный мрак, а с женой произошло иначе. Когда

она скончалась, Доронин избирался, уже был на виду и к нему в квартиру случайно или не случайно зашел опытный сотрудник спецслужбы и, правда, на глазок и по запаху определил цианид. Врач настаивал на вскрытии, но на него надавили, эскулап написал: «инфаркт» и исчез, а Доронин попал в надежные руки. Так то, что вытворяет герой на следствии, возможно, не такой уж и блеф.

— Доронина завербовали? — спросил Орлов.

— Нет. Однако секретная справочка на него имеется, нам ее никогда не покажут, но я видел копию.

— Так чего ты молчал?

— А зачем тебе знать все мои источники?

— А то я не догадываюсь.

— Ты молчишь, я молчу, жить надо дружно. Некто задумал многоходовую операцию. Необходим был скандал. Убийство фашистского лидера из пистолета многоразового использования очень даже годилось. Полковника Ильина и нашего с тобой шефа Бардина использовали втемную. Ты знаешь лучше меня, что в окружение президента не проникнуть, клубок не распутать, вдохновителя и организатора всего происшедшего не выявить.

Розыскники помолчали, каждый думал о своем. Наконец Гуров произнес:

— Поздно я разобрался в Доронине, моя вина. Тугодум.

— Вiniшься? Рвани рубашку на груди.

Верно, пахали вроде на совесть, а урожай — одни вершки, — ответил Орлов.

Гуров умел признавать свои ошибки, оставшись один, ругал себя последними словами, мог и вслух обозвать сыщика Гурова последними словами. Но критические замечания со стороны, даже от ближайшего друга и начальника воспринимал болезненно.

— Доронин мне не понравился. Я сразу понял, что он ведет двойную игру, изображает алкоголика. А просто так человек выставляться в исподнем не станет. Я алкашей различных повидал, сообразил: депутат изображает — значит, имеет резон. Какой? Хочет, чтобы к нему серьезно не относились. Но политические интриги — одно, а убийство — совсем иное. Я же не знал, что на Доронине уже висят убийства матери и жены и спецслужба — какая конкретно, я и сейчас не знаю, — держит депутата Думы за горло.

— Не будем оправдываться, Лева, — устало сказал Орлов. — Сделанного не вернешь. Непонятно, если убийца у них уже был, то к чему затевать историю с киллером? Дался им Галей и «горячий» пистолет.

— Разные службы, Петр. Розыск киллера, использование меня, похищение Галея, поиски «вальтера». Это контрразведка, конкретно — подразделение Ильина. Прихватили намертво Доронина, держали его про запас, убили Артема Ермакова другие люди. Какие? Задай вопрос попроще. Что за подразделение создано под видом охраны пре-

зидента? Сколько в нем человек, какие специалисты? Почему начальник охраны президента дает рекомендации премьеру? Почему президент и премьер на всю Россию, на весь мир объявляют одно, а в жизни происходит совершенно иное?

— Не лезь в большую политику, мы розыскники и только, — резко сказал Орлов.

— Я туда и не лезу, упаси Боже! Я лишь хочу сказать, что в верхах драка, неразбериха, потому и в нашей прихожей все в дыму, ничего не разберешь.

Чего хотел Ильин? Чтобы мы разыскали ему киллера, а контрразведка убийцу заберет к себе и повесит на него все громкие убийства последнего года. Конечно, живым Галей прокуратура и журналисты никогда бы не увидели. Труп, пистолет, баллистическая экспертиза. несколько лжесвидетелей по другим делам.

— Чего добивался неизвестный? — продолжал Гуров. — Он следил за развитием событий и ждал. Убьет киллер Бесковитого? Прекрасно, они варят свою политическую похлебку. Но Галей не простак, сразу понял, что после выполнения задания он обречен. Думаю, он дал согласие, решив, что, когда окажется на площади, сдастся в руки ненавистой ментовки. Арест, следствие, суд. А ведь дела его не доказываются. Но Ильин человек опытный, доложил, что киллер неуправляем. Тогда неизвестный вынул из кармана козырного туза. Доронину пообещал

щали златые горы, а в случае отказа пригрозили разоблачением. Он не Галей, просечь ситуации не сумел. Убежден, он даже не понимал, что убийства матери и жены не доказываются, запудрили ему мозги достижениями современной науки, наличием несуществующих свидетелей, его признанием, которое из него, естественно, выбили.

Неизвестный был уверен, что убийцу не обнаружат, страхуясь, посадил снайпера, приказал, если Доронина схватят, немедленно его ликвидировать. Кто же мог рассчитывать, что появится герой в генеральской форме...

— Ты не устал? — спросил Орлов вкрадчиво, но лицо его побагровело. — Складно излагаешь и без бумажки. Значит, ни министром, ни тем более президентом тебе не быть.

— У меня есть и другие недостатки, — рассмеялся Гуров. — Жаль, я с тобой тогда не поспорил. Ты утверждал, что нас с тобой запросто втемную использовать могут.

— Не нас, а тебя, — поправил Орлов. Он сдерживался, сдерживался и наконец сорвался: — Ты, голубоглазый, наивный мальчик, использовал меня, старого волка, втемную. — Эта мысль давно не давала генералу покоя, и теперь его прорвало: — Ты вынудил меня надеть мундир и приехать на это сборище. Ты предвидел, что тебе понадобится генерал!

— Вы со Станиславом считаете меня провидцем, а я только человек. Как я догадал-

ся, что пистолет в видеокамере? Я предвидел!.. Да не знаю я! Не знаю! У меня так получается, — уже шепотом закончил Гуров.

— Ладно, выговорился, от души отлегло, Лева. Прощаю! Мы с тобой одной крови — ты и я!

— Мы с тобой одной крови, ты и я! — Гуров развел руками.

ЭПИЛОГ

В квартире Гурова хозяин и Станислав Крячко, подпоясавшись полотенцами, готовили обед. С минуты на минуту ждали коллег-розыскников.

— Прекрати жарить, все равно никто не оценит, — сердился Гуров. — Начадил, дышать нечем.

— Когда ты понял, что Галя нет, а пистолет у Доронина и закамуфлирован под камеру? — Крячко аккуратно переворачивал котлеты по-киевски.

— Отстань! Никогда я не понял! Никогда!

— Я тоже не понял. — Крячко выключил конфорку. — Мы с тобой одинаково бестолковые.

Он снял с пояса полотенце, вытер руки, вынул из холодильника початую бутылку водки и хлебнул из горлышка.

— Я не жалею, что вернулся в контору. Однако драка, которую мы с тобой ведем третий десяток лет, совершенно бессмысленна.

— Спиноза, отвечу тебе старинной притчей. Кажется, я тебе ее уже рассказывал. — Гуров тоже снял полотенце, оглядел стол. — Парит в небе могучий орел. Глаз у него острый, с необычайной высоты видит, что на земле лежит крохотная птичка. Лежит на спине и подняла вверх свои тоненькие лапки. Орел спустился и спрашивает:

— Что это с тобой, птичка?

А она отвечает:

— Ты что, не видишь? Небосвод падает.

— Глупости! — проклокотал могучий орел. — А если и падает, ты хочешь своими лапками удержать небосвод?

— Я делаю, что могу, — ответила птичка...

Крячко собрался ответить, но тут раздался звонок в дверь и оперативники пошли встречать гостей.

Москва

1994—1995 гг.

Литературно-художественное издание

Леонов Николай Иванович

МЕНТ ВЕРНУЛСЯ

Роман

Редактор *Н. В. Крылова*
Художественный редактор *Е. В. Кипятков*
Технические редакторы
Н. Д. Теплякова, С. А. Рубис
Корректор *Л. М. Гусева*

ЛР № 061309 от 17.06.92.

Сдано в набор 13.10.95. Подписано в печать 16.11.95.
Формат 70х90 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,38.
Уч.-изд. л. 15,28. Доп. тираж 20 000 экз. Заказ 1263.

В оформлении книги использованы материалы
фотохроники ТАСС.

ЗАО издательство «ЭКСМО»,
123298, Москва, ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

